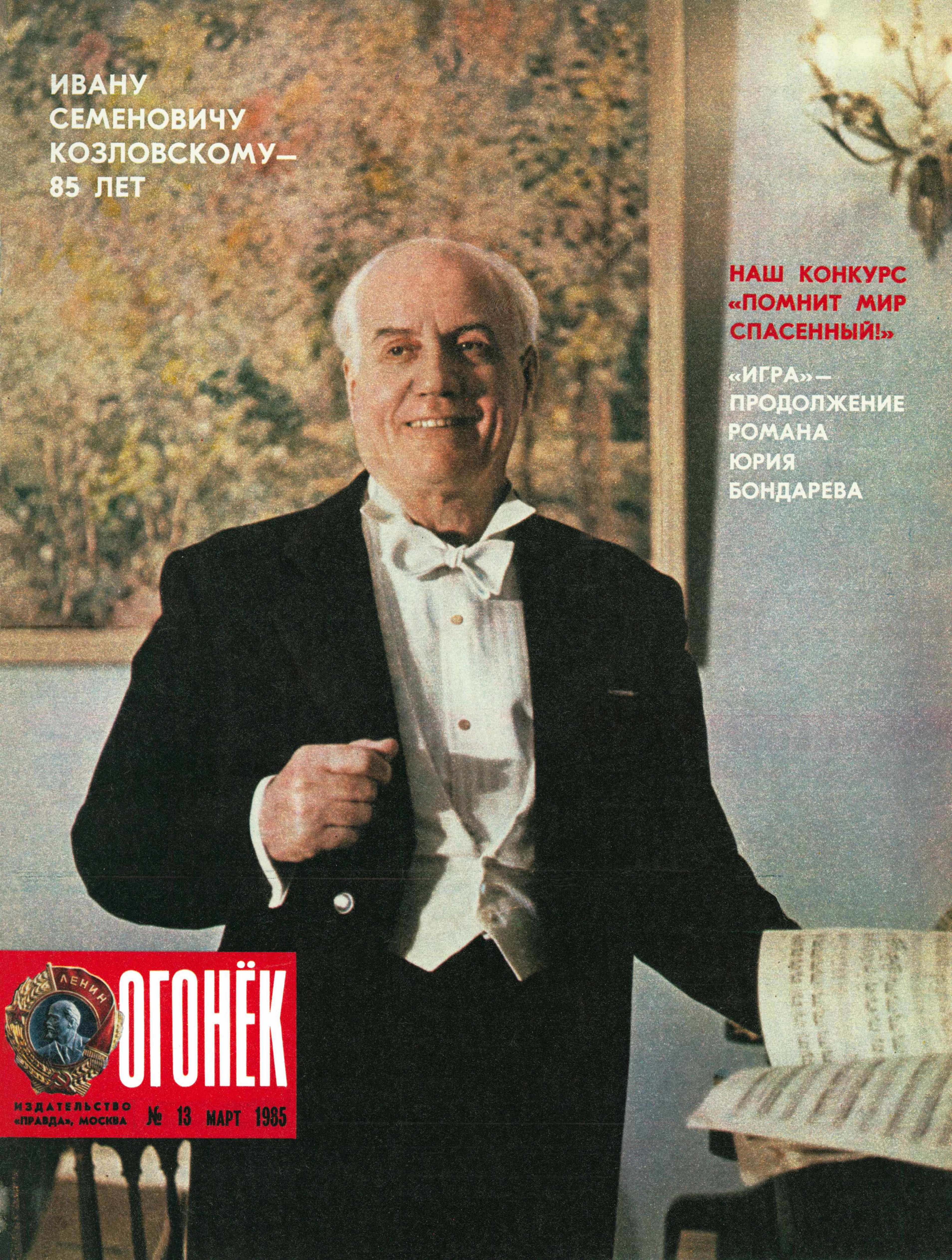
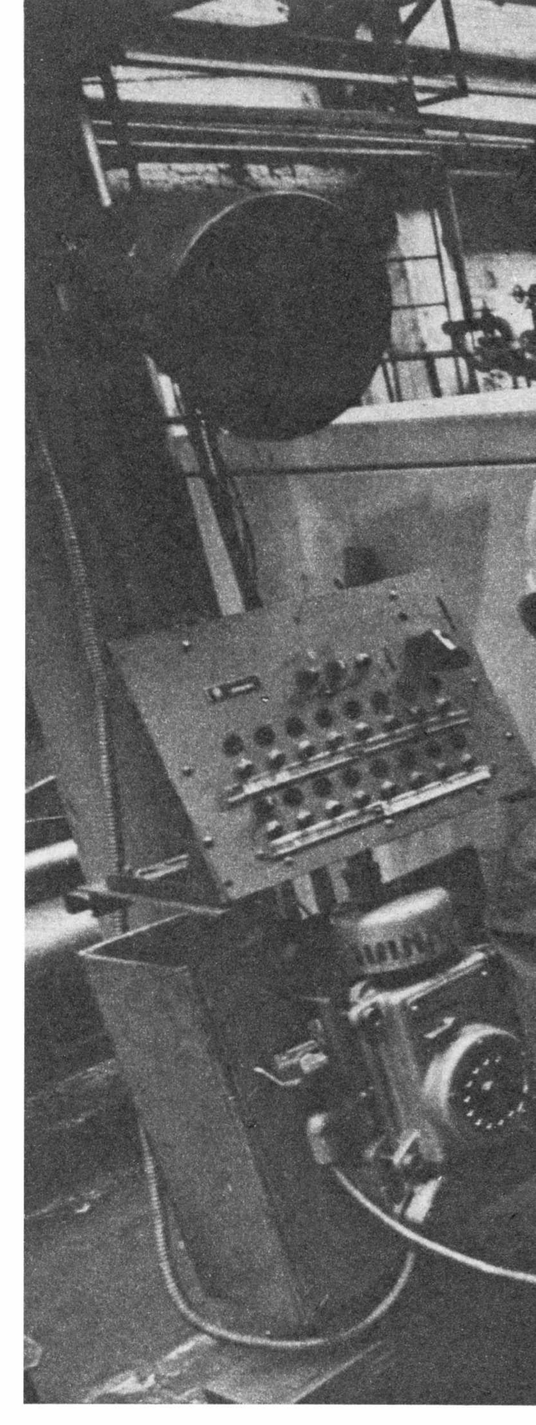

ИВАНУ СЕМЕНОВИЧУ КОЗЛОВСКОМУ— 85 ЛЕТ
НАШ КОНКУРС «ПОМНИТ МИР СПАСЕННЫЙ!»
«ИГРА» — ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА ЮРИЯ БОНДАРЕВА
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 13 МАРТ 1985

Лариса Алексеенко, электросварщица.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 13 (3010)

23—30 МАРТА

У пульта сварочного стана. Справа — бригадир В. М. Пустовалов.

УСКОРЕНИЕ

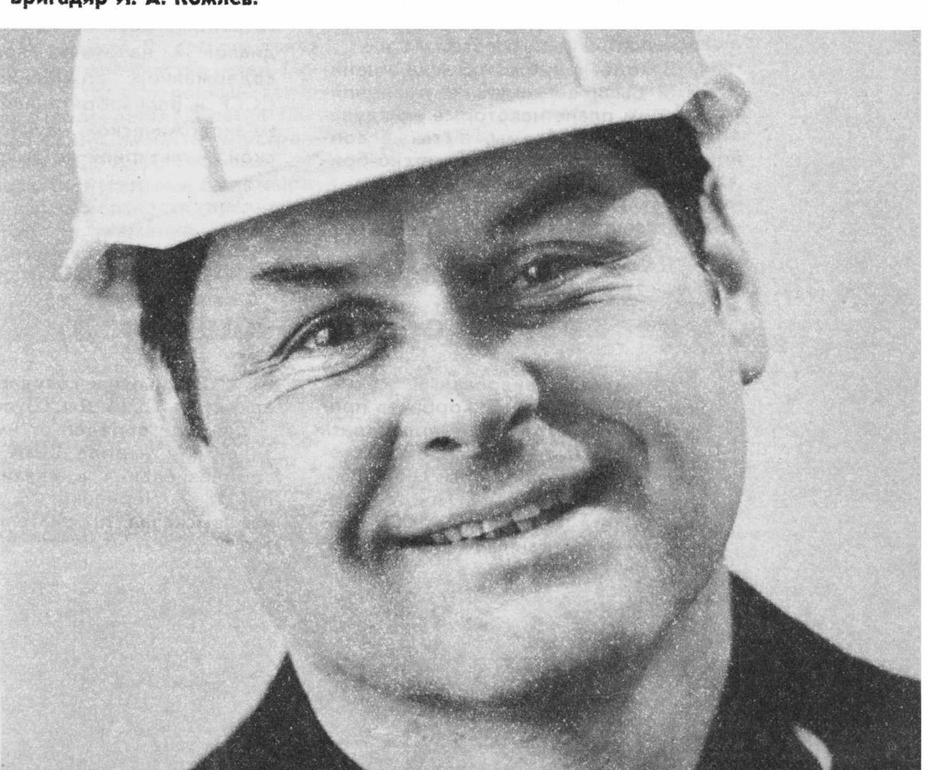
Игорь КОМЛЕВ,
бригадир трубоэлектросварщиков
Московского ордена «Знак Почета»
трубного завода

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Мои товарищи и я, все коммунисты, весь наш коллектив с безусловным одобрением восприняли решения внеочередного Пленума ЦК КПСС. В речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища М. С. Горбачева на мартовском Пленуме Центрального Комитета намечена конкретная программа поступательного движения страны вперед. Стратегическую линию XXVI съезда партии и последующих Пленумов ЦК КПСС одобряет и поддерживает весь советский народ.

Окончание см. на стр. 8.

Бригадир И. А. Комлев.

13 марта. Кремль. Во время встречи глав иностранных делегаций с руководителями Коммунистической партии и Советского правительства.

Беседа М. С. Горбачева с М. Тэтчер

Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев имел 13 марта в Кремле беседу с Премьер-Министром Великобритании М. Тэтчер. В ней приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и министр иностранных дел и по делам Содружества Великобритании Дж. Хау.

От имени правительства и народа Великобритании и от себя лично М. Тэтчер выразила соболезнования по поводу кончины К. У. Черненко. М. С. Горбачев высказал признательность за это.

В ходе краткого обмена мнениями были затронуты в принципиальном плане некоторые международные проблемы, а также вопросы двусторонних советско-британских отношений.

С советской стороны была подчеркнута настоятельная необходимость принятия мер по устранению угрозы ядерной войны и в этой связи важность предотвращения гонки вооружений в космосе и прекращения ее на Земле. Именно на это, подчеркнул М. С. Горбачев, была и будет направлена внешнеполитическая деятельность Советского государства. Свой вклад в дело изменения к лучшему обстановки в мире могла бы внести и Великобритания.

С обеих сторон была выражена готовность развивать политический диалог и наполнять конкретным содержанием отношения между СССР и Великобританией в торгово-экономической, научно-технической, культурной и других областях.

Беседа М. С. Горбачева с Дж. Бушем

13 марта Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев принял в Кремле вице-президента США Дж. Буша. В беседе участвовали член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и государственный секретарь США Дж. Шульц.

Дж. Буш передал от имени президента и народа США глубокие соболезнования в связи с кончиной К. У. Черненко. М. С. Горбачев высказал признательность за это.

Состоявшийся обмен мнениями касался ключевых вопросов советско-американских отношений и положений дел в мире.

Отметив важность советско-американских отношений, Генеральный секретарь ЦК КПСС подтвердил готовность Советского Союза, при наличии таковой с американской стороны, практически действовать в пользу их улучшения, что имело бы большое значение для оздоровления международной обстановки в целом, для упрочения мира. Одновременно было вновь заявлено, что СССР никогда не поступится законными интересами своей безопасности и интересами своих союзников.

Со своей стороны Дж. Буш в общем плане говорил, что администрация США желала бы улучшения отношений с Советским Союзом.

В ходе беседы были затронуты вопросы, связанные с начавшимися в Женеве советско-американскими переговорами по космическим и ядерным вооружениям.

Встреча М. С. Горбачева с Ж. Батмунхом

13 марта состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Генеральным секретарем ЦК МНРП, Председателем Президиума Великого Народного хурала МНР Ж. Батмунхом.

В беседе приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков.

М. С. Горбачев выразил признательность за переданные Ж. Батмунхом соболезнования коммунистов, всех трудящихся МНР в связи с кончиной К. У. Черненко.

Участники встречи заявили о неизменности принципиальной линии КПСС и МНРП на дальнейшее укрепление традиционной дружбы и углубление всестороннего сотрудничества между СССР и МНР. В этой связи они подчеркнули значение последовательной реализации договоренностей, достигнутых на советско-монгольских переговорах на высшем уровне в Москве в октябре 1984 года.

При обмене мнениями по внешнеполитическим вопросам М. С. Горбачев и Ж. Батмунх констатировали, что СССР и МНР действуют в едином ключе на всех направлениях международной жизни, в том числе в борьбе за мир, безопасность и добрососедство в Азии.

Встреча прошла в сердечной, дружеской обстановке.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и А. ГОСТЕВА

Встреча М. С. Горбачева с Чыонг Тинем

14 марта Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев встретился с членом Политбюро ЦК КПВ, Председателем Государственного совета СРВ Чыонг Тинем.

В беседе принял участие секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков.

М. С. Горбачев выразил признательность коммунистам, всем трудящимся Вьетнама за соболезнования в связи с кончиной К. У. Черненко.

Обе стороны с удовлетворением отметили непоколебимую сплоченность КПСС и КПВ, Советского Союза и Социалистической Республики Вьетнам, советского и вьетнамского народов. Они подтвердили обоюдное стремление неуклонно развивать и укреплять советско-вьетнамскую дружбу и всестороннее сотрудничество.

При обсуждении международных вопросов была подчеркнута решимость обеих стран и впредь активно взаимодействовать друг с другом в интересах сохранения мира, упрочения безопасности народов, ликвидации угрозы ядерной войны.

С советской стороны была выражена солидарность с борьбой вьетнамского народа против происков империализма и его пособников, за превращение Юго-Восточной Азии в зону мира, стабильности и добрососедства.

Встреча прошла в обстановке братской дружбы и полного единства взглядов.

Встреча М. С. Горбачева с Суфанувонгом

14 марта Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев встретился с членом Политбюро ЦК НРПЛ, Президентом ЛНДР, Председателем Верховного Народного собрания ЛНДР Суфанувонгом.

В беседе приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, член Политбюро ЦК НРПЛ, секретарь ЦК НРПЛ, заместитель Председателя Совета Министров, министр национальной обороны ЛНДР Кхамтай Сипхандон.

С советской стороны была выражена признательность Народно-революционной партии Лаоса, лаосскому народу за соболезнования в связи с кончиной К. У. Черненко.

В ходе беседы подтверждено взаимное стремление и впредь развивать всестороннее советско-лаосское сотрудничество, настойчиво бороться за ослабление международной напряженности и укрепление мира. В этой связи М. С. Горбачев выразил твердую поддержку конструктивной позиции ЛНДР, выступающей вместе с социалистическим Вьетнамом и народной Кампучией за оздоровление обстановки в Юго-Восточной Азии, за создание здесь зоны мира, стабильности и добрососедства.

Встреча прошла в обстановке братской дружбы и сердечности.

Встреча М. С. Горбачева с Ли Пэном

14 марта Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев принял заместителя премьера Государственного совета Китайской Народной Республики Ли Пэна, возглавлявшего правительственную делегацию КНР на похоронах К. У. Черненко. В состоявшейся беседе принял участие член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

С советской стороны была выражена признательность правительству КНР за уважение, проявленное к памяти К. У. Черненко.

В ходе беседы состоялся обмен мнениями в принципиальном плане по вопросам, касающимся советско-китайских отношений.

М. С. Горбачев подтвердил, что советская сторона хотела бы серьезного улучшения отношений с Китайской Народной Республикой, и считает, что при наличии взаимности это вполне возможно.

Ли Пэн от имени китайского руководства заявил, что такое же стремление есть и у китайской стороны. Он выразил надежду, что отношения между двумя странами получат дальнейшее развитие в различных областях.

Встреча М. С. Горбачева с А. Наттой

14 марта состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Генеральным секретарем Итальянской компартии Алессандро Наттой.

В беседе приняли участие: с советской стороны — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, член ЦК КПСС А. М. Александров;

с итальянской стороны — член Руководства ИКП Э. Макалузо, член ЦК ИКП А. Рубби.

М. С. Горбачев передал А. Натте благодарность за выраженные от имени итальянских коммунистов соболезнования в связи с кончиной К. У. Черненко.

В состоявшейся беседе, прошедшей в дружественной обстановке, было отмечено стремление КПСС и ИКП активно добиваться устранения угрозы ядерной войны, предотвращения гонки вооружений как на Земле, так и в космосе.

Была подтверждена также готовность обеих партий развивать отношения между ними в интересах мира, демократии и социализма.

Встреча М. С. Горбачева с Б. Кармалем

Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев встретился 14 марта в Кремле с Генеральным секретарем ЦК Народно-демократической партии Афганистана, Председателем Революционного совета ДРА Б. Кармалем, прибывшим на похороны К. У. Черненко. Во встрече принял участие член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Состоялась товарищеская беседа, в ходе которой были затронуты основные вопросы советско-афганских отношений и обстановки вокруг Афганистана. Обе стороны решительно осудили продолжающиеся агрессивные действия внешних сил против Демократической Республики Афганистан и подчеркнули неотъемлемое право афганского народа строить свою жизнь так, как он сам считает нужным. Участники беседы выразили убеждение, что прекращение военной интервенции и любого другого вмешательства извне в дела народного Афганистана — одна из важных предпосылок укрепления мира и стабильности в Азии.

С обеих сторон было выражено удовлетворение поступательным развитием дружественных отношений между КПСС и НДПА, между Советским Союзом и Демократической Республикой Афганистан и подтверждено стремление к всемерному дальнейшему укреплению и углублению этих отношений.

Беседа М. С. Горбачева с Ж. Э. душ Сантушем

14 марта в Кремле состоялась беседа Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Председателем МПЛА — Партии труда, Президентом Народной Республики Ангола Ж. Э. душ Сантушем. В беседе приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК МПЛА — Партии труда, генеральный секретарь Национального союза трудящихся Анголы П. Лувуалу, секретарь ЦК МПЛА — Партии труда, министр внешних сношений НРА А. ВанДунен.

М. С. Горбачев сердечно поблагодарил Ж. Э. душ Сантуша за выраженное им от имени МПЛА — Партии труда и народа Анголы соболезнование в связи с кончиной К. У. Черненко.

В ходе беседы было выражено удовлетворение развитием советско-ангольских отношений, базирующихся на прочной основе Договора о дружбе и сотрудничестве между Советским Союзом и Народной Республикой Ангола. Стороны отметили наличие благоприятных возможностей для дальнейшего плодотворного сотрудничества между двумя странами.

Были обсуждены также некоторые международные проблемы, в том числе положение на юге Африки. С советской стороны была подтверждена солидарность и поддержка справедливого дела Анголы, борющейся за обеспечение своей безопасности и территориальной целостности, против агрессивных происков расистов ЮАР, поддерживаемых международной реакцией.

Беседа М. С. Горбачева с А. Н. Мухаммедом

14 марта состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Генеральным секретарем ЦК Йеменской социалистической партии, Председателем Президиума Верховного Народного совета НДРЙ Али Насером Мухаммедом. В беседе участвовал член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

С советской стороны была выражена глубокая признательность руководству и народу Демократического Йемена за соболезнования в связи с кончиной К. У. Черненко.

В ходе беседы, прошедшей в дружественной обстановке, М. С. Горбачев и А. Н. Мухаммед высказались за углубление дружественных связей между КПСС и ЙСП, за дальнейшее всестороннее развитие советско-южнойеменских отношений. Состоялся также обмен мнениями по некоторым международным вопросам, в том числе о положении на Ближнем Востоке. А. Н. Мухаммед высоко оценил последовательную позицию СССР в вопросе о достижении прочного и справедливого мира в этом регионе. С советской стороны была выражена поддержка усилиям Демократического Йемена в деле ликвидации последствий израильской агрессии, в деле отстаивания законного права арабских народов на прочный мир, независимость и социальный прогресс.

Беседа М. С. Горбачева с С. Машелом

14 марта в Кремле состоялась беседа Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Председателем Партии Фрелимо, Президентом Народной Республики Мозамбик С. Машелом. В ней участвовали член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и член Политбюро ЦК Партии Фрелимо А. Гебуза.

С советской стороны была выражена признательность главе государства и народу дружественного Мозамбика за проявленное уважение к памяти К. У. Черненко.

Состоявшийся краткий обмен мнениями касался положения на юге Африки, и прежде всего противодействия проискам международного империализма и сил реакции в отношении Мозамбика.

Встреча прошла в дружественной атмосфере и в духе взаимопонимания.

Беседа М. С. Горбачева с М. Койвисто

14 марта Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев принял в Кремле Президента Финляндской Республики Мауно Койвисто, прибывшего в Москву для участия в похоронах К. У. Черненко. В беседе принял участие член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

М. С. Горбачев выразил главе дружественного финляндского государства и народу Финляндии сердечную признательность за глубокие соболезнования по поводу постигшей советский народ тяжелой утраты.

В ходе беседы состоялся обмен мнениями по некоторым вопросам советско-финляндских отношений, а также актуальным международным проблемам, представляющим взаимный интерес.

М. С. Горбачев подчеркнул, что советское руководство и дальше будет уделять особое внимание укреплению добрососедства и взаимного доверия с Финляндией. С обеих сторон была выражена уверенность в том, что советско-финляндские отношения будут и впредь развиваться устойчиво и поступательно в направлении, определенном Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 года, на благо народов обеих стран, в интересах мира и международной безопасности.

Беседа М. С. Горбачева с Г. Колем

14 марта Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев имел беседу в Кремле с Федеральным канцлером ФРГ Г. Колем. В беседе приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, федеральный министр, руководитель ведомства Федерального канцлера В. Шойбле и статс-секретарь МИД ФРГ А. Майер-Ландрут.

От имени советского руководства М. С. Горбачев высказал признательность за уважение к памяти К. У. Черненко, проявленное правительством и народом ФРГ.

Состоялся краткий обмен мнениями по ключевым вопросам советско-западногерманских отношений, а также положения в Европе и в мире.

С обеих сторон было выражено желание развивать и впредь взаимовыгодное сотрудничество в различных областях. С советской стороны была подтверждена принципиальная линия СССР на развитие отношений с ФРГ на основе Московского договора, уважения существующих территориально-политических реальностей, должного учета интересов безопасности друг друга. Вместе с тем было подчеркнуто, что определяющее значение для дальнейшего развития отношений между СССР и ФРГ будет иметь то, какую политику будет проводить ФРГ в вопросах, затрагивающих интересы безопасности Советского Союза и его союзников.

Беседа М. С. Горбачева с Я. Накасонэ

14 марта Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев принял в Кремле Премьер-Министра Японии Я. Накасонэ. В беседе участвовали член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и министр иностранных дел Японии С. Абэ.

Между ними состоялся краткий обмен мнениями по ключевым вопросам советско-японских отношений и о положении дел в мире.

М. С. Горбачев подчеркнул, что Советский Союз готов развивать взаимовыгодные связи с Японией в различных областях и выступает за придание отношениям между обеими странами добрососедского характера. Мы готовы ко многим практическим шагам в этом плане. В связи с заявлением Я. Накасонэ о стремлении также и японской стороны к улучшению отношений с СССР была подчеркнута важность устранения искусственно создаваемых японской стороной трудностей и ограничений на пути развития отношений между двумя странами. Улучшению отношений и добрососедству, безусловно, способствовало бы проведение Японией на деле миролюбивой политики.

Беседа М. С. Горбачева с Федеральным президентом Австрии

14 марта в Кремле состоялась беседа Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Федеральным президентом Австрийской Республики Р. Кирхшлегером, в которой приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и министр иностранных дел Австрии Л. Грац.

Р. Кирхшлегер от себя лично и народа Австрийской Республики передал глубокие соболезнования в связи с кончиной К. У. Черненко. М. С. Горбачев выразил признательность за это.

С обеих сторон было выражено удовлетворение дружественным и стабильным характером советско-австрийских отношений и подтверждена готовность к их дальнейшему развитию в различных областях.

При обсуждении международных проблем М. С. Горбачев и Р. Кирхшлегер были едины в том, что главной задачей, на решение которой должны быть направлены усилия всех государств, является прекращение гонки вооружений, устранение военной опасности, сохранение и упрочение мира, восстановление климата разрядки и плодотворного международного сотрудничества.

Беседа М. С. Горбачева с Ф. Гонсалесом

14 марта в Кремле состоялась беседа Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Председателем правительства Испании Ф. Гонсалесом, в которой принял участие член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Ф. Гонсалес выразил от имени испанского правительства и от себя лично глубокие соболезнования в связи с кончиной К. У. Черненко. М. С. Горбачев высказал признательность за это.

При обмене мнениями о состоянии и перспективах советско-испанских отношений стороны выразили удовлетворение расширением двустороннего сотрудничества во многих областях, что идет на пользу советскому и испанскому народам. Подтвердив договоренности, достигнутые в ходе недавних советско-испанских переговоров в Мадриде, стороны высказались за дальнейшее развитие сотрудничества между СССР и Испанией, включая политические контакты и консультации.

Была подтверждена готовность обеих сторон содействовать активизации усилий, направленных на прекращение гонки вооружений на Земле и ее предотвращение в космосе, устранение угрозы ядерной войны, восстановление политики разрядки международной напряженности.

Беседа М. С. Горбачева с Б. Малруни

14 марта Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев принял в Кремле Премьер-Министра Канады Б. Малруни и имел с ним беседу, в которой принял участие член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

От имени правительства и народа Канады Б. Малруни выразил глубокие соболезнования в связи с кончиной К. У. Черненко.

Состоявшийся краткий обмен мнениями касался как советско-канадских отношений, так и проблемы устранения угрозы ядерной войны, достижения реального прогресса в области разоружения.

С обеих сторон было выражено обоюдное стремление к дальнейшему углублению политического диалога между СССР и Канадой и к расширению взаимовыгодного сотрудничества в различных областях.

М. С. Горбачев привлек внимание канадского Премьер-Министра к советским мирным инициативам, подтвердил готовность советской стороны к достижению на открывшихся в Женеве советско-американских переговорах конструктивных договоренностей о недопущении милитаризации космоса, о прекращении гонки ядерных вооружений и их радикальном сокращении.

Б. Малруни заявил, что приоритетной задачей канадского правительства являются усилия по ослаблению угрозы ядерной войны и оздоровлению международной обстановки.

Беседа М. С. Горбачева с М. Зия-уль-Хаком

14 марта Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев принял в Кремле Президента Пакистана М. Зия-уль-Хака, прибывшего в Москву в связи с кончиной К. У. Черненко.

Состоявшаяся беседа, в которой приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и министр иностранных дел Пакистана С. Якуб Хан, касалась главным образом положения вокруг Афганистана.

С советской стороны была дана откровенная, принципиальная оценка политики, проводимой в этом вопросе правительством Пакистана, с территории которого осуществляются агрессивные действия против Демократической Республики Афганистан. Было также подчеркнуто, что это не может не сказываться самым отрицательным образом и на состоянии советско-пакистанских отношений.

Беседа М. С. Горбачева с генеральным секретарем ООН

14 марта Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев имел беседу в Кремле с генеральным секретарем ООН Х. Пересом де Куэльяром. В ней принял участие член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

М. С. Горбачев поблагодарил Х. Переса де Куэльяра за проявленное им уважение к памяти К. У. Черненко.

Состоявшийся затем краткий обмен мнениями касался в основном роли ООН в устранении угрозы ядерной войны и развитии отношений мира и сотрудничества между народами.

С советской стороны было подчеркнуто, что главное сейчас — добиться прекращения гонки вооружений, прежде всего ядерных, и не допустить ее распространения на космос. ООН может и должна внести свой вклад в решение этой задачи.

Было подтверждено, что Советский Союз, будучи убежденным противником решения спорных международных вопросов силой, всегда придавал и придает большое значение ООН как действенному инструменту мира и готов предпринять новые шаги, с тем чтобы справедливые, демократические принципы, на которых была основана ООН сорок лет назад, прочно утвердились в практике международных отношений.

Беседа М. С. Горбачева с И. Маркос

14 марта Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев принял в Кремле видную государственную и общественную деятельницу Филиппин Имельду Р. Маркос, прибывшую на похороны К. У. Черненко. В беседе участвовали член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и и. о. министра иностранных дел Филиппин Пасифико А. Кастро.

С советской стороны была высказана признательность правительству и народу Филиппин за проявленное уважение к памяти К. У. Черненко.

В последовавшей беседе, которая прошла в дружественной атмосфере, было с удовлетворением отмечено поступательное развитие советско-филиппинских отношений и высказано обоюдное стремление к их дальнейшему улучшению в интересах народов обеих стран, в интересах укрепления мира в Юго-Восточной Азии и во всем азиатско-тихоокеанском регионе.

Встреча М. С. Горбачева с Т. Фувой

15 марта Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев встретился с Председателем Президиума ЦК Компартии Японии Т. Фувой.

М. С. Горбачев высказал признательность за выраженные руководством КПЯ соболезнования в связи с кончиной К. У. Черненко. С обеих сторон была отмечена важность достигнутой в декабре 1984 года договоренности между КПСС и КПЯ о сотрудничестве двух партий в борьбе за предотвращение ядерной войны, полное запрещение и ликвидацию ядерного оружия. М. С. Горбачев выразил надежду на дальнейшее развитие сотрудничества между советскими и японскими коммунистами в борьбе за упрочение мира, за добрососедские отношения между народами Советского Союза и Японии. Японские товарищи выразили такое же мнение.

В беседе приняли участие кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, с японской стороны — Председатель Секретариата ЦК КПЯ М. Канэко.

ЛЕНИНСКИМ КУРСОМ МИРА

Владимир НИКОЛАЕВ

Итоги внеочередного Пленума ЦК КПСС, выступления Генерального секретаря ЦК КПСС М. С Горбачева, состоявшиеся в Кремле беседы и встречи с руководителями зарубежных делегаций вызвали большой интерес мировой общественности. «Внимание всей планеты приковано к Москве» — так называется статья в западногерманской газете «Унзере цайт». Видный американский общественный деятель Герберт Аптекер сказал, что сообщения, поступающие в эти дни из Москвы, свидетельствуют о преемственности советской внешней политики, незыблемости ее принципов, заложенных основателем Советского государства В. И. Лениным.

В своей речи на Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев заявил: «Что же касается отношений с капиталистическими государствами, то хочу сказать следующее. Мы будем твердо следовать ленинским курсом мира и мирного сосуществования. На добрую волю Советский Союз всегда ответит доброй волей, на доверие — доверием. Но все должны знать, что интересами нашей Родины и ее союзников мы не поступимся никогда». В речи М. С. Горбачева отмечается, что мы ценим успехи разрядки международной напряженности, достигнутые в 70-е годы.

Тогда на практике была доказана возможность осуществления политики мирного сосуществования и сотрудничества между государствами с разными социальными системами. Достаточно вспомнить о том, что между СССР и США велись нелегкие, долгие, но тем не менее плодотворные переговоры о разоружении, в том числе и ядерном, расширялись экономические связи и культурный обмен, шла большая совместная работа в области науки, особенно в космосе, медицине и борьбе за сохранение окружающей среды. Такие же тенденции развивались и в отношениях с другими капиталистическими странами.

Отнюдь не по нашей вине международная обстановка в последние годы вновь обострилась. Пленум ЦК КПСС подчеркнул, что над человечеством нависла страшная угроза атомной войны и что единственный разумный выход из создавшегося положения — это договоренность противостоящих сил о немедленном прекращении гонки вооружений, прежде всего ядерных, на Земле и недопущении ее в космосе.

Сегодня весь мир с надеждой смотрит на Женеву, где начались переговоры между СССР и США. Договоренность, подчеркивается в речи М. С. Горбачева на Пленуме ЦК КПСС, должна быть достигнута на честной и равноправной основе, без попыток «переиграть» другую сторону и диктовать ей свои условия. Как пойдут дела в Женеве? Переговоры проходят конфиденциально, в то же время в западной прессе появляются сообщения, которые не могут не вызывать тревоги по поводу позиции США. Так, государственный секретарь США Дж. Шульц заявил, что в ходе переговоров Соединенные Штаты не собираются отказываться от программы милитаризации космоса. А руководитель американской делегации в Женеве М. Кампельман опубликовал недавно статью в соавторстве с небезызвестным З. Бжезинским и профессором физики Р. Джастроу, в ней содержится призыв уже к началу 90-х годов развернуть в космосе противоракетное оружие. Но сегодня кому не ясно, что разрабатываемые в США планы «космической обороны» ведут к качественно новому витку гонки вооружений?

Как известно, Белый дом добивается от американского конгресса новых военных ассигнований. Министр обороны США К. Уайнбергер заявляет: «По мере того как ширятся требования об урезывании ассигнований на оборону в целях сокращения дефицита федерального бюджета, от всех нас потребуется твердая решимость, чтобы продолжать движение по намеченному курсу. Проект оборонного бюджета на 1986 финансовый год требует от нас не сводить на нет прогресс, достигнутый в последние четыре года. Он предусматривает, что мы продолжим движение вперед». Наращивание гонки вооружений, в том числе и милитаризацию космоса, американская администрация демагогически рекламирует в качестве единственно возможного пути упрочения безопасности и даже считает «ключом к успеху» на женевских переговорах. Но разговор «с позиции силы» неприемлем для нас.

Реальные перспективы конструктивной работы в пользу мира и международной безопасности были подтверждены в ходе состоявшихся в Москве встреч М. С. Горбачева, других советских руководителей с представителями социалистических, капиталистических и развивающихся стран. В заявлении Федерального президента Австрии Р. Кирхшлегера о его беседе с М. С. Горбачевым говорится: «Это была хорошая, деловая, проникнутая духом человечности беседа, которая послужила установлению личных контактов, имеющих столь важное значение в международных отношениях».

Да — переговорам. Нет — войне. Наш внешнеполитический курс ясен и последователен. Говоря о женевских переговорах, М. С. Горбачев заявил:

«Подход СССР к этим переговорам хорошо известен. Могу лишь еще раз подтвердить: мы не стремимся к достижению односторонних преимуществ перед Соединенными Штатами, перед странами НАТО, к военному превосходству над ними; мы хотим прекращения, а не продолжения гонки вооружений — и поэтому предлагаем заморозить ядерные арсеналы, прекратить дальнейшее развертывание ракет; мы хотим действительного и крупного сокращения накопленных вооружений, а не создания все новых систем оружия, будь то в космосе или на Земле».

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

СИОНИСТСКИЙ ТЕРРОР В ЮЖНОМ ЛИВАНЕ

Евгений КОРШУНОВ

— Ну, а дальше проехать мы можем?

Наш спутник, коренной житель Сайды, города, который называют столицей Южного Ливана, колеблется.

— Можно, но... не нужно,— наконец принимает он решение.— От израильтян всего можно ожидать.

Наша машина стоит у реки Захрани, примерно в пятнадцати километрах южнее Сайды, а дальше, еще через несколько километров, начинаются районы, в которых хозяйничают сегодня израильские оккупанты. Перед нами важный перекресток. Здесь на приморское шоссе, ведущее к оккупированному городу Тир, выходит дорога из Набатии, другого крупного южноливанского города, оккупированного сионистскими захватчиками. Отсюда, с невысокого, лишенного растительности горного массива, слышится глухое погромыхивание.

— Слышите?— говорит сопровождающий.— Это израильские каратели проводят «прочесывание огнем», палят наугад во все стороны!

Несколько дней назад начиненная взрывчаткой машина врезалась в израильскую колонну всего в двухстах метрах от границы с Израилем. Эту зону Тель-Авив уже много лет считал совершенно безопасной. Взрывом было убито двенадцать и ранено четырнадцать израильтян, оккупанты прямо-таки взбесились!— продолжает рассказывать наш спутник.— Теперь запрещено ставить машины на обочинах дорог. Дороги все время патрулируются, на них устанавливаются передвижные заставы. У моста Касмия была создана специальная «зона» для досмотра автомашин местных жителей, желающих пересечь реку Литани и попасть в Тир и прилегающие к нему районы. Все местные жители обязаны иметь при себе «тасрах»— удостоверение личности, выдаваемое оккупантами. Вот такое...— Он показывает листок голубой бумаги со своей фотографией. На листке что-то написано на иврите, а что — владелец «тасраха» не знает и сам.

— Я был вынужден получить эту бумажку, когда израильтяне еще находились в Сайде,— объясняет он.— Пришлось потолкаться в очередях, отвечать на вопросы израильских контрразведчиков, да еще и заплатить хорошенькую сумму за «оформление». Но иначе было нельзя: без «тасраха» невозможно сделать и шага. Впрочем, и с «тасрахом» живется нелегко... Я представляю, какой ужас сейчас творится на мосту Касмия!

Наш спутник действительно хорошо представляет себе это. Ведь совсем еще недавно ему, как и другим жителям Сайды, которая стала свободной лишь в феврале, приходилось испытывать унижения при пересечении моста через реку Авали, по которой проходила «граница» оккупированных районов. Он христианин, и, хотя оккупанты относились к христианам «помягче», желая поссорить их с мусульманами, он подвергался на мосту через Авали самому унизительному обращению. А что

творилось на дороге Батер—Джеззин, на которой неделями толпились у израильских застав тысячи местных жителей, ожидавших возможности пересечь «границу»! В жарищу и под проливными холодными ливнями, без укрытия, без питания и питьевой воды! Сколько умерло здесь детей, стариков и больных, лишенных элементарной медицинской помощи. Близкого родственника нашего спутника, жившего в Бейруте, оккупанты не пропустили в Сайду на похороны матери, которую он не видел до этого целых три года.

— Это был «крестный путь» для тысяч ливанцев,— говорит наш спутник о дороге Батер—Джеззин. А сегодня такими «крестными путями» стали для жителей Южного Ливана все дороги районов, еще остающихся под израильской оккупацией.

В Сайде мы встретились с одним из членов руководства патриотических сил, ведущих борьбу против оккупантов. Он считает, что эта борьба вступила после освобождения Сайды в свой новый этап. И этим этапом должно быть полное освобождение всех оккупированных районов.

И борьба нарастает. Израильская армия потеряла в оккупированных районах больше солдат и военной техники, чем в ходе агрессии и осады Бейрута летом 1982 года. Как известно, несколько месяцев назад правители Тель-Авива были вынуждены принять решение о поэтапном выводе своих войск из Южного Ливана. Первый этап (уход из Сайды и прилегающих к ней районов) уже завершен. Второй этап (уход из долины Бекаа и района города Набатия) и третий (уход из района города Тир) планировалось растянуть на неопределенное время. Но сегодня в Южном Ливане развернулась такая ожесточенная партизанская война и потери оккупантов так резко возросли, что в Тель-Авиве заговорили о скорейшем завершении второго этапа отхода, а то и об осуществлении одновременно с ним и третьего. Впрочем, разговоры об этом могут быть очередной уловкой Тель-Авива, направленной на то, чтобы подорвать волю ливанских патриотов к вооруженной борьбе (мол, что зря подвергать себя опасности, если израильтяне вот-вот уйдут!) и тем самым затянуть оккупацию.

Подобную психологическую диверсию Тель-Авив сочетает с проводимой им сегодня в Южном Ливане «политикой железного кулака» — неслыханной по размаху и жестокости террористической кампанией против местного населения. Вот, например, как это было в деревне Зрарии, находящейся в зоне, откуда израильтяне отошли во время первого этапа своей передислокации и куда уже было введено небольшое подразделение ливанской армии.

Израильские головорезы возвращаются на свои позиции после очередного кровавого рейда по оккупированному югу Ливана.

Фото АП—ТАСС

На рассвете 11 марта жители деревни проснулись от рева танков, грохота артиллерийских орудий, пулеметных и автоматных очередей. Над деревней кружились израильские вертолеты, поливая ее смертельным свинцом. Это было неожиданно, ведь деревня находится в зоне, из которой оккупанты ушли в ходе первого этапа своего так широко разрекламированного вывода войск из Южного Ливана! Но, как выяснилось потом, под покровом ночи более ста двадцати израильских танков, бронетранспортеров и грузовиков с солдатами пересекли «линию фронта» и окружили деревню, чтобы на рассвете ворваться в нее. Два десятка ливанских солдат, вооруженных лишь легким оружием, да горстка местной молодежи не смогли оказать карателям серьезного сопротивления. Те из жителей, которые пытались

Заморский «оборонный» щит,
Но от ракет он аж трещит.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА
Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

бежать из деревни на автомашинах, были раздавлены на дорогах израильскими танками. Ворвавшись в деревню, каратели открыли беспощадный огонь по всем, кто попадался им на глаза. За несколько минут были убиты тридцать семь и ранены тридцать два местных жителя, остальных каратели согнали на деревенскую площадь. Затем мужчин и подростков стали проводить мимо «информатора», на голову которого был надет мешок с прорезями для глаз. «Информатор» стоял рядом с главарем карателей, майором, скрывающим свое подлинное имя кличкой «Абу Зейд», известным на весь Южный Ливан палачом и садистом. На спине указанного «информатором» человека каратели ставили краской знак, и его отводили в сторону. Так было схвачено и отправлено в неизвестном направлении около двухсот мужчин и подростков, судьба которых и по сей день неизвестна.

А затем начался заранее спланированный хладнокровный погром. Каратели врывались в дома, избивали загнанных туда стариков, женщин и детей, отбирали у них все ценное, крушили мебель, грабили деревенские лавки, уничтожали запасы продовольствия. Затем специально прибывшая «зондеркоманда» начала взрывать и поджигать дома «подозреваемых», методично, дом за домом. На обломках стен по приказу Абу Зейда писали, что израильские оккупанты мстят таким образом за кровь израильских солдат, убитых «террористами» в Ливане.

Один из иностранных журналистов, побывавший в деревне после того, как ее покинули каратели, писал: «Есть ли какое-нибудь разумное объяснение оргии преступлений и садизма израильтян? Признаюсь, я не был подготовлен к тому, что увидел и услышал в Зрарии. Я освещал войну в Конго, Вьетнаме и Камбодже, видел действия израильтян в оккупированном Южном Ливане. И я пришел к выводу, что израильский «железный кулак» направляется людьми, сошедшими с ума, и солдатами, настолько отравленными ненавистью к арабам, что их ничем нельзя устыдить. То, что было совершено в Зрарии, было совершено существами, которые не имеют морального права именоваться солдатами».

Международная общественность заклеймила и продолжает клеймить преступления сионистской военщины. Комиссия ООН по правам человека резко осудила Израиль за его террор в Южном Ливане, за творимые там израильтянами «убийства, массовые аресты населения, похищения людей, уничтожение жилищ и осквернение мест культа». Комиссия потребовала освобождения всех находящихся в израильских застенках узников и немедленного ухода оккупантов из Южного Ливана. Она потребовала также, чтобы «правительства, продолжающие поддерживать Израиль, прекратили оказывать ему поддержку и тем самым поощрять его политику агрессии, экспансии и колонизации».

Этого же требует сегодня все миролюбивое человечество. Этого же требуем и мы, советские люди, протестующие против преступлений сионистов на многострадальной ливанской земле.

Сайда — Бейрут
(По телефону)

УСКОРЕНИЕ

Начало см. на 2 стр. обл.

Я так понимаю, что это линия на ускорение прежде всего социального и экономического развития нашей страны, на настойчивое совершенствование жизни общества.

«Партия будет неуклонно проводить разработанную ею социальную политику»,— сказал в своей речи товарищ М. С. Горбачев. А социальная политика касается всех нас, нашей трудовой и духовной жизни, она и есть содержание наших планов.

Понятно, улучшение жизни должно иметь экономическую основу, вполне реальную, то есть вклад наш в общее дело — вклад каждого из нас,— он должен возрастать. В. И. Ленин говорил, что государство сильно сознательностью масс. Жизнь давно подтвердила верность ленинской мысли. Верно и то, что сознательность всех и каждого в отдельности определяют воспитание человека, уровень его развития и условия социального развития общества.

Заверяю, что наш рабочий коллектив готов к решению самых сложных, неотложных задач. Ведь речь сегодня идет о преобразовании материально-технической базы производства, народного хозяйства. Хороший пример — наш завод. За полвека существования Московский трубный трижды менял полностью технологию и оборудование. Вот и сейчас на заводе идет реконструкция — спешим в ногу с НТР! Причем не останавливая производства и своими силами, хозспособом. Обновляется и мой стан 20-76, но труба идет, как шла. Нам расширяться некуда; тесно, вокруг город, выход — новые технологии. Меняем оборудование и план даем. А без нашей продукции — без электросварных и профильных труб — не обходится ни один автомобильный завод, их ждут комбайновые заводы, тракторостроители, транспорт; без наших труб не обходятся ни мебельщики, ни химики. Жилые интерьеры, витрины, велосипеды, разные конструкции — наши трубы. Поставляем свою продукцию и заказчикам в десятки зарубежных стран. Мы успешно завершим план нынешнего года, обеспечим уверенный старт следующей пятилетки!

Коллектив наш небольшой по сравнению с иными заводами-гигантами, а дела делаем немаленькие. Вот почему нас волнует все, что связано с решающим поворотом в переводе народного хозяйства на рельсы интенсивного развития. Приветствуем то место в речи товарища М. С. Горбачева, где сказано, что мы обязаны в короткие сроки выйти на самые передовые научно-технические позиции, на высший мировой уровень производительности общественного труда.

Решение этих вопросов напрямую связано с улучшением условий жизни. И труда. И тут кстати пример нашего завода. Взять такое понятие, как текучесть кадров. У нас она не такая уж большая, во всяком случае уровень ее вдвое ниже, чем в отрасли. Потому что у нас современное производство. Мы пошли на решительную реконструкцию, молодежь привлекают электроника, автоматизированные системы. Электросварка — мужская красивая работа! К тому же у нас популярны трудовые династии. На заводе работал мастером мой отец, Анатолий Степанович, отсюда он ушел с московским ополчением, погиб в боях за Москву... На нашем заводе сорок лет проработала моя мать, Ефросинья Яковлевна, она была крановщицей. И я здесь с молодых лет. Отдаю все силы, все знания любимому делу. Горжусь, что был среди инициаторов ряда всесоюзных рабочих починов. На заводе давно освоен метод коллективного подряда. Более двух третей бригад так работают — на общий котел. И более трети бригад работают с учетом коэффициента трудового участия каждого рабочего. В моей бригаде каждый может заменить каждого, все мы заодно... Вот я был в Швеции, видел, какую сталь там варят — отличную сталь, но мои товарищи работают азартнее, более целеустремленно. Завод — наш дом, мы в нем хозяева, а плечо товарища — надежная опора, как говорится, и в труде, и в беде.

Я это все говорю откровенно к тому, что время наше такое, когда все экономические начинания и ускорение в социальном развитии, как и качество жизни каждого, зависят от духовного облика человека. От того, какие мы сами. Моральное воспитание, линия поведения в коллективе и чувство локтя, профессиональное мастерство, умение постоянно учиться — есть о чем задуматься! И над чем поработать. А иначе упустишь то, другое и отстал, а с тобою отстанет и цех, и завод... У нас на трубном стараются соответствовать — этому и профсоюз, и комсомол помогают. Моей бригаде приходилось брать на выучку таких, на кого в других местах махнули рукой, делали мы из разгильдяев людей, на то есть законы трудового коллектива.

Осознать себя хозяином положения, самых разных сторон общественной и производственной жизни очень важно. Я так понимаю: дальнейшее развитие демократии будет впредь опираться на личность. Все равно, кто ты — директор, технолог или сварщик...

Как мы, особенно молодежь, участвуем в решении повседневных больших и малых проблем? Как мыслью, трудом, личными и общественными поступками помогаем выполнению производственных заданий, борьбе с недостатками? Трубы наши поставляются по Государственным стандартам СССР, и по качеству они на уровне лучших зарубежных стандартов — это хорошо. А мы, производители этой отечественной продукции, соответствуем ли мы требованию времени решительно покончить с браком в общественной сфере жизни? Нельзя впредь мириться с бесхозностью, круговой порукой, с чванливостью и пустословием, с нарушением главного принципа социализма: кто не работает, тот не ест. Улучшение условий жизни человека — повторюсь — должно основываться на его возрастающем личном вкладе в общее дело. Там, где допускается отклонение от этого принципа, неизбежно нарушается социальная справедливость, представляющая собой важнейший фактор единства и стабильности социалистического общества. Впереди — большая работа.

Мы все чаще говорим и задумываемся о расширении прав трудовых коллективов, повышении самостоятельности предприятий. Все это требует развитого чувства ответственности. С него и надо начинать любой разговор, диспут на острую тему жизни. Мы приветствуем широкую тенденцию современного производства — увязывать оплату труда с конечным результатом. Союз самостоятельности и ответственности не рождается стихийно (плохо, если стихийно!). Тут нужны и правосознание, и воспитание коллективизма. Чтобы самостоятельность не обернулась самоуправством. Да, новая технология — это необходимо, но не менее важно, чтобы рабочий человек был человеком! Духовный облик о многом говорит, особенно в сфере современного труда — такого, как наш, где человек, его работа высшего пилотажа как бы сливаются с умной работой махины сварочного стана. Я так просто любуюсь, когда случается увидеть со стороны, как работают мои товарищи! Бездуховность ведет к незаинтересованности, низкой производительности, плохому настроению и в цехе, и дома. У нас такая подобралась бригада, что никаких отклонений в быту. Конечно, сам стараюсь жить достойно...

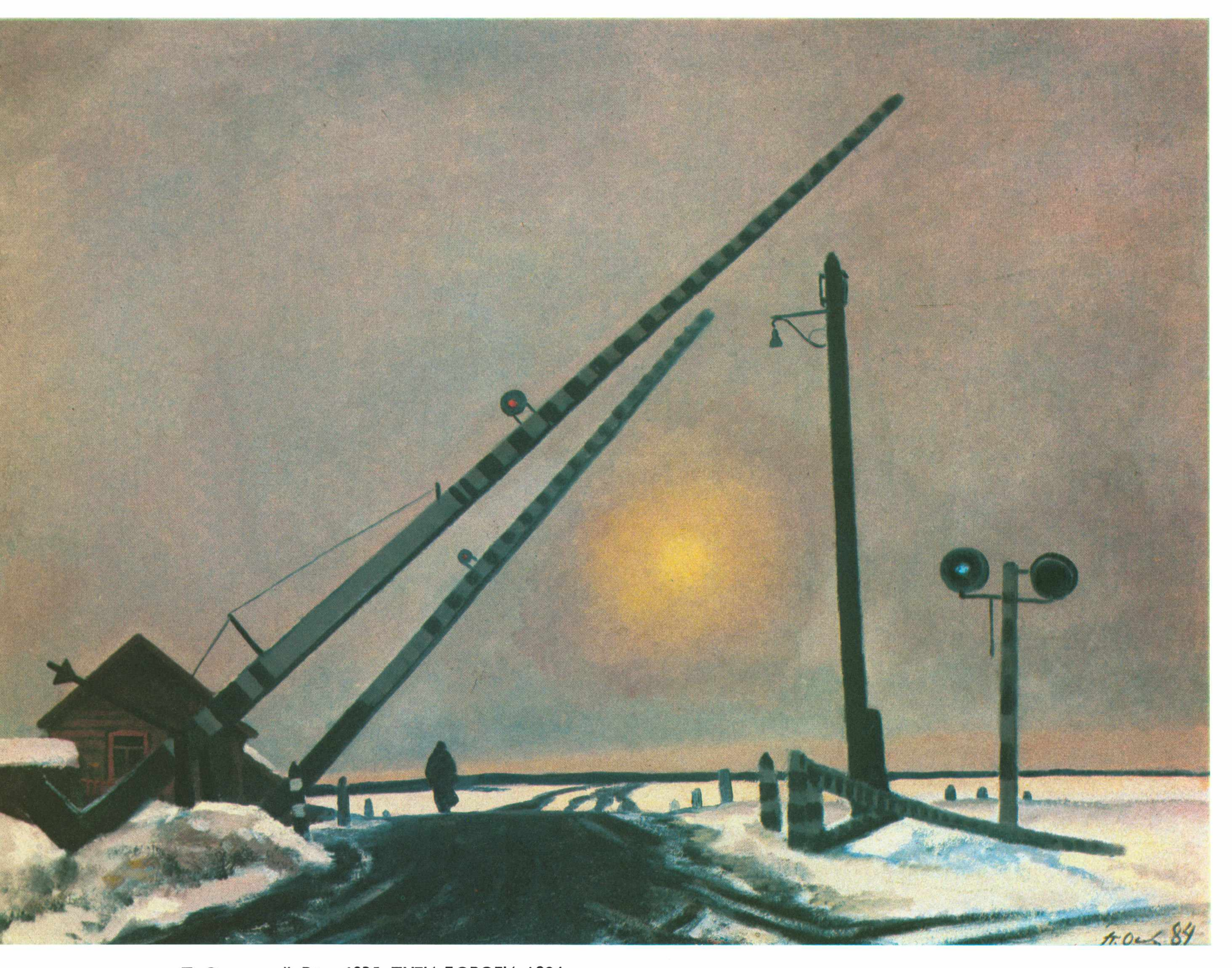
Мы, рабочие, гордимся своим заводом. Эту гордость определяет и отношение к производственникам со стороны администрации и общественных организаций. Хорошее отношение. У заводчан почти нет уже острых социально-культурных проблем, в том смысле, что жилье строится и сдается постоянно, все дети обеспечены детскими садами, пионерскими лагерями, а взрослые, как правило, отдыхают за счет завода в санаториях, домах отдыха или в туристических походах. В этом плане жизнь налажена.

Главное, меньше слов. Работа делается делом.

Перед страной, как я понимаю, стоят большие, сложные, прямо скажу, исторические задачи. Тем интереснее. Именно такие задачи окрыляют. Быть впереди и нелегко, и ответственно. Зато вдохновляет. Мы, рабочие, прямо заявляем: партию не подведем. Мы сами — ее частица. Та, которая каждодневно начинает смену с уверенностью: будет наша Советская Родина еще богаче и могущественнее. Чтобы еще полнее раскрылись созидательные возможности социализма. Это нам по силам.

Художественная выставка «Земля и люди».

Б. Семенов. Род. 1939. ОЛЕНЕВОД АЯНКИ. 1983.

П. Оссовский. Род. 1925. ПУТИ-ДОРОГИ. 1984.

Художественная выставка «Земля и люди».

ПОСЛЕДНИЕ ВЕРСТЫ

Герман ТЫРКАЛОВ

Рисунок И. ПЧЕЛКО

В Хабаровском краевом издательстве выходит роман «Последние версты», написанный генерал-майором милиции в отставке Г. К. Тыркаловым. В центре романа — образ легендарного героя гражданской войны С. С. Вострецова, награжденного четырьмя орденами Красного Знамени.

Публикуем отрывок из этого произведения, предпослав в качестве предисловия письмо известного советского писателя Виталия Закруткина.

Дорогой Герман Кузьмич!

Я очень внимательно прочитал твой роман «Последние версты». Скажу по правде: к чтению приступил не без некоторых сомнений, полагая, что над тобой будет довлеть историк (впрочем, это не такая уж большая беда!).

Роман я читал требовательно, даже придирчиво, с карандашом в руках (кое-где ты увидишь мои пометки). Рад прямо сказать тебе: роман получился...

Ты взял острую, важную тему гражданской войны на Дальнем Востоке. Несмотря на то, что тема эта в свое время успешно разрабатывалась Фадеевым («Разгром» и «Последний из удэге), Константином Седых («Даурия») и другими писателями-дальневосточниками, насколько мне известно, борьба в Якутии против банд Пепеляева и его подручных еще не получила достойного освещения в нашей литературе.

Роман читается с интересом. У тебя хорошо выписаны фигуры отважных советских разведчиков, красных командиров и рядовых бойцов, русских и якутов. Не менее важно и то, что цепляющиеся за старое враги лишены примитивных черт карикатурности, они достаточно умны, деятельны, инициативны и потому еще более опасны.

Хороши и пейзажи, связанные с разными временами года.

Одним словом, роман получился...

Виталий Закруткин

15.IV — 83
Кочетовская

Захваченный разведчиками «язык» — долговязый узкоплечий фельдфебель — старательно отвечал на вопросы командира полка:

— ... Деревня эта называется Дубровское, в ней стоит наш батальон...

— Какой батальон?

— Второй... Сорок шестого Исетского полка.

— Сколько штыков в батальоне?

— Я так считаю: в нашей роте нынче девяносто человек. Ага. Всего четыре роты... Пулеметчики, артиллеристы...— подсчитывал фельдфебель...

Пленного увели. Зажгли керосиновый фонарь, расстелили на земле топографическую карту. Вокруг нее тесным кольцом — кто на корточках, кто опустившись на колени — разместились командиры.

Общий замысел Вострецова заключался в том, чтобы, воспользовавшись рассредоточенностью сил Исетского полка белых, мощным ударом выбить поочередно белогвардейцев из населенных пунктов Дубровское, Медвежья, Аргаши и закрепиться на рубеже Аргаши — Корнилово, как это предусматривалось оперативным планом бригады.

Первому батальону Вострецов приказал выступить с юга — откуда более всего, как утверждал пленный, ожидали красных — создать впечатление у противника, что именно здесь наносится главный удар. Однако на рожон не лезть, головы под пули не подставлять. Сам командир полка решил возглавить неожиданный для белых основной удар второго батальона с севера. Третьему батальону надлежало выйти к утру на исходный рубеж между деревнями Дубровское и Медвежья и быть готовым к маневру в зависимости от возможных ситуаций.

На рассвете в ближнем лесу с южной стороны села Дубровское послышались частые винтовочные выстрелы. Белые решили, что это их дозоры столкнулись с красными. Батальон был поднят «в ружье». Вскоре по переднему краю обороны из лесу ударили пулеметы. Это не нанесло никакого ущерба укрывшимся в окопах солдатам. Зато командир батальона штабс-капитан Крючков утвердился в своем предположении о возможном направлении удара противника. Впрочем, штабс-капитан не был новичком в военном деле и отлично понимал, что это — только начало и от противника можно ожидать любого подвоха. Но по активности стрельбы, доносившейся с окраины села, можно было определить, что красные начали бой значительными силами. «Кажется, мы не ошиблись!» — воскликнул командир батальона при встрече с начальником штаба.

На войне как на войне, без риска не обойтись, и Крючков, не мешкая, приказал ввести в действие находившиеся в резерве вторую и третью роты. После этого он вскочил на коня и во весь опор помчался к ветряной мельнице, где накануне был оборудован один из наблюдательных пунктов.

С ветряка вся местность вокруг была видна как на ладони. На южной окраине все еще велась позиционная перестрелка. Можно было полагать, что красные готовились к атаке. Но теперь позиции белых были надежно укреплены двумя резервными ротами. Несколько успокоившись, командир батальона стал осматриваться по сторонам и тут, к своему ужасу, увидел, что с другой стороны села, поднявшись в рост, чуть пригибаясь, с винтовками наперевес цепями бегут красноармейцы. Их было не менее батальона.

От первых дворов атакующих отделяло примерно полтораста саженей. Еще не поздно было ударить по цепям картечью, и Крючков бросился к полевому телефону. В этот момент из окопов по наступавшим открыли прицельный ружейный огонь, но как бы в ответ, заглушая стрельбу, грянуло мощное «Ура!».

Нещадно ругая телефониста, которому никак не удавалось наладить связь, Крючков сам принялся с остервенением крутить ручку телефонного аппарата, но от этого ничего не изменилось. Между тем победные крики красных все нарастали. Поднялась паника. Солдаты бросали позиции и бежали по дороге, что вела в Медвежью. Надежда, видимо, была на то, что там вместе со штабом обосновались основные силы Исетского полка.

Глядя на бегущих солдат, Крючков с необъяснимой исступленностью все еще продолжал рывками вращать телефонную ручку. Бесперспективность своих усилий он понял лишь тогда, когда мимо мельницы на рысях промчалась упряжка из четырех лошадей вместе с пушкой и орудийным расчетом.

Многоголосые победные крики красных теперь доносились уже из деревни. Штабс-капитан видел, как некоторые офицеры пытались остановить солдат, но это им не удавалось,— насмерть перепуганные воины не обращали на своих командиров никакого внимания.

Штабс-капитан был потрясен неожиданным поражением. Испытывая презрение и ненависть к бежавшим, он не смел и думать о том, чтобы оказаться в толпе трусов и паникеров. Он мучительно искал и не находил выхода из создавшегося положения, чувствуя свою беспомощность и ненужность. «Вот он, конец»,— мелькнуло у него в сознании, и эта мысль вдруг показалась ему спасительной: конец неудачам, мытарствам, ужасающей беспомощности, конец всему! Ни о чем больше не раздумывая, штабс-капитан рванул из кобуры револьвер, приставил дуло к виску и решительно нажал на спусковой крючок.

Для командира красного полка было заманчивым двинуть наперерез отступающему противнику находившийся в засаде третий батальон. Однако Вострецов определил более активную роль своему боевому резерву. О возникшем замысле он накоротке рассказал своему помощнику и велел ему тут же скакать в третий батальон.

Между тем наступление развивалось успешно. Красные «на плечах сидели» у белых. Сейчас важно было не дать противнику передышки, лишить его возможности соединить силы отступавших с теми, кто держал оборону у деревни Медвежьей.

Атакующие цепи красных уже совсем близко подошли к Медвежьей, однако расположенные вдоль ее околицы и ощетинившиеся штыками окопы белых хранили молчание: они не смели открыть огонь, иначе бы под пули попали свои же солдаты.

В это же время боевое охранение белогвардейцев обнаружило на своем левом фланге продвижение резервного батальона красных, готовящегося зайти в тыл. Это сообщение не на шутку встревожило командира Исетского полка. Тем более, что вызванное им из Аргашей подкрепление до сих пор не прибыло. Вероятно, батальон, который ждали на подмогу, был где-то на подходе. Вступать в бой с превосходящими силами противника, который к тому же явно владел инициативой, было неразумным, и командир полка решил немедленно отступать. В этом ему виделось единственное спасение от разгрома, да и то лишь в том случае, если подоспеет подкрепление и ударит наступающему противнику во фланг.

Овладев к полудню Медвежьей, красные продолжали наступление. Третий батальон Вострецов направил по пятам противника, бойцам первого и второго батальонов разрешил «перекур». За это время люди успели подкрепиться пшенной кашей с кониной да испить заваренного мятой кипятку. Бойцы приободрились и тут же форсированным маршем двинулись в путь. Но не все покинули деревню. Вострецов оставил здесь одну роту и велел подтянуть сюда штаб и тыловые подразделения. Он отдавал последние распоряжения начальнику штаба, когда в стороне у околицы прогремело несколько выстрелов.

— Семен, узнай, что за стрельба,— бросил командир полка ординарцу.

Вскоре группа красноармейцев подвела к Вострецову офицера с погонами поручика. Как оказалось, он прискакал в Медвежью из Аргашей с донесением на имя командира белогвардейского полка. Считая, что в деревне свои, он на всем скаку появился в расположении красных. Осадив коня, поручик круто повернул назад, но было поздно. Поднялась стрельба, пуля угодила в лошадь, а слетевший с нее офицер был схвачен красноармейцами.

У пленного нашли донесение, в котором значилось: «Согласно Вашему приказанию, батальон был немедленно поднят в ружье и выступил в деревню Медвежья. Ком. бат. штабс-капитан Чалый».

Из допроса поручика стало ясно, что командир белогвардейского полка посылал его в Аргаши за подкреплением. По расчетам выходило, что батальон белых должен прибыть сюда максимум через час.

— Ну, дела, Степан Сергеевич,— нахмурился начальник штаба.

— Дела-а...— в раздумье повторил Вострецов.

— Что будем делать?

Занятый своими мыслями Вострецов, каза-

лось, не расслышал вопроса. Вдруг он резко обернулся:

— Семен! Живо скачи навстречу обозу. Там где-то разведчики хранят белогвардейскую амуницию. Забирай все, что есть, и мигом сюда. Одна нога там, другая здесь!

Взглянув в упор на начальника штаба, Вострецов твердо, словно подавая команду, произнес:

— Будем брать батальон в плен. Соберите бойцов, поставим перед ними задачу. Быстро! — На скулах командира полка заиграли желваки, глубоко сидящие глаза азартно блестели: он был одержим происходящим. Таким его видели всегда в бою, таким он был и сейчас, замыслив с горсткой бойцов пленить вражеский батальон.

Времени оставалось совсем немного, и Вострецов торопился: нужно было определить место, куда заманить «гостей» и где устроить им засаду; научить красноармейцев правильным действиям в зависимости от возможных ситуаций; подобрать людей на роль белогвардейцев.

Все успелось к сроку. В зеленом английского сукна френче с погонами штабс-капитана, в окружении группы таких же, как и он, «белогвардейцев» Вострецов стоял у околицы, то и дело поднося к глазам бинокль и неторопливо поводя им вдоль горизонта.

Степан Сергеевич был непроницаем. Никто не мог заметить охватившей его тревоги, которая по мере бесплодного ожидания «гостей» все возрастала. Вострецов понимал, что уже после того, как штабс-капитан Чалый отправил перехваченное донесение, он мог получить от командования Исетского полка, бежавшего из Медвежьей, новое указание. И не исключена возможность, что сейчас где-то в районе Корнилова разворачивается бой и именно туда устремился третий батальон противника.

Вострецов нервничал, но никто не мог заметить этого, ни одним жестом или словом не выдал он своего внутреннего состояния. Впрочем, никто не обнаружил и того волнения, которое наполнило душу Вострецова, когда на горизонте заклубились ржавые облака пыли, поднятой шагавшими солдатами. Вскоре от приближавшейся колонны отделился всадник, стремительно поскакавший в сторону деревни.

— Где командир полка? — спросил поручик, осадив коня возле Вострецова.

— Где штабс-капитан Чалый?! — гаркнул в ответ Вострецов.— Вас еще к полудню ожидали!

— Он меня прислал убедиться, что здесь наши, и доложить командиру полка...

— Что доложить командиру полка?! — оборвал поручика Вострецов.— Пусть он сам докладывает, как положено. Немедленно возвращайтесь и передайте Чалому, что время не терпит и командир полка требует ускорить движение батальона! Пошел! — разбушевался «штабс-капитан».

На этот раз Чалый не заставил себя долго ждать. Отдав приказ форсировать последний рубеж бегом, он вместе с тремя офицерами прискакал в Медвежью. Узнать командира батальона было нетрудно, поскольку он один оказался с погонами штабс-капитана.

— Вас ждет командир полка,— небрежно отдав честь спешившимся офицерам и пожав Чалому руку, сухо сказал Вострецов.— Прошу за мной.— При этих словах он не торопясь зашагал в сторону ближайшей избы.

Штабс-капитан, передав поводья своего коня одному из офицеров, последовал за Вострецовым.

— Пригласите офицеров, они могут потребоваться командиру полка,— замедлив шаги и поравнявшись с Чалым, бросил Степан Сергеевич.

— Господа, прошу за мной!— обернувшись, крикнул штабс-капитан.

— Ваши благородия, проходите сюда, в тенек,— заботливо ухаживал за гостями Семен, облаченный в тесную для него форму фельдфебеля с тремя Георгиями на груди.

Когда офицеры зашли во двор и их не могли теперь видеть приближавшиеся к деревне белогвардейцы, Вострецов неожиданно обернулся:

— Давайте знакомиться: командир полка — это я. Только не белого — Исетского, а Волжского красного полка! Прошу сдать оружие!

Еще не были произнесены последние слова, когда переодетые красноармейцы, неотступно следовавшие за офицерами, ткнули им под бока дула наганов. Пленных тут же обезоружили и, за исключением командира батальона, надежно упрятали в подвале под церковью.

Спешно напутствовав необходимыми указаниями участников «маскарада», Вострецов направил их на прежнее место. Теперь группу возглавлял начальник штаба полка Морозов, который, как и Степан Сергеевич, был облачен в форму штабс-капитана. А Вострецов тем временем вместе с Чалым и ординарцем поспешили к церкви, перед которой простиралась довольно обширная площадь. Степан Сергеевич говорил Чалому:

— Здесь будет построен ваш батальон, и таким образом он окажется в засаде. В избах, за избами, амбарами, изгородями, в церкви — всюду укрылись красноармейцы с гранатами, которыми они в два счета забросают солдат. (Гранат, правда, было очень мало.) Кроме того,— продолжал он,— установлено пять пулеметов. (В действительности был лишь один «Максим».) Я предлагаю, штабс-капитан, проявить благоразумие и отдать батальону приказ о сдаче в плен.— Раскурив трубку, Вострецов добавил: — Другого выхода для вас просто не существует!..

Когда трусцой бежавшая колонна белых вплотную приблизилась к деревне, солдаты перешли на шаг. Уставшие, серые от пыли люди, казалось, вот-вот остановятся. Морозов отлично понимал, что такой вариант был весьма нежелателен: кто его знает, чем все это может кончиться! Пойдут вопросы, могут возникнуть подозрения... Да, собственно, с этого и началось: к Морозову подбежал запыхавшийся маленького роста шустрый поручик, по-видимому, командовавший солдатами на марше, и спросил:

— Где командир батальона?!

— Там, вместе с командиром полка,— кивнул Морозов в сторону видневшейся впереди по ходу солдат церкви.— Что вы тянетесь, как вареные?!..

Обиженный явно незаслуженным упреком, поручик вспыхнул и уже было раскрыл рот, намереваясь что-то возразить, но «штабс-капитан», не обращая на него внимания, вдруг во всю силу своих легких крикнул:

— Ну-ка, солдатушки — бравы ребятушки, под-тя-ни-и-ись! — и, чуть не сбив с ног ошеломленного поручика, ринулся к первым рядам колонны: — Шире ша-аг!.. Левой!.. Левой!..

Солдаты как должное восприняли подаваемые им команды. Морозов почувствовал в себе уверенность. Он повернулся лицом к хвосту растянувшейся колонны и, стараясь, чтобы его слышали в последних рядах, вновь прокричал:

— Под-тя-ни-ись!

Некоторое время, как заправский строевой командир, Морозов молодцевато и не торопясь вышагивал параллельно колонне спиной вперед, потом, повернувшись, он догнал направляющих и вместе с ними вступил на примыкавшую к церкви безлюдную площадь. Было похоже, что белогвардейцы до сих пор ни о чем серьезно не подозревали. Лишь тогда у многих из них зародилось чувство тревоги, когда на площадь вступала уже последняя рота, подгоняемая никому не известным «штабс-капитаном». Щемила души зловещая тишина. Нигде не было видно ни командира батальона, ни командира полка и вообще ни одной знакомой физиономии среди тех, кто встречал батальон! Во всем этом чувствовалось что-то неладное.

А Вострецов вместе со штабс-капитаном Чалым находился в это время в церкви. Тут же притаился тупорылый «Максим», толпилась небольшая группа бойцов, в руках которых был сосредоточен весь наличный запас гранат.

Степан Сергеевич стоял у чуть приоткрытой двери и внимательно следил за тем, что происходило на церковной площади. Ему неимоверно хотелось курить, но он лишь периодически посасывал давно погасшую трубку.

— Пошли!— коротко скомандовал Вострецов, пропуская впереди себя штабс-капитана.

Появившись на паперти, штабс-капитан почувствовал, как во всем его теле отдаются частые удары готового вырваться из груди сердца. Словно откуда-то издалека донесся до него голос Вострецова:

— Не натворите глупостей, штабс-капитан, иначе...

— Сми-ирно!.. Господа офицеры!..— пронеслось над площадью при появлении начальства.

— Вольно! — крикнул в ответ Вострецов и сделал предупредительный жест рукой бежавшему отдавать рапорт поручику.— Солдаты и офицеры,— обратился он к белогвардейцам,— вы окружены и находитесь в плену у Красной Армии. Я командир Волжского полка Вострецов. От имени Советской власти гарантирую вам жизнь. Но в случае сопротивления...— Тут Степан Сергеевич на какое-то мгновение сделал зловещую паузу и угрожающе заключил: — Все будут уничтожены! Все до одного!

Пока Вострецов говорил, из церкви выкатили пулемет, высыпали красноармейцы, держа в руках гранаты — все, как и было задумано.

— ... Теперь скажет вам ваш командир,— объявил Степан Сергеевич, погрузив в кисет трубку и набивая ее табаком.

— Мы окружены,— волнуясь, но довольно твердо произнес штабс-капитан.— Я сдался в плен... Другого выхода у нас нет, и я приказываю сложить оружие.

Над площадью воцарилась напряженная тишина. Ее прервал лязг кем-то брошенной на землю винтовки. Он явился как бы сигналом для остальных: тут же раздалось бряцание дружно бросаемого оружия.

Глядя на эту картину сдачи в плен белогвардейского батальона, Вострецов уже думал о предстоящих неотложных делах. Рядом весело гомонили красноармейцы, с почерневшим, изможденным лицом стоял Чалый.

Увидев неподалеку Морозова, который в окружении группы бойцов, активно жестикулируя руками, давал им какие-то указания, Вострецов окликнул его.

— Слушаю вас! — подбежал к командиру полка заметно возбужденный начальник штаба.

— Немедленно организуйте конвоирование пленных в штаб бригады,— сказал ему Степан Сергеевич.— А я переоденусь и поскачу к нашим в направлении деревни Корнилово. Как-то там они воюют?..— Он пожал руку начальнику штаба.— Ждите здесь моих указаний.

К вечеру, овладев деревней Корнилово, бойцы Вострецова, в сущности, разгромили 46-й Исетский полк. Было захвачено большое количество вооружения, боеприпасов и иное войсковое имущество.

След на земле

Давно замечено, что Семен Бабаевский с нескрываемым изумлением и благоговейной почтительностью обнажает голову перед творчеством Н. В. Гоголя. В последнем произведении Бабаевский отважился на прозу «в ключе» великого художника слова.

Автор, понимая, что взвалил на свои плечи очень тяжелую ношу, и предвидя возможные упреки, пишет: «...Да простят меня и наш великий и горячо любимый нами мастер слова, и наши самые строгие критики за то, что я все же решился представить на суд читателей не роман, не повесть... а поэму, написанную обычной прозой и в меру моих скромных сил».

Как жить сегодня? Вопрос отнюдь не риторический. Наше время, сложное, динамичное, наполненное по-новому вставшими проблемами, не терпит гражданской инертности и благодушия.

И если интенсификация сельскохозяйственного производства стала одной из стержневых проблем нашего времени — ключом к повышению благосостояния народа, то литератор, связавший свое творчество с деревней, не может стоять от нее в стороне и не видеть глубинных процессов сельской жизни. Его чуткий слух должен улавливать импульсы времени. Этой позиции и придерживается С. Бабаевский.

Весь длинный творческий путь писателя связан с Кубанью и Ставропольем. И новое его произведение тоже живописует прикавказские просторы. Верховья Кубани. Станица Сотниковская. Рощинский район.

...В районный Дворец культуры собраны старшеклассники на встречу сс старейшим председателем колхоза «Красный кавалерист» Героем Советского Союза и Героем Социалистического Труда Иваном Тихоновичем Дрозденко. Организаторы встречи надеялись, что герой приедет, увешанный наградами. А увидели его совсем иным. Из машины «..бочком выбрался бритоголовый старик, высокий, худощавый, с клочковатыми бурыми бровями, очень похожий на абрека. Сходство это сохранялось и в одежде, и в том, как лоснилась бритая угловатая голова. На нем были мягкие, без наблуков горские сапожки с высокими узкими голенищами, галифе цвета хаки, серенькая, под масть перепелиного крыла, длиннополая рубашка, слабо подхваченная узким кавказским ремешком с набором чеканного серебра».

Такой вид Дрозденко обескуражил устроителей беседы с героем. А встреча началась с того, что учащиеся, как это обычно и бывает, стали читать заранее приготовленные и заученные шпаргалки, в которых было сплошное восхваление высокого гостя. Дрозденко, добродушно улыбаясь, прервал выступающую школьницу: «Извиняй меня, Оленька, шо перебью». Дальше он сказал, что не любит написанные на бумаге речи, не по душе они ему, «..давайте потолкуем запросто и об том, шо лежит не на бумаге, а на сердце, и як равные с равным».

В центре поэмы писатель создает образ Ивана Тихоновича Дрозденко, человека, можно сказать, легендарного. Автор в самом начале произведения говорит так о своем герое: «Мы знакомы с детства, и я уже в самом начале поэмы имею законное право сказать: Иван Тихонович Дрозденко — прекрасный человек, а его жизнь так поучительна, что во многом может служить примером для других».

Эта авторская посылка подтверждается всем полотном поэмы.

Дрозденко — один из организаторов колхоза в Сотниковской и бессменный его председатель. Только война отрывала его от колхозных забот. Артиллерист Дрозденко на фронте был в самом пекле и за совершенный подвиг удостоен звания Героя Советского Союза. Вернувшись в родную станицу, он увлекает станичников на трудовые свершения.

Сотниковская стала неузнаваемой. Новые, добротные дома колхозников со всеми удобствами. Дом культуры, художественная самодеятельность, футбольная команда и многое другое, что необходимо человеку для полнокровной жизни. В станице нет воровства, пьянства и хулиганства. Создана здоровая нравственная атмосфера. Люди здесь живут в достатке. И во всех станичных делах и достижениях несомненная заслуга Дрозденко. Он удостоен Золотой Звезды Героя Социалистического Труда.

Иван Тихонович скромен, внимателен к людям, отзывчив, всегда готов помочь человеку. Жители станицы уважают его, слушают как отца.

Возможно, автор несколько идеализирует и станицу, и своего героя. Но это вполне оправдывается тем, что в принципе в колхозном строе заложены поистине безграничные возможности и всего того, что достигли сотниковцы, можно достичь в каждом хозяйстве. Во-вторых, Сотниковская в поэме Бабаевского является как бы фоном, на котором показано, что некоторые соседние станицы отстают от своей сестры, растут медленно, а иные руководители заботятся не столько об общественном, сколько о своем, для них «мое» ближе, чем «наше».

Сейчас, когда речь идет о том, чтобы достичь перелома в экономике страны, важно по-новому воздействовать на сознание людей, повысить их гражданскую активность.

А для того, чтобы искоренить из нашей жизни изъяны и недостатки, будь они пережитками старого или свежеприобретенными, их следует прежде всего обнажить до самых корней. Это и делает автор поэмы. Он решительно ополчается против захребетников и тунеядцев, против любителей поживиться, набить зоб за счет государства или честных тружеников. Всей силой своего повествования С. Бабаевский как бы призывает читателя: отбросьте ложную скромность, бейте по рукам любителей урвать жирный кусок от незаработанного пирога. Они опасны, эти захребетники, они разлагающе действуют на окружающих и объективно сдерживают наше движение вперед.

Вот почему в выступлениях руководителей партии и государства, в партийных документах прямо и четко поставлена задача: повести решительную борьбу с негативными явлениями. И речь идет не о кратковременной кампании, а о работе повседневной, постоянной, не прекращающейся ни на один день.

Читатель, познакомившись с поэмой, конечно, поймет, что повествование ведется не только и не столько о станице Сотниковской. Речь о нашем времени, о неисчерпаемых возможностях развития сельского хозяйства. Писатель думает о сознании людей, о необходимости менять не только отношение к труду, но и мышление, размышляет о преумножении общественного богатства.

Закономерен вопрос: почему же все-таки жанр поэмы? Потому, видимо, что большое место занимают в ней лирические отступления автора, его доверительный разговор с читателем, любовное и мастерское описание природы; потому что поэма наполнена настроениями раздумий, тревоги и надежды. Язык произведения ясный, образный, выразительный.

Писатель-гражданин смотрит в завтрашний день. Его беспокоят и низкие урожаи, и слабая дисциплина, и не всегда разумная организация труда. Словом, автор, как полноправный станичник, высказал в новом произведении все, что у него наболело на душе.

И как бы подводя итог, отвечая на вопрос — как жить? — секретарь райкома Петр Петрович Назаров говорит: «Каждому из нас прожить бы на белом свете так, чтобы и после смерти приносить людям пользу. Это было бы прекрасно!» Добрые дела неподвластны забвению, своим произведением утверждает писатель эту истину.

Вас. МАРКЕЛОВ

Пятигорск.

Семен Бабаевский. Как жить? Поэма. «Москва», №№ 9, 10, 1984.

Жители Брянщины возвращаются на родные места.

Начальник политотдела.

ИЗ ФРОНТО
ФОТ

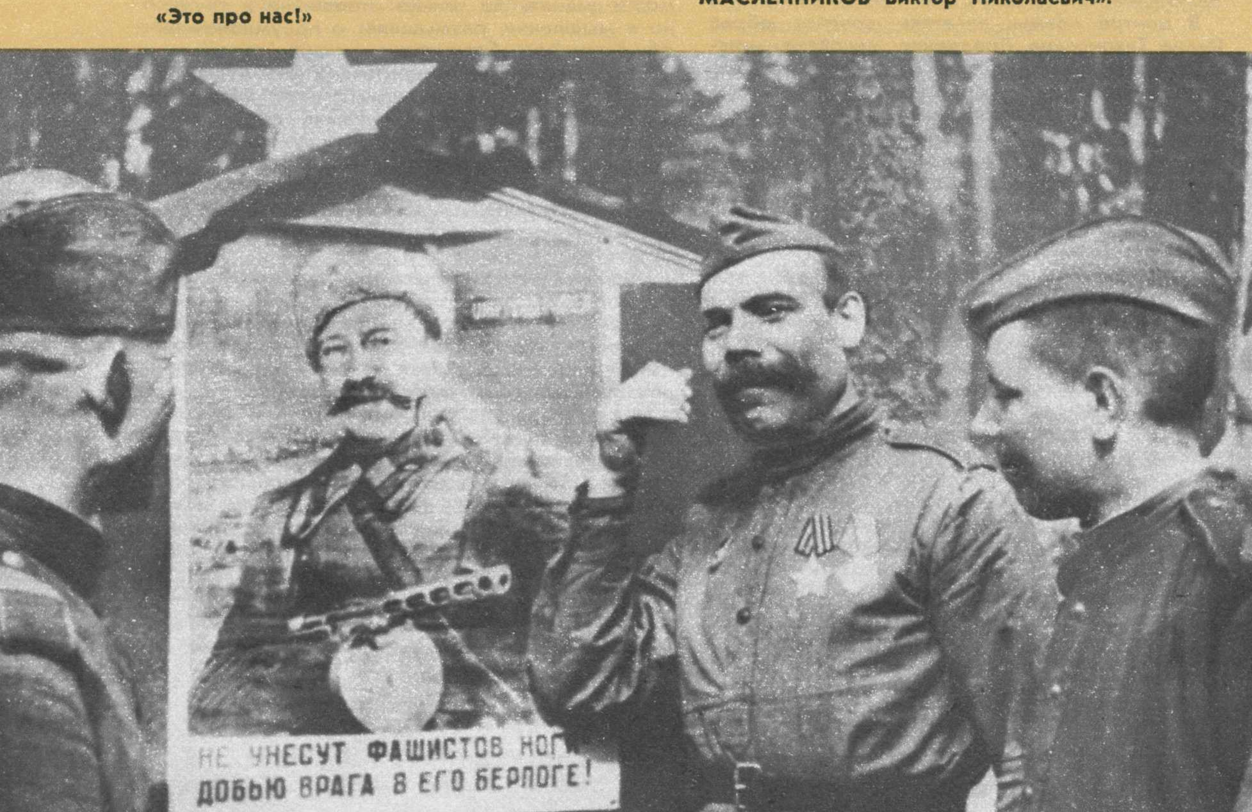
«Уважаемая редакция!

В годы Великой Отечественной войны мне довелось быть фотокорреспондентом и издателем рукописного «Окопного журнала» политотдела 21-й дивизии народного ополчения Киевского района Москвы (ставшей после сталинградских боев 77-й гвардейской стрелковой дивизией).

Посылаю вам фотоснимки того времени.

С уважением
гвардии старший лейтенант
МАСЛЕННИКОВ Виктор Николаевич».

«Это про нас!»

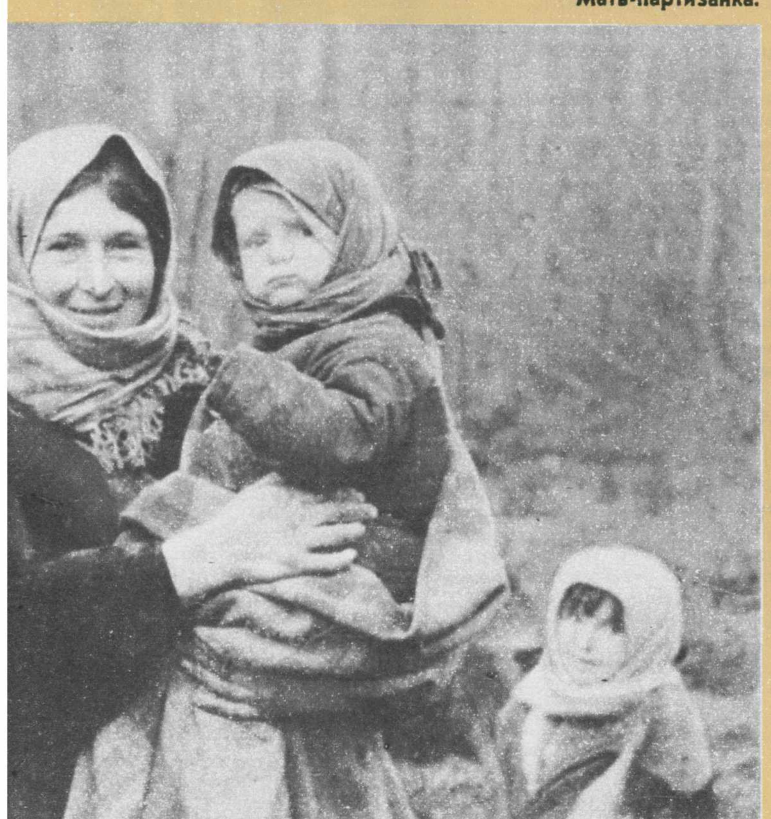
«Не отставай, пехота!»

ВОЙ

ОЛЕТОПИСИ

Мать-партизанка.

СЕСТРА ИЗ ТРНАВЫ

Капитан И. М. Кваша преподносит хлеб-соль Ливии Зволенской.

— Дорогая Ливия! От имени ветеранов 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавкорпуса сердечно приветствуем вас на кубанской земле. На всей Кубани, в каждой станице, в каждом доме встретят вас как самого дорогого гостя, самого близкого человека... Добро пожаловать!— И гвардеец в парадной казачьей форме, бывший комэск И. М. Кваша торжественно преподнес до слез растроганной женщине хлеб-соль.

Кого же так радушно и сердечно встретили ветераны казачьей гвардии?

Ее зовут Ливия Зволенская. Живет она в словацком городе Трнава, работает в отделе социального обеспечения. Более десяти лет настойчиво, с большой любовью занимается выяснением судеб советских воинов — павших и живых,— которые освобождали ее родной город в далеком сорок пятом.

Все началось по воле случая.

...Тихим ноябрьским вечером 1974 года Ливия со своим четырехлетним сыном была на городском кладбище. Внимание мальчика привлек утопающий в цветах памятник с красной звездой, около которого горели сотни свечей.

— Как звали того дядю? У него есть родные?.. — спросил сын.

На памятнике было имя солдата: гвардии сержант Григорий Анатольевич Ерин, погиб после 9 мая 1945 года... Но жив ли кто из его родных? На этот вопрос она не смогла ответить, но пообещала сыну все узнать.

Несколько дней спустя, узнав в архиве место рождения воина, письмо со снимком памятника Ливия послала в адрес Валуйского горкома КПСС Белгородской области. Она просила отыскать родственников погибшего в Трнаве воина. Вскоре пришел ответ из СССР — живы отец, жена и сын Г. А. Ерина! И снова письмо. На этот раз в Липецк, вдове Григория Анатольевича А. М. Ериной. «Многоуважаемая добрая женщина,— писала в ответе Анастасия Михайловна,— далекая незнакомая сестра и подруга, которая стала мне близкой и родной... Знала, что мужа похоронили в Трнаве, но то, что поставили памятник, к которому ходят жители города и носят цветы, об этом я ничего не знала...».

С этого времени жизнь для Ливии Зволенской обрела новый, наполненный глубоким содержанием смысл. Кто они, павшие в боях за родной город? Где их родные?

В местном архиве она разыскала список советских воинов, чьи останки в феврале 1946 года были перенесены из Трнавы на холм Славин, в Братиславу. Начались упорные, кропотливые поиски, пошли письма, запросы, чтение литературы, в которой говорилось о боях за Трнаву, Словакию...

В списке, который хранился в архиве, под номерами 116 и 117 значились старшина В. И. Аляков (позже будет установлено: Дьяков) из Москвы и старшина М. Н. Корниенко с Кубани. Похоронены они были вместе. «Почему?» — задавала вопрос Ливия.

Однажды пришло письмо из-под Праги от незнакомого человека. Он сообщил, что во время недавней командировки в Советский Союз познакомился с участником освобождения Трнавы подполковником из Новороссийска Н. М. Па-

петой, который хотел бы получить фотографию памятника на могиле его боевых товарищей. Он помнил надпись на памятнике: «Тут похоронены герои-танкисты гвардии старшина Михаил Никитич Корниенко и гвардии старшина Василий Иванович Дьяков...» Ливия в тот же день написала в Новороссийск, и ответ не заставил долго ждать. «...Читаю ваше письмо и плачу...— писал Николай Максимович,— жертвы, которые понесла наша армия при освобождении Чехословакии, не были напрасны, память о павших хранят и чтят в вашей стране. Вы проявляете к нам столько любви, доброты и искренности...»

Вскоре Н. М. Папета был почетным гостем города Трнавы.

Настойчивый поиск уводил Зволенскую на Кубань. И это понятно. Трнаву освобождал 4-й гвардейский Кубанский казачий кавкорпус, входивший в 1-ю гвардейскую конно-механизированную группу. Поэтому естественным было ее желание побывать на Кубани, встретиться с родными и близкими тех, кто навечно остался на чехословацкой земле, поблагодарить живущих там освободителей. В марте прошлого года Ливия (это был восьмой ее приезд в нашу страну) ступила на гостеприимную кубанскую землю. Со встречи на аэродроме и начался наш рассказ.

Н. САВИН,
полковник-инженер в отставке, ветеран 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса, участник боев за освобождение Чехословакии

Ленинград.

КТО РАССКАЖЕТ О МОНУМЕНТЕ?

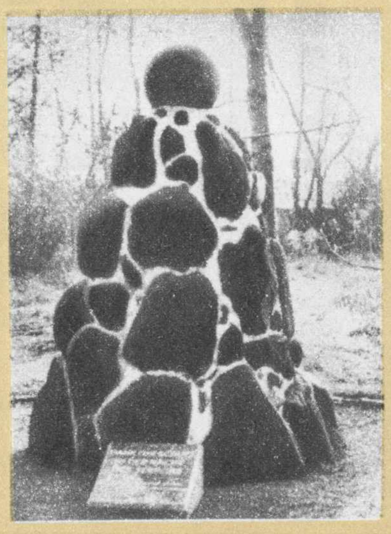

Фото Г. Цветкова

Этот скромный памятник не блещет изысканностью архитектурных форм. Его построили за один день, без проекта, смет и обсуждения на художественном совете. Его возвели по зову сердца. О нем не знают туристы, посещающие Лейпциг. И мы бы не увидели его, если бы не встретились с секретарем первичной организации СЕПГ больницы святого Георга товарищем Бритой Бойде.

— Вы обязательно должны посетить нашу больницу,— сказала она.— У нас есть удивительный памятник, о нем люди не знают, а мы хотели бы найти тех, кто его создал.

Во время войны в Лейпциге был большой лагерь для советских военнопленных. В начале 1945 года эсэсовцы поняли, что дело идет к концу, и отправили группу узников в больницу святого Георга, надеясь, что они здесь скончаются. Пленных привезли с неизвестным диагнозом, возможно, над ними в лагере проводили какие-то опыты. Персонал клиники предупредили, что все эти люди — живые или мертвые — подлежат выдаче гестапо...

Тем не менее тогдашний руководитель больницы профессор Карл Зайферт и доктор Эрих Фюрстер, старшая медицинская сестра Фрида Мюллер и другие медицинские работники приняли все меры, чтобы обреченные выжили. Спустя несколько недель, когда военнопленные окрепли, в историях болезней появились записи... о смерти. Гестаповцам выдавали трупы скончавшихся в больнице совсем других людей. А узников прятали в подвалах, в подсобных помещениях больницы.

После освобождения Лейпцига группа бывших советских военнопленных сфотографировалась на память. Снимок этот сохранился. Он любительский, маленький, лица разобрать трудно. Фотография приложена к письму на имя профессора Карла Зайферта с благодарностью «за то, что длительное время он нас защищал от вражеских рук фашистской гадины и сохранил нашу жизнь и здоровье». И подпись — старшина группы Бреславский.

По своей инициативе бывшие советские военнопленные воздвигли памятник, к которому привела нас Брита Бойде. Это сложенный из валунов обелиск примерно в человеческий рост с ядром наверху. До сих пор ходит слух, что в основание памятника заложено какое-то письмо. К секретарю парткома СЕПГ даже приходили с предложением разобрать памятник, а потом соорудить его вновь, но было решено сохранить его в первозданном виде.

Разумеется, весь персонал больницы за эти сорок лет полностью сменился. Нет уже в живых профессора Карла Зайферта, ушли из жизни и другие участники событий.

Брита Бойде и ее коллеги надеются, что, может быть, откликнется кто-нибудь из тех, кому спасли жизнь в больнице святого Георга.

У подножия памятника я прочел на мраморной доске: «В благодарность за убежище в ночи террора. Построен группой советских военнопленных 19 апреля 1945 года».

М. КОРСУНСКИЙ

Таллин.

МАЛЬЧИШКИ ОГНЕННЫХ ЛЕТ

Пишет вам бригадир-шахтер из Донбасса Орлов Владимир Иванович — коренной москвич (я так всегда говорю с гордостью). В Москве я родился, мне было 13 лет, когда в конце 1941 года я встал к станку на Московском авиационном заводе.

Сейчас я уже отец троих детей. По традиции каждый год выписываю «Огонек». И вот во втором номере за 1985 год я увидел снимок мальчишки военного времени, стоящего на ящике около станка. Смотрю на этот снимок и глазам не верю: кажется, это я. Такие же, как у меня, сапоги, такие же засаленные маслом брюки и серая рубашка и кепка козырьком вверх, тот же маленький росточек. Взглянув на подпись «Дядя Саша», я понял, что это не я, потому что на нашем заводе меня за мой маленький рост называли «Вовчик», а взрослые рабочие за мою чистую и аккуратную работу почему-то чуть насмешливо называли «пан Орлов». И все равно я очень рад, что журнал «Огонек» поднял такую важную тему — о нас, мальчишках военного времени.

Расскажу коротко о себе. Я рано начал читать, попалась мне в руки книга Гоголя, в которой он красочно описывал природу и людей Малороссии. Запало это все мне в душу. Потом интерес к Украине подогрели очень интересные и веселые фильмы «Трактористы», «Богатая невеста». Появилась мечта: как вырасту большой, поеду на Украину, стану трактористом, посажу вишневый садик, женюсь на чернобровой дивчине, и будет у меня, как у моего батьки, трое детишек. И вы знаете, все сбылось — только стал не трактористом, а шахтером. Но перед этим началась Великая Отечественная война. Комсомол бросил клич: мальчишки и девчонки, на место матерей и отцов, ушедших на фронт! Но на заводы брали с 14 лет, а как быть нам, 13-летним? И мы предъявили ультиматум нашим мамам: не устроите на завод — сбежим на фронт. Наши милые, милые мамы! Они все могли и все могут. Они шли к директорам заводов и всеми правдами и неправдами устраивали нас на работу.

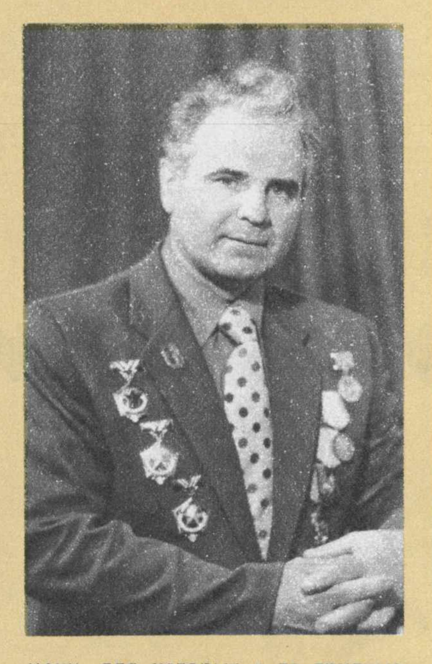
И вот я рабочий, помогаю ремонтировать штурмовики Ил-2, которые в начале войны были прямо на вес золота. Несмотря на трудное время, нас хорошо учили слесарному делу и работе на штамповальных и фрезерных станках. Через три месяца мы уже самостоятельно делали детали для штурмовиков. Работать часто приходилось по две, а то и три смены, но никто из ребят не роптал.

После войны комсомол призвал молодежь на восстановление и строительство шахт Донбасса. Очень не хватало тогда угля. Так осуществилась моя мечта поехать на Украину. Сначала было страшно спускаться в затопленную шахту, но заводская закваска и высокая квалификация дали себя знать. Меня сразу как-то заметили, поставили бригадиром, и вот я уже 35 лет бригадир подземных монтажников. Участвовал в восстановлении, строительстве и реконструкции 36 шахт и 8 заводов Донбасса. Воспитал троих детей, все они окончили высшие учебные заведения, не отходя, как говорится, от станка.

В те трудные и не особо сытые послевоенные годы, работая зимой в затопленном шахтном стволе, я застудился и стал инвалидом. Но советская медицина поставила меня на ноги. Через полтора года после болезни снова пошел на подземные работы и проработал на них более двадцати лет. Любовь к спорту, зарядка, велосипед дали мне не только здоровье, а самое главное, что нужно бригадиру,— это хорошую реакцию и чутье на опасность. И бригада, которой я руковожу столько лет, не имеет за эти годы ни одной травмы, ни одной аварии — никто даже пальчика не поломал. А это — счастье для бригадира.

Я награжден орденами Трудового Красного Знамени и Трудовой Славы. Но самые дорогие для меня награды — медали «За оборону Москвы» и «За восстановление угольных шахт Донбасса».

Очень бы хотелось со страниц журнала «Огонек» к 40-летию Победы поздравить своих товарищей — мальчишек военного времени, для которых в те трудные годы был только один лозунг — «Все для фронта, все для победы». Это Алексей и Шура Картошкины, Витя Новожилов, Толя Петров и Витя Ворошилов. Хочу сказать добрые слова и о своем первом рабочем учителе и наставнике Сергее Ивановиче Епифанове.

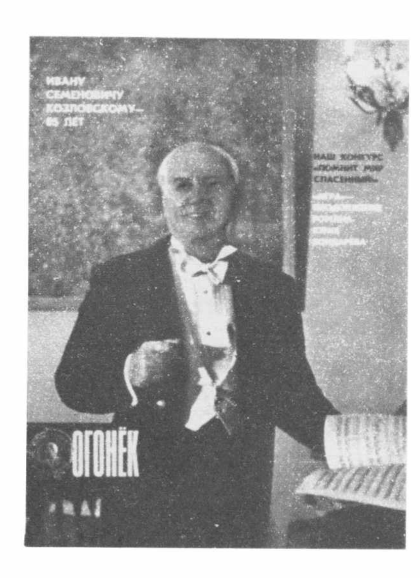
В. ОРЛОВ,
бригадир подземных монтажников Донецкого шахтостроймонтажного управления № 1 треста «Донецкшахтостроймонтаж»

Донецк.

«ДЛИННЫ ДОРОГИ ВОЙНЫ...»

Редакция «Огонька» и многочисленные читатели нашего журнала сердечно поздравляют народного артиста СССР И. С. Козловского с 85-летием.

В преддверии праздника Великой Победы мы попросили Ивана Семеновича поделиться воспоминаниями военных лет.

— Война ворвалась в нашу жизнь внезапно. Перед нами, артистами Большого театра, встал главный вопрос: как помочь фронту? Многие считали, что для музыки сейчас не время. Но жизнь рассудила по-своему. Уже первые месяцы войны показали, как важно и нужно для фронта наше искусство, как бойцы ждут концертные бригады в короткие часы затишья.

В середине октября основная труппа ГАБТа эвакуировалась в Куйбышев. Добирались кто как мог. Сесть в поезд было практически невозможно. Мы 14 суток ехали на машинах. В Куйбышеве долгое время жили в железнодорожном вагоне. Концерты наши в Куйбышеве начались практически сразу, а вот наладить работу театра оказалось нелегко. Во время эвакуации фашисты разбомбили эшелон с декорациями и костюмами. Погибли сопровождающие его рабочие сцены и заведующий постановочной частью театра Л. Исаев. Декорации писались заново, но возобновить костюмы в условиях военного времени и в очень короткие сроки было невозможно. Тогда дирижер театра С. Самосуд предложил единственно реальный выход из создавшегося положения: нужно ставить спектакли, в которых артисты смогут выступать в своих обычных концертных костюмах. Таким образом первыми спектаклями театра в Куйбышеве стали «Евгений Онегин» и «Травиата». Премьеры прошли с блеском, и я уверен, что зрителям даже не приходило в голову, что герои на сцене одеты «не по форме».

Жизнь постепенно налаживалась, но мысли каждого были обращены к Москве. Я часто бывал в Москве. Пел в госпиталях и на заводах, в Краснознаменном зале ЦДКА и на киностудиях, которые снимали фильмы «Концерт фронту». Но самым памятным выступлением навсегда остался концерт 6 ноября 1941 года, когда на станции метро «Маяковская» фронтовики и рабочие столицы собрались на праздничное заседание, посвященное 24-й годовщине Октябрьской революции. Осаждаемая врагами Москва не нарушила своей традиции. В ночь перед концертом готовилась импровизированная сцена, на платформе устанавливали стулья, привезенные из разных залов и театров. Артистическими и гримерными стали вагоны метро по обе стороны платформы. Военная летопись рассказывает, что за два часа до начала праздничного концерта множество вражеских самолетов двинулось к Москве для нанесения массированного удара. Но зенитные батареи не пустили врага.

Главной нашей работой военных лет были концерты в воинских частях на передовой и в прифронтовой полосе. В 1941 году на фронтах выступало более 4 тысяч концертных бригад. Мы готовились к выступлениям серьезно и тщательно, прекрасно понимая, что война не дает права ни на какие скидки. Выступали в сценических костюмах. Единственным музыкальным инструментом, как правило, был баян. Землянки, уцелевшие хаты, а иногда просто лесные поляны становились сценой. Вспоминаю наши поездки с Максимом Дормидонтовичем Михайловым. Невысокий, плотный, с седой бородой, Михайлов так просто и светло пел о родной земле, что замирали люди, и я видел на глазах слезы. На фронтовых концертах мы спели с Максимом Дормидонтовичем много дуэтов. Особенно полюбился солдатам «Яр хмель», часто нас засыпали заказами.

Длинны дороги войны. Повидали мы и страшное, и смешное. Однажды в январе 1942 года долго искали воинскую часть, в которой предстояло выступать. Замерзли страшно. Когда наконец добрались до места, то с удовольствием обогрелись у раскаленной добела печки. И кто бы знал, каких хлопот она нам наделает. Вышел на сцену, вдруг чувствую: откуда-то сверху брызги. Уж не дождь ли среди зимы? Рядом М. Рейзен с удивлением разглядывает залитые водой ноты. Оказалось, что от печной трубы загорелся чердак, потом занялась и крыша. А вода — это растопленный огнем снег. Заметили пожар далеко не сразу, так что к концу концерта и артистам, и слушателям пришлось срочно расходиться.

Жизнь концертных бригад на фронте была нелегка: попадали мы и под бомбежки, и под артиллерийский обстрел. Но прошло вот уже 40 лет, а я никак не могу забыть то чувство смущения, даже вины, которое мучило меня на фронтовых концертах... Ведь бойцы, сидящие перед нами, часто мои ровесники, шли в бой, умирали, а мы все-таки оставались в тылу. Не корил ли нас солдат в свой последний миг?

И. С. Козловский. 1940 год.

Военная летопись сохранила воспоминания фронтовиков о концертных бригадах Большого театра. Рассказывает бывший председатель Советского комитета ветеранов генерал армии П. И. Батов: «Мы на фронте И. Козловского, М. Михайлова, С. Лемешева, П. Норцова, А. Пирогова называли «тяжелой артиллерией» и всегда просили выступить перед наступлением». А в мемуарах Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» читаем о митинге в освобожденном Харькове. «После митинга... народный артист Советского Союза И. С. Козловский спел ряд русских и украинских песен. Его чарующий и задушевный голос до слез растрогал присутствовавших. Он пел много, как никогда, а мы, так истосковавшиеся по хорошему вокальному исполнению, были очень благодарны Ивану Семеновичу».

...Ивану Семеновичу Козловскому приходит много писем от ветеранов войны.

— Недавно я получил письмо от бойцов 165-й стрелковой дивизии: «Дорогой Иван Семенович! Из газеты «Правда» от 15 января 1985 года мы узнали, что Вы уже давно шефствуете над детским хором в селе Марьяновка. В июле 1941 года наша дивизия в этом селе отбивала яростные атаки 6-й немецкой армии и 1-й танковой армии Клейста, которые рвались в Киев. В течение двух недель немцы топтались на месте, теряя живую силу и танки, но очень много наших товарищей полегло в тех боях. Вот почему нам так дорого село Марьяновка...»

9 Мая мы обязательно встретимся с ними в Марьяновке, и я с детьми спою на братской могиле. Нашим детям и внукам предстоит беречь мир, и пусть святой традицией станет для них светлая минута памяти в день Великой Победы!

Беседу вела Е. ПУХОВА.

Думая о потомках

КРЫЛЬЯ НАД КАСПИЕМ

Лев ШЕРСТЕННИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора

Облет побережья идет уже четвертый час, ежегодный облет владений Красноводского государственного заповедника. Прибавилось ли на зимовке птиц или нет? Все ли представители видов на месте? Как зимуется? Не голодно ли? Не затирает ли лед? Нет ли каких других бед и напастей? Но главное — учет птиц. Владислав Иванович Васильев — директор заповедника — пристраивается на ременном гамачке между пилотами: оттуда лучше обзор. Помощник его, Володя Карпов,— в салоне у окошечка с правого борта, я — с левого. Науке на мою помощь рассчитывать не приходится: я так и не могу уяснить, как это, пролетая над стаей или иной россыпью птиц, можно их всех перечесть?

Один из крупнейших на юге нашей страны орнитологических заповедников был основан более пятидесяти лет назад. Заповедными были объявлены пойма реки Атрек и Гасан-Кулийский залив с окаймляющей его полосой суши шириной в пять километров. Носил тогда заповедник название Гасан-Кулийского. В конце шестидесятых годов территория его расширилась. С изменением береговой линии Каспия птицы стали менять и свои облюбованные места зимовок, больше стало их оседать севернее, в районе Красноводска, поэтому заповедник тоже изменил свои границы.

— Фламинго!— Васильев оборачивается со своей качалки.— Справа стая.

Хотя наш курс пролегал стороной от стаи, птицы снялись с места, и — в это трудно поверить, но мне показалось: солнце прорвалось из-за облаков — вся стая вспыхнула алым светом. Крылья цвета зари распростерлись над Каспием. Право, это было не менее величественно и живописно, чем трепетное рождение утренних зорь или тихая игра огня в прогорающем костре... Стая, совершив небольшой круг и успокоившись, снова превратилась в белую пену на воде, а самолет все летел и летел на юг...

Фламинго, чудо-птица, наверное, одна из тех, что спокойно может входить в сказку, жить там и действовать — реальная и сказочная одновременно. У моей матери, преподавателя биологии, было много затейливых картинок в многотомном издании А. Брема «Жизнь животных». Горбоносая и голенастая розовая птица мне запомнилась особенно ярко. Накануне полета у того же Брема я прочитал: «Никогда богиня утра не украшала себя более яркими цветами, никогда сады розовых садов Пестума не были прекраснее того, как расцвечены крылья фламинго. Цвет этот ярко-огненный, розовато-красный, подобен цвету распускающихся роз. Греки назвали эту птицу по цвету ее крыльев. Римляне сохранили это название, и французы, несомненно, имели в виду только этот ее огненно-красный цвет, назвав ее «Flammant», то есть «пылающий».

Мне не везло. Снять гордую красавицу птицу не удавалось. Уж очень она чуткая, осторожная. «Их видишь ежедневно, но полного представления об их образе жизни не получаешь, и наблюдать их удается только с помощью хорошей подзорной трубы»— вот и Брем пишет об этом. Но я не сдаюсь. Второй пилот уступает мне ненадолго свое место. Едва поворачиваясь в тесной кабине, открываю форточку, оттягиваю назад стекло, а в образовавшуюся щель просовываю толстую трубу телеобъектива. И тут... Даже моему неопытному глазу ясно: внизу наверняка тысячи фламинго. Пока птицы не проявляют беспокойства. Делаю рукой пилоту знак — пониже. Словно раскрылся яркий цветок — вся стая стала розовой. Фламинго расправили крылья и поплыли алым облаком над синевой вод. Наш Ан-2 притирается поближе к стае, птицы заполняют весь кадр, и каждую можно разглядеть...

Самолет ложится на обратный курс, в Красноводск, а розовое облако позади, успокаиваясь, садится на воду и напоминает теперь своей белизной выпавший снег.

На свинцовых водах Каспия покачиваются белые лебеди. Вчера мне удалось почти вплотную подъехать на лодке и вдосталь поснимать их. Лебеди не столь осторожны, как фламинго. Может быть, кровь предков говорит им, что человек не всегда коварен — живали же они некогда на роскошных прудах, кормились из рук, которые, даря хлеб, не пытались свернуть шеи. А может, эти лебеди пережили здешние лютые зимы и помнят доброту работающих в заповеднике людей?

Через заповедник и окружающие его территории пролетает в сезон несколько миллионов птиц. Одни надолго здесь не задерживаются, следуют «экспрессом» до своих конечных станций — жарких стран. Другие не так спешат, сытно кормятся в дороге, отдыхают побольше, но в конце концов и они отбывают к более теплому солнцу. Третьи избирают мелководья Каспийского моря своей зимней квартирой. И таких птиц немало — двести восемьдесят видов, общим количеством тысяч триста. Видимо, поэтому-то туркменское побережье Каспия признано местом особым, уникальным, а территория заповедника включена в состав водно-болотных угодий, имеющих международное значение.

Среди задач ученых — изучение формирования зимовок птицы, что важно для сохранения редких видов, генофонда. Кроме чисто научных проблем, в задачи заповедника входит защита своих подопечных от самого разного рода напастей — и от хозяйственных притязаний, и от браконьеров, и от жестоких капризов природы.

Владислав Иванович Васильев, директор заповедника, до самозабвения любит свою работу. По складу характера это деликатный, мягкий человек, но он может быть настойчивым, упорным, если того требует дело.

Раз в несколько лет зимы на Каспии бывают исключительно суровые. Холодные ветры и морозы гонят льды с севера, живая вода покрывается ледяной крошкой, прячется под белыми полями, а во все сужающихся полыньях скапливается множество птиц. Ушедшие с мелководья, которое промерзает скорее глубин, птицы лишаются корма. И вот, уже изнуренные холодом и голодом, они не в состоянии сопротивляться ледовому плену. Жуткая это картина, щемящая душу. Одна из таких зим как раз и пришлась на начало работы Васильева в Красноводске. Птицы гибли, спасти их мог только человек. И тут не только работники заповедника, но и многие организации пришли на помощь птицам. И в первую очередь горком партии. Это ведь непросто выкроить из фондов тонны зерна, организовать вертолеты — а иначе к птицам не подойти — и с малой, а потому опасной для машины высоты сыпать зерно на лед, чтобы не разнесло ветром. Теплое зернышко, упавшее отдельно, вмерзает в лед и становится голодной птице недоступным, но там, где легла горсточка, его можно успеть съесть. А много ли надо корма подопечным заповедника? Васильев считает, что, если в течение двухнедельных морозов, а дольше они не бывают, птиц лишь дважды накормить досыта, они переживут невзгоду...

И опять на Каспий приходили льды и морозы. И снова работники заповедника поддерживали руководители города, области, республики. Лебеди, фламинго и другие пернатые получали помощь, корм. В маленькой комнате (теперь в ней музей заповедника) сотрудники крошили для птиц хлеб, точнее, отходы хлебного производства. А затем вертолет вновь скользил над тонким льдом и дымящимися полыньями, неся спасение тысячам пернатых...

— Тесное соседство города и заповедника не всегда оборачивается благом,— рассказывал мне после полета Васильев, когда мы сидели в небольшом, но сделанном с огромной любовью музее заповедника.— Случались и аварийные выбросы промышленных вод с предприятий, и штрафы налагались на виновных. Дела эти в основном в прошлом.

Хотя ЧП может случиться и сегодня. Среди недавних штрафников оказались работники производственного объединения «Челекенморнефтегазпрома». Они «пустили» в море из скважины сто три литра нефти. Величина убытка составила 18 тысяч 216 рублей. Дороговато обходится беспечность.

В день, когда я приехал в Красноводск, шел суд над браконьером Сезеном Бердыевым. 17 ноября 1984 года, находясь на причале, Геннадий Николаевич Войтин, главный лесничий заповедника, услышал выстрелы. Вместе с мотористом А. Левадой и механиком Ю. Горборуковым на катере они устремились в район Красной Горки. Вскоре обнаружили моторку. Заметив преследование, стрелок стал убегать из заповедника в сторону охотугодий. После часовой гонки лодка была остановлена. В ней находились ружье, стреляные гильзы и тридцать восемь птиц — лысух.

Суд признал С. Бердыева виновным. Кроме штрафа (десять рублей за каждую убитую птицу), конфискации охотничьего ружья и моторной лодки «Южанка» с подвесным мотором «Вихрь», суд приговорил браконьера к двум годам лишения свободы.

Такой приговор — неплохой пример для всех желающих поживиться на дармовщинку.

...Наступил вечер. Угомонились птицы. Качаются на мелкой волне под легким ветром. Ветер уже пронизан запахами весны. Эти запахи и человека тревожат. Ну, а птиц? Пора, приближается пора расправлять крылья. Скоро с Каспия на север пойдут птичьи караваны...

Владислав Иванович Васильев ловит «кадр».

Меню, предлагаемое Каспием своим пернатым гостям, должно быть «опробовано» наукой заповедника.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Летят фламинго.

Фазу АЛИЕВА,
народная поэтесса Дагестана

Эхо Сталинграда

ОТ АВТОРА

Когда началась война, я была девчонкой-школьницей. Помню, как провожали на войну лучших мужчин нашего аула, как легли на плечи женщин и стариков да и на наши детские плечи все тяготы нелегких трудов, суровых невзгод, жестоких вестей о погибших отцах, братьях, соседях. Сорок лет прошло с той поры, но память тех дней продолжает жечь мое сердце.

В прошлом году я завершила работу над новой большой поэмой, посвященной величайшей в истории битве — Сталинградскому сражению. Никогда не решилась бы я взяться за такую героическую тему, если бы за тридцать лет моего писательского труда мне не довелось много раз и в прозе, и в стихах писать о войне. Двенадцать поэм посвятила я подвигам моих земляков-дагестанцев, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны.

Несколько раз я побывала в городе-герое Волгограде, на том высоком, гордом прибрежье, где когда-то отгремели и отпылали сто восемьдесят дней и ночей гигантского сражения и где сегодня высятся величавые монументы Сталинградского мемориала. Мне помогали не только замечательные книги воспоминаний о великой битве на Волге, но и многие волнующие встречи с ее участниками.

Поэма озаглавлена, быть может, не совсем обычно — «Какого цвета Победа». Но название это родилось само собой из горячо вспыхнувших в памяти драгоценных воспоминаний: ведь поистине всеми цветами радуги, самыми чистыми и яркими человеческими чувствами засверкал для нас ослепительный день 9 мая 1945 года — день огромной, рожденной в огне, страданиях и подвигах, долгожданной Победы, этот незабываемый день «радости со слезами на глазах».

Для первой публикации мне захотелось выбрать одну из тех глав, в которых я старалась как можно правдивей рассказать о жизни своего родного аула в суровые годы войны.

Каждое утро звучали тогда короткие сводки о героическом Сталинградском сражении, и причудливо сплетались они в детском моем сознании с богатырскими образами старинной горской сказки, моей самой любимой из чудесных бабушкиных сказок — о добром, трудолюбивом Кузнеце-великане: со своим тяжеленным молотом и громадными щипцами гневно заслонил он дорогу злому исполинскому огнедышащему дракону. А приполз тот грозный, прожорливый дракон из неведомых черных ущелий, и хотел тот жадный дракон напиться воды из широкой реки, отравить эту животворную реку своим гибельным ядом... Но не удалось проклятому колдовскому чудищу, как не удалось и фашистским полчищам одержать победу над могучим и бесстрашным Кузнецом — нашим великим советским народом.

1

Помню —
С предельной ясностью помню —
Те дни, когда в моем детском сердце
Впервые, как в теплом, доверчивом воске,
Имя оттиснулось:
Сталинград.
В ту пору окончились первые десять
Детских моих, самых звонких лет,
И мне, никогда еще не покидавшей
Наших селений высокогорных,
Мне, быстроногой чернявой девчурке
С косичками, прыгавшими на плечах,
Влюбленной в горы, всерьез казалось,
Что наш родной аул Гиничутли —
Всего девяносто старинных саклей,—
Наверное, больше всех на земле!
А был наш аул, если издали глянешь,
Похож на горстку пестрых карт,
Брошенных ловкой рукой гадалки
На стол — на гранитный уступ горы...
...Холодною выдалась в горных аулах,
К тому же и злой, небывало ненастной
Осень сорок второго года —
Самого тяжкого года войны.
Конец октября, а уж снежные бури,
Крутясь, налетели из всех ущелий,
Угрюмые тучи, клубясь, навалились
На нашу любимую гордую гору —
На нашу красавицу Акаро...
Сугробы! Сугробы!
Под самые кровли
Каменных гнезд — плосковерхих саклей —
За ночь метель наметала снегу,
С трудом удавалось тропу расчищать.
Но хоть и мучились мы, хоть и мерзли,
А все-таки думали со злорадством,
Что и фашистам сейчас несладко
Мерзнуть в русских снегах...
Еще вспоминаю:
Каждое утро
В ту беспощадно-жестокую осень
Весь наш аул на гумне собирался,
Где радиорупор висел на столбе.
Весь наш аул... Но кто ж оставался
К этому времени из аульчан?
Одни лишь суровые наши горянки,
Еще молчаливей, суровей, строже
Ставшие за год военной беды,
Из них, наверно, каждая третья,
Уже получившая «похоронку»,
Стояла в толпе резным изваяньем
В черном платке — вдова или мать.
Еще стариков с полтора десятка —
Орлов-аксакалов в косматых папахах:
На длинную палку, чабанскую палку,
Как на последнего в жизни друга,
Строго и сумрачно опирался
Каждый из них — седых мудрецов.
А ближе всех — на снегу бугристом,
Уже не таявшем на гумне,—
Худые, в отцовских рваных бешметах,
Дрожа и кутаясь, молча топтались,
Как стайка галчат, голодных, промерзших,
Мы — детвора аульская...
Помню:
Стоим мы с утра перед рупором черным,
А он со столба все гудит и гудит —
О чем-то недобром опять вещает,
Зловещий, круглый, хриплоголосый,
Как глотка сказочного колдуна.
И слушали мы затаив дыханье,
Мучительно угадать стараясь,—
В те годы почти что никто в аулах
По-русски как следует не понимал.
Вот и глядели мы с робкой надеждой
В красивое, строгое, молодое,
С гордыми ласточками-бровями
Лицо «Островского» —
Так мы звали
Нашу учительницу молодую —
Нашу любимую Сакинат.
(Вы спросите: а почему Островским
Девушку эту в селенье прозвали?
Могу объяснить: перед самой войною
Нашим комсоргом аульским став,
Она всегда и везде ходила,
Наверно, и ночью не расставалась
С потрепанной, самой любимой книжкой,
Где на переплете всадник скакал,
И чуть услышит спор молодежи,
Вспыхнув молнией кареглазой,
Всех прерывая, так начинала:
«А вот Островский об этом сказал...»
И книжку о том, как сталь закалялась,
По целым страницам, с любого места
Могла пересказывать наизусть!..)
...Рупор гудел и гудел... И порывы
Пронзительной стужи над мерзлым гумном,
Крутясь и беснуясь, в глаза нам швыряли,
Как горстки пороха, колкий снег...
О чем он гудит? Что сегодня услышим?
Какие сегодня новые беды
К вчерашним добавятся?..
Все мы знали:
На фронте всё хуже и хуже дела...
В далеких степях началась, а теперь уж
Совсем на гранитную грудь Кавказа
Грозною тучей война навалилась —
До города Грозного враг дошел!
Еще говорили: на самой вершине
Старца святого — седого Эльбруса
Свой черный крест водрузили фашисты —
Проклятый крест, кособокий, цепкий,
С концами, похожими на топоры...
И все-таки... Все-таки все понимали —
Не только мудрые наши старцы,
Но даже мы, аульские дети,
Совсем повзрослевшие за год войны,—
Все понимали: к горам кавказским,
К нашим родимым гнездам орлиным,
Всего лишь одна из лап протянулась
Дракона проклятого — только одна лишь
Из многих жадных, железных лап!
А морда его, ненасытная морда,
Сейчас всеми гибельными клыками —
Орудьями, танками, злыми штыками —
Впилась, как в нашу живую печень,
В город, все чаще звучавший в сводках,
Над светлою Волгой сражавшийся город
С булатным именем:
Сталинград.

2

Так много раз в те дни роковые,
В те ледяные ноябрьские дни
Мне довелось, аульской девчонке,
О том богатырском городе слышать,
Уже сто дней, сто ночей пылавшем,
А не желавшем сдаваться врагу,
Что имя его стало жгучей струйкой
В крови у меня, неотступной тревогой
В моем девчоночьем чутком сердце,
Искоркой боли в детских глазах...
Помню: тропинкой обледенелой,
Кувшин придерживая на плече,
На хмуром рассвете к ручью спускаюсь,
Дрожа от пронизывающей стужи,
И стынущими на ветру губами
Чуть слышно шепчу: «Сталинград...
Сталинград...»
А ночью в каменной, старой сакле,
Где вьюга свистела из всех щелей,
Во тьме под рваным тулупом скорчась,
Я долго-долго уснуть не могла.
Вздрагивая от знобящей тревоги,
То думала я: что же с нами будет?..
То видела отблески дальней битвы,
Чуть слышно твердя: «Сталинград...
Сталинград...»
И в отблесках этих — в пестрых туманах
Горячего детского воображенья —
Все ярче и ярче мне вспоминалось
Старинное бабушкино сказанье,
И все ясней, все ясней становилось:
Тот великан, тот батыр бесстрашный,
Что чудище жадное смог одолеть,—
Это и есть наш народ!.. Разве не был
Он Кузнецом, громадным и добрым,
Пока не полезли на нас фашисты?
Разве хотелось нам воевать?..
И видела я все ясней и яснее,
Как возле реки полноводной, светлой,
С могучим, плавным именем — Волга,
Где знаменитый город стоит,
Бьется сейчас среди грома и молний,

Из поэмы «Какого цвета Победа».

Фазу Алиева. Фото Дм. Бальтерманца

Бьется с драконом, проклятым драконом,
Наш храбрый Кузнец... Сто дней
уже бьется —
Сто дней и ночей пылающих бьется...
Когда ж победит он жадного, злого,
Стального дракона?..
Когда победит?..

3

И снова с утра над гумном угрюмым,
Уже заметенным буграми сугробов,
Над темной толпой безмолвных горянок,
Насупленных старцев да нас—промерзших,
Сгрудившихся в кучку галчат-аульчат,—
Начал хрипеть, будто гулко закаркал
С обледеневшего за ночь столба
Круглый, зловещий, железноголосый
Вещун черногорлый... И вдруг...
Что случилось?
Откуда-то трубная медь прорвалась!
Трубы!.. Трубы!..
Совсем как в праздник!..
Но чей это праздник?..
И ужас внезапный
В темный клубок неподвижный сдвинул
Нас, ожидавших последней беды...
Вот смолкли трубы... И чей-то голос —
Совсем незнакомый, настойчивый голос
Прорвал тишину... От слов непонятных
Застыли мы, будто над краешком бездны,
Боясь шелохнуться... И вот тогда,
Как Павка стремительный перед атакой,
Взмахнув, словно саблей, тонкой ладонью:
«Слушайте!.. Слушайте!..» —
Крикнула звонко
Похожая на запылавший факел
Наша восторженная Сакинат.
И слушали мы, в эту слишком большую,
Слепящую радость поверить боясь...
Но снова и снова твердо, чеканно
Сквозь круглое, зычное радиогорло
Над нами гремел левитановский голос —
Известье победное повторял!..
И глупые слезы со щек запылавших
Ладошками я торопилась стереть,—
Случилось, в точности так случилось,
Как в бабушкиной старинной сказке:
На дальней, на богатырской Волге
Стальными клещами за жадную морду
Кузнец-великан ухватил дракона
И намертво сжал!..

4

Сбылось!..
Наконец-то сбылось ожиданье
Старинного нашего Гиничутли —
Ведь все полтора мучительных года
Не только страдал он, молился и ждал,
Но и трудился!..
Да, шерсть, и мясо,
И лучших коней на фронт посылая,
Сил не щадя, наш аул трудился,
Голод и холод терпя, трудился,
За всех на войну ушедших трудился,
Как маленький тыловой солдат.
Сбылось!..
И не зря надрывалась мама
С багровыми ссадинами на ладонях,
Стирая весь день во дворе лазаретном
Кровавые, гнойные груды белья,
Не зря от зари до зари хлопотала
Бабушка, знавшая все на свете:
Тесто месила, баранов стригла,
Всех лучше готовила сыр овечий,
А ночь подойдет — все вязала, вязала
Носки да варежки фронтовикам.
Еще вспоминаю: в колхозной конторе
Был ящик поставлен — большой, фанерный,
С крупной надписью: «Все для Победы!»
«Все для Победы!» — плакат призывал.
И думаю я, что во всем Гиничутли
Ни одного не нашлось, кто бы сразу —
С первых же дней — в этот красный ящик
Чего-нибудь ценного не положил.
Старухи горянки — седые орлицы —
Несли свои свадебные украшенья:
Тяжелые кубачинские перстни,
Браслеты в глазастых огнях бирюзы.
Несли седоусые аксакалы
Серебряные пояса в чеканных
Узорах затейливых да кинжалы
Прадедовские в золотой насечке,
Несли даже свертки белого шелка,
Что берегли для своих похорон,
И пачки денег, потрепанных, честных,
Бережно перевязанных накрест,
И пестрые шали несли...
И я —
Я тоже (конечно, тайком от мамы,
Но бабушке все-таки правду шепнув)
Сережки — две капельки ярких кораллов,—
Первые в жизни моей сережки
В этот почти уже полный ящик
От всех незаметно бросить смогла...

5

О, сколько раз
В ту жестокую осень,
На этом просвистанном стужей гумне
Тихонько, чтоб только никто не заметил,
Плакала я — сперва от обиды,
От ненависти беспомощной, детской,
К врагу — побеждающему врагу,
А после от страха, чьи острые пальцы
Птенчику-сердцу сжимали горло,
От страха пред чудищем непонятным,
Злым, многолапым, жадным, громадным,
Собравшимся выхлебать светлую Волгу
И дальше ползти — наш Кавказ сожрать,
От страха за всех воевавших джигитов,
За дядю — любимого дядю Мансура,
Что был как раз в частях сталинградских
И третий месяц писем не слал...
Да, сколько раз,
Глядя вверх — в хрипящий
Круг черногорлый на мерзлом столбе,
Ладошками детскими рот зажимая,
Плакала я — от недетской тревоги,
Знобящей тоски...
А теперь... А теперь —
Как громко, открыто, неудержимо
От счастья заплакала я навзрыд!
Не я одна — даже строгие старцы
Щурились, радостных слез не стыдясь,
Когда ослепительное сообщенье
Внезапно из рупора протрубило:
На дальней Волге, на светлой Волге
Победа одержана — да такая,
Какой не бывало еще никогда!..
И как под лучами весеннего солнца
Внезапно оттаявшие ледники,
Плакали матери наши седые,
Краями платков утирая морщины,
Плакали гордые вдовы-горянки,
В чьих юных глазах, почерневших от горя,
Казалось, уже не осталось слез...
А мы, худые, в рваных обносках,
Полуголодные дети войны:
«Урра-а-а!..» — изо всех силенок кричали,
Восторженно прыгая по сугробам,
«Урра-а-а!..»—по уступам катились в ущелье
Звенящие выкрики наши ребячьи,—
«Урра-а-а!.. Урра-а-а-а!..»
И никто из взрослых,
Всегда суровых, невозмутимых,
Сейчас и не думал прикрикнуть строго
На нас, ликовавших галчат-аульчат.
А что всего удивительней было:
Плакала та, что звалась Островским,
Наша учительница молодая —
Всегда непреклонная Сакинат.
Хоть и беззвучно, от всех отвернувшись,
Но плакала — плакала та, что учила
С самого детства нас закаляться,
Как закаляется сталь в огне...
Старались не вздрагивать, но дрожали
Внезапно поникшие горестно плечи,
Хотели взлететь победно и гордо,
Но, словно у птиц, на лету подбитых,
Сломались крылья тонких бровей,
И слезы — расплавленные дробинки —
Стекали медленно... И лишь после
Узнали мы правду:
Как раз в то утро
Письмо ей прислала с попутной машиной
Подруга, жившая в Махачкале.
А было в записке лишь несколько строчек,
В конце этих строчек — всего три слова:
«...убили на Волге...»
Пришла
к нашей смуглой гордячке-комсоргу,
Упрямице нашей, к любимице нашей,
И черная, неумолимая весть:
Писали два друга — два дагестанца,
Что видели собственными глазами,
Как был возле Тракторного завода
В атаке сражен их земляк молодой...
И плакала Сакинат — как плачет
Сталь, в беспощадном горниле плавясь:
Эсэсовской пулей на волжской круче
Ужален был насмерть
Ее жених...

6

Помню —
С предельной ясностью помню,—
Как тем мутно-сизым ноябрьским утром
Долго еще мы толпились на мерзлом,
Просвистанном стужей, голом гумне...
Давно Сакинат перестала плакать —
Звенящим голосом провозгласила:
«Товарищи!
Всех поздравляю с победой!
Проклятому Гитлеру скоро конец!..»
Крикнула — и, повернувшись круто,
Прямая, тоненькая, стальная,
Ушла, со своим безутешным горем
Решив остаться наедине.
Ушла одинокой белой тропинкой
Не к дому —
К покрытой снежною шалью,
Крутой Акаро — как будто и вправду
От мудрой горы утешенья ждала...
А мы всё толпились, не расходились,
Друг друга радостно поздравляли,
На смятом снегу у столба плясали
И слушали снова, как рупор трубит:
Впервые не колдуном зловещим,
Нам лишь беду за бедой вещавшим,
А праздничным бубном гудел над нами
Этот всезнающий черный круг!
«Урра-а-а-а!..» — наверное, в ту минуту
Кричала я громче, восторженней всех,
И две косички — две озорные,
Счастливые змейки — так и взлетали,
Танцуя праздничную лезгинку
На дерзких детских моих плечах.
И я не знала тогда, не знала —
Да и откуда узнать бы могла,
Что в этот же час, в то ноябрьское утро,
Далеко-далеко на волжском прибрежье,
В брезентовой, вздрагивавшей от взрывов
Палатке госпиталя полевого,
Под окровавленной простыней
Солдат смуглолицый лежит — похожий
На дагестанских наших джигитов...
На дядю Мансура!..
А это и вправду
Был мой любимый дядя Мансур.
«Урра-а-а!..» — пронзительно я кричала,
Подружек порывисто обнимала
И прыгала, прыгала на снегу...
И не слыхала — да и каким бы
Чудом тогда услыхать я могла,—
Как хрипло дышит, скрипит зубами
От нестерпимой, режущей боли
Измученный, закопченный, обросший,
Неузнаваемо исхудалый
Наш дядя Мансур...
Ни разу не вскрикнул,
Не застонал он — ведь стыдно горцу,
Будто побитому псу, скулить!..
А позже нянечка тетя Глаша,
Слез не стирая со щек рябоватых
И самокруткой солдатской дымя,
Вздыхала: «Каких только соколов губят!..»—
Ведро окровавленное выносила
С уже неживой, манекенно-желтой,
Отрезанной левой его рукой...
«Урра-а-а-а!..» — восторженно мы кричали,
Угомониться никак не хотели —
Стайка оборванных, полуголодных,
Счастливых галчат — озорных аульчат.
И снисходительные аксакалы,
В усы усмехаясь, степенно кивали,
На палки чабанские опираясь...
А рупор трубил медногорлые марши
И снова перечислял трофеи,
Фашистских взятых в плен генералов,
Дивизий разгромленных номера,
А мы все кричали:
«...Победа!.. Победа...»
И многим в тот час, даже мудрым старцам,
Наверно, думалось, что и вправду
Вот он — конец проклятой войне!
Да, кто бы поверил в то светлое утро —
В то обжигавшее счастьем и стужей
Ноябрьское утро, когда мы так шумно
Толпились на нашем аульском гумне,
Что очень еще далеко до Победы,
Что к ней — как до радуги на горизонте —
Сквозь кровь и взрывы еще придется
Почти что тысячу дней шагать!..

Перевел с аварского
Сергей **СЕВЕРЦЕВ.**

1983—1984.
Волгоград — Махачкала.

ОН ПЕСНЕ ОТДАЛ ВСЕ СПОЛНА

В этом месяце ему исполнилось бы девяносто — народному артисту СССР, правофланговому советской песни, одному из основателей советской эстрады — Леониду Осиповичу Утесову. Можно много говорить о человеке, который прошел длинный и трудный творческий путь, видя главную свою заслугу в том, что «песне отдал все сполна». Много можно говорить о его оркестре, первом советском эстрадном оркестре, джазе, о «Веселых ребятах»— первой замечательной советской кинокомедии, о песнях, которые стали символом времени. Мне как человеку, который учился у Леонида Осиповича не только петь, но и жить, понимать свой гражданский долг, хочется вместе со всеми почитателями его таланта сказать, как не хватает его нам всем, слушателям и мастеровым эстрадной артели, его, Мастера с большой буквы, человека доброго, щедрого сердца. Его сердца, которое, как он пел, не хотело покоя...

Он искал. Переходил от жанра к жанру. Был гимнастом в цирке. Чтецом. Играл в драматическом театре. Однажды в Ленинграде он в один вечер показал все — «от трапеции до трагедии». Он искал себя и в своих поисках стремился к тому, чтобы его, как он говорил сам, понимали все. И пришел к песне. Он утверждал потом, что к песне нужно прийти. Вообще к песне и к той, которую ты сейчас хочешь исполнить. Песня — как роль в спектакле, ее нужно пережить, вложить всю душу, все, что ты хочешь сказать людям. Более шестидесяти лет он отдал эстраде, считая ее самым жизнерадостным, жизнеутверждающим искусством. И, сравнивая с театром, говорил: если сценическое искусство — литература, эстрада — журналистика. Георг Отс писал, что самое большое влияние на него из вокалистов оказали Федор Иванович Шаляпин, Карузо и Леонид Утесов. Подчеркиваю — из вокалистов! Хотя сам Утесов шутил, что у него нет голоса. А вот же звучал этот голос от Москвы до самых до окраин, долетел и до нашего времени. Утесов, занимаясь джазом, массовой песней, эстрадой, утверждал: «Эстрада — искусство малых форм, но значит ли это, что эстрада — маленькое искусство? Эстрада — искусство современности, искусство сегодняшнего дня. Важно, чтобы идеи были гуманистичны и звали бы человечество к светлой и справедливой жизни, которую советские люди строят».

Сказано это двадцать шесть лет тому назад, а как актуально, современно это звучит и сегодня! Молодым исполнителям всех последующих поколений он оставлял советы в легкой афористичной форме: «Не принимая свой вкус за вкус общества, помни, что, кроме джаза, есть еще и другая хорошая музыка!»

Сказано парадоксально, ибо не один год доказывал он важность избранного им жанра, но как серьезно! И далее: «Хороший джаз лучше плохой симфонии». Бесспорно и сегодня. И в той же шутливой форме учил своих «несерьезных» музыкантов: «Перед игрой волнуйся, но не трусь».

Все знали, каким остроумием и мудростью обладал этот неуемный рассказчик и шутник. Я вспомнил об этом и сразу вернулся на десяток лет, в день восьмидесятилетия Леонида Осиповича. Я примчался к нему по первому его зову, поздравил с днем рождения, правительственной наградой, а он мне сказал: «Расскажите, пожалуйста, что-нибудь новенькое, веселенькое!» Я смутился — в такой торжественный день. А он ответил: «Вот именно в такой торжественный день будут приходить друзья, думать: вот, мол, какой торжественный старик,— а я их буду забавлять!» Нет, он не выглядел стариком! Ни тогда. Ни сейчас — в моей памяти. В памяти целых поколений.

«Я не выношу одиночества... я воспринимаю одиночество, как беду»,— говорил Леонид Осипович. И он никогда не был одинок. Вся театральная Москва знала дорогу в его гостеприимный дом. Иногда я сидел напротив него, и мы вели неторопливые беседы. Наши диалоги превращались обычно в монологи. Его монологи. Я сидел в кресле, где, может быть, сиживали его друзья: Прокофьев, Бабель, Шостакович, Зощенко, Дунаевский, Михоэлс, Лебедев-Кумач, Светлов, Сурков, Маршак, Матусовский, Исаковский, Табачников, Аркадий Островский, Аркадий Райкин. Все те, с кем он создавал песни и эстраду.

Он во всем был первопроходцем. А когда пришла всенародная беда, Отечественная война, он встретил ее во всеоружии. Выступления Утесова на фронтах — это целая эпоха в его жизни, и сегодня, в канун сорокалетия великой Победы, нельзя не вспомнить, что и здесь он внес свою немалую лепту. Он, как сам выразился однажды, воевал шуткой и песнями, которые тут же запели в окопах, землянках: его, как он того и хотел, понимали все! Он знал, о чем тоскует товарищ моряк и как он надеется вернуться на родную землю с заветным камнем. Он плакал и смеялся вместе с одесситом Мишкой. Он первый понял, что «Вечер на рейде»— песня грустная, но нужная, необходимая времени. И он шел по дорогам войны с бодрой песенкой про города, которые один за другим освобождала наша армия.

9 мая у здания Большого театра он пел перед победившим народом, и голос его звучал всенародно!

Обращаясь к слушателям, Утесов сказал однажды:

«Я прожил большую жизнь. На моей памяти начали летать самолеты, появилось метро, радио, телевидение, газеты писали о первых советских блюмингах». На его веку взлетели первые космические ракеты, и Юрий Гагарин брал с собой в полет записи его песен. Его любили космонавты и рабочие, ученые и колхозники, пионеры и пенсионеры. И в день его девяностолетия мне еще раз вместе со всеми, кто знает, помнит и любит его, хочется поклониться Мастеру, который прожил вместе со страной, с народом большую и красивую жизнь!

**Его ученик,
народный артист РСФСР,
лауреат Государственной
премии СССР
Иосиф КОБЗОН**

В шпионской западне

«Как делается заговор» — название книги, которая скоро выйдет в издательстве «Прогресс». Ее авторы показывают на примере народной Польши, как действует созданный империализмом гигантский механизм экспорта контрреволюции.

Мы публикуем главу из этой книги.

**Ю. КОРНИЛОВ,
В. КУЗНЕЦОВ,
Ю. НИКОЛАЕВ**

В эфире звучит мелодия из популярного английского кинофильма. Ее может послушать каждый, но она адресована одному человеку. Утомительно долго повторяются такты музыки. Но вот прервалась, хорошо поставленный голос по-немецки произносит: «Ахтунг! Ахтунг!..» В эфир летят цифры. Это код, расшифровать который можно, лишь зная день рождения одного человека. Таким человеком был агент ЦРУ в ПНР Я. Южак, шпионская карьера которого была прервана МВД Польской Народной Республики осенью 1983 года. Вместе с ним на скамье подсудимых оказался Норберт Адамашек, гражданин ФРГ, тоже шпион.

Кто эти люди? Как они оказались агентами американской разведки?

Второй из них, бывший гражданин Польши Н. Адамашек, выдав себя за немца, в 1976 году выехал на жительство в ФРГ. Поверив всяческим радиоголосам, он был абсолютно уверен, что стоит перебраться на Запад, как он, человек предприимчивый, в короткий срок сможет разбогатеть. Он и не скрывал, что покидает родину в поисках «красивой жизни». Действительность оказалась иной. Сначала — лагерь для перемещенных лиц во Фридланде. Потом — с трудом найденное место на заводе «Сименс-Бош» в Треуреуте. Как чернорабочему, ему платили гроши. И никаких перспектив... Весной 1978 года, когда Адамашек уже знал, что попал в ловушку, к нему неожиданно обратились «за помощью». Это были люди, говорившие по-немецки с очевидным иностранным акцентом. Для беседы его пригласили в отель «Хилтон» в Мюнхене. «Не согласится ли г-н Адамашек внести некий вклад в дело «восстановления свободы» в Польше? Разумеется, его услуги будут оплачены». Адамашек не сомневался: вот он, единственный шанс выбиться из нищеты, обеспечить себе ту «красивую жизнь», о которой мечталось еще в Польше! Без колебаний дал подписку — подписку о сотрудничестве с ЦРУ.

У Яцека Южака, бывшего научного сотрудника Института автомобильной промышленности, расположенного в польском городе Бельско-Бяла, иная биография. Учился и работал в Польше. Увлекался автомобильным спортом, был даже членом национальной сборной. Казалось, жизнь складывалась удачно. Но Южак считал иначе. Человек беспринципный, алчный, непомерно тщеславный, он был убежден, что его «недостаточно ценят», любыми способами стремился разбогатеть. Однажды, отдыхая на болгарском курорте, Южак встретил Адамашека, с которым когда-то вместе учился. Южак, разумеется, не знал, что встреча была не случайной... Адамашек, осведомленный о настроениях Южака, «поработал» с бывшим однокашником, умело играя на его гипертрофированном самомнении, и обещал «за услуги» златые горы. Вскоре Южак выехал «навестить родственников» в США, где и был завербован ЦРУ.

На судебном процессе, проходившем летом 1984 года в военном трибунале Варшавского военного округа, вина обоих шпионов была неопровержимо доказана. Участникам процесса были представлены и шпионская техника, которой ЦРУ оснастило Южака (к этому времени он стал М. Степневским), и его секретные донесения закордонным разведцентрам, в которых содержались сведения, составляющие государственную и военную тайну. Оба шпиона — и Южак, и арестованный в Бельско-Бяла «турист» из ФРГ Адамашек — полностью признали свою вину. Было установлено, что Адамашек получил от ЦРУ за свою шпионскую деятельность 24 тысячи западногерманских марок, Южак — 8 тысяч марок и сверх того тысячу долларов. Перед вынесением приговора один из членов трибунала спросил Южака: «Скажите, что же в конечном счете заставило вас встать на преступный путь?» «Деньги!» — был ответ. Приговор, опубликованный в польской прессе, гласил: за шпионаж в ущерб польскому государству гражданин ФРГ Н. Адамашек приговорен к 15, а Южак — к 25 годам заключения.

Дело Адамашека и Южака — лишь один из многих эпизодов в ожесточенной необъявленной войне, которую империалистические круги США и других стран НАТО развернули против народной Польши. Составная часть, методы этой войны — подрывные операции, подкуп, диверсии, шпионаж. По данным МВД ПНР, в течение 1944—1982 годов органами польской контрразведки разоблачены 2140 шпионов, 713 из которых работали на американскую разведку, 431 — на английскую, 219 — на французскую и 206 — на западногерманскую. Только в первой половине 1984 года отмечено 340 случаев повышенного интереса спецслужб НАТО к стратегическо-оборонным объектам в Польше.

Планирование и осуществление этих акций, экспорт контрреволюции — главная задача так называемого «разведывательного сообщества» США. «Сообщество» объединяет несколько подрывных ведомств. Это прежде всего ЦРУ и специализирующееся на разведке с помощью средств связи Агентство национальной безопасности (АНБ): это «тайная империя» Пентагона, включающая созданные в 1961 году разведуправление министерства обороны США (РУМО) и соответствующие управления армии, ВМС, ВВС; это Бюро разведки и исследований госдепартамента США, Управление аэрокосмической разведки и, наконец, Федеральное бюро расследований (ФБР).

...Варшава, Уяздовские аллеи, дом 29/31. Посольство Соединенных Штатов в Польской Народной Республике. Пять этажей бетона и стекла, металлическая ограда, зелень. Все солидно, внушительно, но многим полякам известно: за респектабельным фасадом скрывается центр провокаций и диверсий против их родины.

До того как администрация Рейгана открыто развернула необъявленную войну против социалистической Польши, на протяжении долгих лет между ПНР и США существовали нормально складывавшиеся торгово-экономические, научные, культурные и иные контакты и связи. Развивался туризм. Поскольку в Соединенных Штатах насчитывается около восьми миллионов лиц польского происхождения, широко практиковались и краткосрочные выезды польских граждан для встречи с родственниками. Все выезжавшие за океан польские граждане должны были обращаться за визой в американское посольство в Варшаве. Их принимали с изысканной любезностью, уютно усаживали за столик, вручали «выездную анкету»: «Будьте любезны, заполните этот бланк. Чистая формальность, не более. Что поделаешь — нам, чиновникам, без формальностей не обойтись...»

Что же в этой так называемой «выездной анкете»? Три страницы убористо составленного вопросника, свыше тридцати основных пунктов, десятки уточнений. Требуется сообщить о принадлежности к партии и другим политическим, профессиональным или общественным организациям, указав точное название и адреса этих организаций. Необходимо перечислить все адреса, по каким данное лицо проживало больше шести месяцев начиная с 16 лет. «В состоянии ли вы финансировать себя в Соединенных Штатах? Лечились ли от алкоголизма? Занимались ли покупкой, продажей или употреблением наркотиков? Содержались ли в обычной или военной тюрьме? Если были осуждены за уголовное преступление, то по какой статье? Отмечались ли у вас дефекты психики?» И т. д. и т. п.

За многие годы в посольстве США скопилось тысячи страниц документации. Для американских спецслужб это исходный материал, столь полезный при составлении досье о предприятиях и учреждениях ПНР и при анализе общественно-политического климата в стране. Конечно же, это и «первоисточник» для выявления тех, кто может заинтересовать западные разведки. Разве трудно в этих анкетах отыскать тех, кто по роду работы имеет доступ к секретной информации? А там как не уделить особого внимания тем, кто занимает руководящие должности в хозяйственных и административных учреждениях, политических и общественных организациях, в средствах массовой информации, как не «подыграть» деятелям науки и культуры, как не учесть склонности иной молодежи?

Скуластое лицо, длинные, почти до плеч, черные волосы, застывший взгляд... Завербованный американской разведкой военнослужащий Войска Польского Зенон Целеграт рассказывает:

«Я работал в то время в составе международной миссии в Южном Вьетнаме, там познакомился с американцами. Чувствовал себя одиноким — и вдруг столько друзей! Щедро угощают в ресторанах, приглашают к себе домой, всегда готовы ссудить деньгами. Постепенно в их кругу стал своим человеком. Потом предложение: Зенон, помоги уточнить один вопрос, заплатят хорошо! Шаг за шагом втянулся в шпионскую работу. Сведения, которых от меня требовали, касались прежде всего политики Польши, ее обороноспособности. Благодарили за помощь. Обещали открыть на мое имя счет в швейцарском банке...—

Пауза, и неожиданно срывающимся фальцетом: — Будь они прокляты, провокаторы!»

Показания Зенона Целеграта, приговоренного польским судом к длительному сроку тюремного заключения, запечатлены в показанном по Варшавскому телевидению документальном фильме. А вот перед нами документ, оставшийся за кадрами этого фильма,— секретная инструкция ЦРУ. Судя по всему, именно этой инструкцией руководствовались эмиссары из Лэнгли, вербовавшие польского офицера. «Если с приехавшим из Польши гражданином уже налажен контакт,— читаем мы в ней,— необходимо в дальнейшем действовать осторожно, так как, не зная особенностей его характера, можно нарушить этот контакт. Прежде всего необходимо выявить слабые стороны объекта, а затем использовать их, одновременно подвергая объект идеологической обработке. Осуществляя эту тактику, следует действовать гибко и четко. Если вы захотите завоевать доверие польского гражданина, находящегося на Западе, необходимо чем-то заинтересовать его, стать полезным ему. Он должен почувствовать в вас сердечного человека, которому можно довериться. Тогда он будет готов пойти на определенный риск. Целесообразно также использовать и такие методы, как подкуп, создание у объекта иллюзий быстрого обогащения или продвижения по служебной лестнице, а также шантаж и угрозы компрометации».

Вот и другой документ — отпечатанный на тонкой бумаге инструкция-вопросник. Она изъята у Л. Хруста, занимавшего пост заместителя директора управления внешней торговли и сотрудничества с зарубежными странами министерства тяжелого машиностроения ПНР и осужденного за шпионаж в пользу одной из западных спецслужб. Что же хотели узнать на Западе от работника польского промышленного министерства? Приводим некоторые из пунктов вопросника:

«12. Какой уровень инфляции в Польше? Насколько сопоставим уровень инфляции с повышением заработной платы рабочих?

13. Каков процент национального дохода, выделяемого на покрытие задолженности загранице?..

18. Нет ли информации о количестве зерна, которое Польша планирует получать из стран Восточной Европы в течение текущего года и в более отдаленные сроки? Если Польша не получит зерно, то как это скажется на производстве продуктов питания, в особенности мяса? Как это повлияет на уровень жизни? Не может ли это вызвать внутренние конфликты?..

20. Как можно прокомментировать снабжение рынка товарами широкого потребления и продуктами питания? Можно ли рассчитывать, что перебои в снабжении вызовут осложнения для режима и населения?..

23. Имеете ли вы какой-нибудь доступ к данным о ввозе в Польшу нефти?..»

Вопросы не случайные. Заместитель государственного секретаря США А. Уоллис, выступая в марте 1984 года в подкомиссии по делам Европы и Ближнего Востока при комиссии палаты представителей по иностранным делам, откровенно говорил о том, что «НАТО осуществляет подробный анализ тех аспектов экономических отношений между Востоком и Западом, которые определены как имеющие важное значение для безопасности всех его участников (торговля, энергетика, кредиты). В числе проблем, изученных экономическим комитетом НАТО в 1983 году, было финансовое положение стран Восточной Европы, экономические отношения Советского Союза с развивающимися странами, военные расходы Варшавского Договора, сельскохозяйственная и энергетическая политика Советского Союза и стран Восточной Европы. Результаты этого анализа, которые изучаются министрами стран — членов НАТО, позволяют правительствам союзнических стран ознакомиться с согласованной оценкой последствий важных аспектов экономических отношений между Востоком и Западом для их безопасности».

Активный экономический шпионаж против ПНР, который ведут западные спецслужбы, включает и сбор информации о внешней торговле республики и отраслях, непосредственно связанных с внешней торговлей,— о судостроении и судоходстве.

«Дело Реймица», слушавшееся трибуналом города Гдыня, продемонстрировало, как это делается. По роду своей деятельности западногерманский бизнесмен, глава расположенной в Дойч-Эверн Люнебурге торговой фирмы «Экспорт индустри-фертретург» Пауль Реймиц имел постоянные контакты с крупными польскими внешнеторговыми объединениями — «Центрозап» в Катовице, «Металлэкспорт» и «Электрим» в Варшаве — и с Гданьским научно-исследовательским центром судостроительной промышленности ПНР. Это и привлекло к фирме Реймица и к нему самому внимание западных разведок. Западногерманской разведке БНД не составило труда установить, что жена бизнесмена Урсула Шарлотта Мантей родилась в Польше, на жительство в ФРГ выехала в 1950 году, что в ФРГ проживают и ее братья, в прошлом служившие в гитлеровском вермахте. Это и был «ключик» к главе фирмы. Родственники Реймица помогли сотрудникам БНД организовать встречу с ним.

— Ваша фирма на данный момент едва ли не единственная в ФРГ поддерживает с Польшей контакты в области судостроения,— сказал Реймицу в ходе беседы гость.— А ведь положение дел в Польше интересует весьма высоких лиц в Бонне. Полагаю, что информировать соответствующие службы о существе этих контактов — ваш, если хотите, патриотический долг.

— Коль скоро вопрос стоит так, я готов исполнить свой долг. Разумеется, при условии, что возможные расходы будут возмещены,— ответил бизнесмен.— Ссориться с вашей фирмой было бы для меня слишком большой роскошью. Чем конкретно я могу быть полезен?

Интересовавших гостя вопросов было немало. Какого типа суда строятся на польских верфях? Для кого? Какова производственная мощность стапелей? В какой степени польская судостроительная промышленность зависит от поставок оборудования с Запада? Как работает польская металлургическая, химическая и машиностроительная промышленность? В какой мере освоены польские западные земли? Каково положение в сельском хозяйстве?

С тех пор супруги Реймиц ездили в Польшу отнюдь не только по делам своей фирмы. По совету шефов Реймиц отыскал в ПНР «помощника» — ему удалось завербовать Брунона Эбингера, сотрудника Гданьского научно-исследовательского центра судостроения. Но когда бизнесмену-шпиону уже казалось, что он сорвет со своих контрагентов хорошую мзду, в дверь номера гданьского отеля, где он остановился во время очередного шпионского вояжа в ПНР, постучали: «Господин Реймиц? Госпожа Реймиц? Вот ордера на ваш арест...»

Особый интерес разведок НАТО вызывают Балтийское побережье, польский военно-морской флот, порты. «В 12 милях от нашего побережья вдоль границы территориальных вод круглые сутки летают военные самолеты НАТО,— писала газета «Трибуна роботнича».— Каждые 6—10 часов одно авиазвено сменяется другим. Сплошь и рядом самолеты НАТО изменяют курс и вторгаются в воздушное пространство Польши, и тогда в воздух поднимаются истребители-перехватчики военно-воздушных сил ПНР».

Объекты, находящиеся на побережье Балтики, привлекают первостепенное внимание американского разведуправления № 2 при командовании ВМФ США в Европе. Отдел № 23 этого управления, находящийся в Лондоне, в тесном контакте с западногерманской разведкой БНД занимается сбором данных о польском побережье, выявляет объекты, «подлежащие уничтожению в случае конфликта».

Об этом свидетельствует, например, спланированная некоторое время назад БНД операция под кодовым наименованием «Шмальцброд» («Хлеб с салом»). Цель операции — уточнить состав и установить дислокацию ряда подразделений ВМФ ПНР. Исполнитель — Йоганнес Венцель, бывший гражданин ГДР, в 1951 году бежавший на Запад и завербованный сначала британской, а затем западногерманской разведкой. После того как Венцель (ставший Требе) начал сотрудничать с БНД, ему предложили устроиться матросом на торговое судно, регулярно совершающее рейсы в Польшу.

«— С борта этого судна в польских портах вы увидите немало важного для нас,— наставляли его в БНД.— Польские военные корабли, береговые оборонительные сооружения, радары — обо всем этом следует сообщать, и как можно подробнее.

— Я не специалист...

— По возможности следует фотографировать военные объекты,— для этого вы получите японский фотоаппарат «Коника», им можно снимать даже через занавеску иллюминатора. Если воспользоваться «Коникой» не удастся, запомните слово «Шмальцброд». Буквы этого слова — шифр, обозначающий составные части боевого корабля, который следует фиксировать».

Операция была продумана тщательно. Связь — парикмахерская на вокзале в Кельне, вокзальный ресторан в Рендсбурге, здание морского пароходства в Любеке. Собранные сведения и фотоснимки (с точным указанием даты и часа, когда они сделаны) отправлять из западных портов по адресу: «Гамбург, 71, г-же Труде Мут». В случае опасности кельнская радиостанция в определенные часы передаст фразу: «Курт тяжело болен, приезжай немедленно, сестра Клара». Получив эту радиодепешу, Венцель обязан немедленно прекратить свою деятельность и уничтожить улики...

Казалось, все предусмотрено. Тем не менее операция «Шмальцброд» провалилась. Венцель-Требе, схваченный с поличным, приговорен к десяти годам тюремного заключения.

В Польше состоялось уже несколько судебных процессов над эмиссарами закордонных спецслужб. Обезврежены, в частности, направленные в ПНР из Западной Германии со шпионскими заданиями Арлихс — в прошлом ас гитлеровского абвера, летчик Грибель, моряки Март, Альбрехт и другие. Но организаторы шпионско-диверсионных акций не унимаются, вербуют и забрасывают в Польшу все новых агентов.

В поле зрения американской военной разведки уроженец Гданьска П. Павельчик (он же Петерсон) попал, когда в 1958 году выехал на постоянное жительство в ФРГ. Ему дали «простейшее» задание: завязать знакомство с моряками и рыбаками польских судов, которые совершают рейсы ПНР — ФРГ. О дальнейшем — позднее. Новоявленный агент не откладывал дела в долгий ящик:

— Под каким предлогом и где можно встретиться с такими людьми? Не насторожит ли их это?

— Вы уроженец Польши, вы всегда «рады соотечественникам». Найти их нетрудно: польские моряки, бывая в Бремене, заглядывают в кафе «Колумбус», «Эуропа», «Поммеркеллер». Покажите себя рубахой-парнем, этакой широкой натурой: угощайте спиртными напитками, расспрашивайте о новостях в Польше. Выявляйте неустойчивых, обиженных, недовольных, жадных до денег. А когда они снова окажутся в Бремене, переходите к делу».

Внимание вербовщика привлек враждебно настроенный к народной власти Владислав Островский, радист, плававший на польских торговых судах «Поляница» и «Домейко». Соблазнившись посулами щедрых вознаграждений, он согласился «помочь в уточнении некоторых данных, касающихся Польши». Он подписал контракт о сотрудничестве с американской разведкой и получил конкретные задания — снабжать американский разведцентр фотографиями и описаниями польских военных объектов и портовых сооружений, переправлять на Запад образцы или копии новых удостоверений личности, партийных и военных билетов, завязывать контакты с офицерами военно-морских сил ПНР.

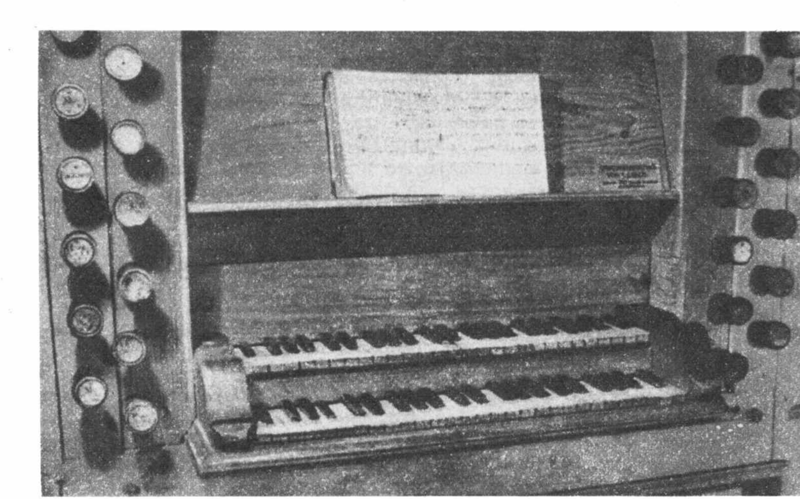
«— На связь будете выходить в Бремене и Гамбурге,— предупредили его.— Вот оружие — пистолет в форме авторучки: применять его разрешается в крайнем случае...»

Когда «крайний случай» настал, Островский не применил оружия, а трибунал военно-морского флота в Гдыне приговорил его к девяти годам тюремного заключения...

Иоганн Себастьян Бах. Портрет художника Э. Хаусмана. 1747 г.

Церковь св. Фомы, где похоронен великий музыкант.

Орган в Арнштадте, на котором играл Бах.

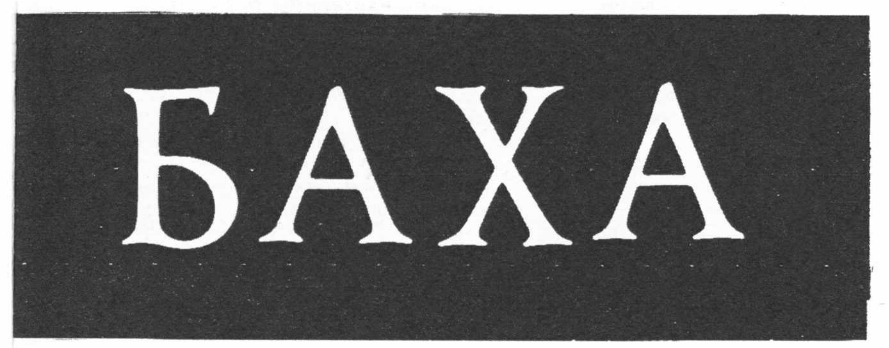
ВСЕЛЕННАЯ

В этом доме родился Бах.

Композитор за органом.

К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Вера ГОРНОСТАЕВА,
заслуженная артистка РСФСР

Иногда человек стремится к внешним событиям,— хочет во что бы то ни стало добиться признания, быть знаменитым.

Есть судьбы, которые подсказывают нам иное. Склонившись пред ними, учимся отличать истинные ценности от мнимых.

Жизнь Баха — пример редкой нравственной чистоты. Его смиренное трудолюбие не знает суетных стремлений. Вспомним сегодня загадочный ответ на вполне обычный, обращенный к нему вопрос: «Как вам удалось достигнуть такого мастерства?» «Я просто был с детства очень прилежен,— отвечал Бах,— если бы все люди были бы столь прилежны, как я, то они добились бы того же». Шутил ли он или простодушно верил в свой ответ?

Его биография проста. Он никогда не бывал в других странах. Ему хватило для творчества той земли, на которой родился. Его родина — Тюрингия, город Эйзенах. Вырос в семье потомственных музыкантов. Рано осиротел. С пятнадцати лет сам себя содержал. Женился, растил детей. Овдовев, женился вторично. Работал органистом сначала в Арнштадте, потом в Мюльхаузене, потом в Веймаре и, наконец, в Кетене, где провел шесть лет в должности капельмейстера. Об этих городах позже вспомнит Вагнер: «...Посмотрите... на этого мастера, в поисках работы странствовавшего как жалкий кантор и органист по маленьким городкам Тюрингии, названия которых мы едва ли знаем сейчас. Он был настолько незаметен, что понадобилось целое столетие, чтобы извлечь из неизвестности его произведения... Я только указываю на эти творения, ибо невозможно каким-нибудь сравнением передать их богатство, возвышенность и все заключенное в них значение».

В ответе Баха, возможно, были искренность и серьезность. Его «прилежность» действительно уникальна. Всю свою жизнь он учится, переписывая чужие произведения. Это постоянное общение с музыкой других композиторов — как потребность в собеседнике, с которым возможен настоящий интересный разговор. Переписывая, он «беседует» с Вивальди, Телеманом, Палестриной, Генделем, Фрескобальди. Анализирует, спорит, запоминает, размышляет.

Тем временем все идет своим чередом. Дети подросли, и нельзя больше оставаться в Кетене. Надо дать им образование в большом городе. Бах едет в Гамбург. Выяснилось, что церкви святого Иакова нужен органист. Он играет там, принимая участие в конкурсе. Если его современники были не в состоянии понять подлинное значение Баха-композитора, то по поводу его органного искусства все мнения едины: в этом ему нет равных. Однако результаты гамбургского конкурса оказались неожиданны: на должность органиста взяли другого претендента — некоего Хейтмана, заплатившего, как выяснилось потом, четыре тысячи марок церковному начальству за прибыльное место органиста. Оплачивая свой «успех» в Гамбурге, Хейтман приобрел бессмертие, ибо отныне и навсегда он вошел в биографию Баха. Эта история, происшедшая 265 лет назад, до смешного заурядна, но она украшает собою жизнь гения и заставляет о многом размышлять.

Вернувшись в Кетен, Бах ждал другой возможности переезда в большой город. Она представилась лишь через два года: в Лейпциге освободилось место кантора в церкви святого Фомы. После вступительных испытаний он был принят на должность, в которой находился двадцать семь лет, до последнего дня жизни.

В обязанности кантора входило многое. Школа при церкви воспитывала мальчиков для хора. Надо было обучать их латыни, пению, игре на различных инструментах, руководить хором, сочинять кантаты и мессы, необходимые для церковных служб... Педагогические дарования Баха чудесно воплотились в его детях. Старшие, Филипп Эмануэль и Вильгельм Фридеман, и младший, Иоганн Кристиан, стали выдающимися композиторами своего времени. Их прижизненная слава затмила имя отца. Бах, обремененный семейными заботами и службой, опровергает привычные представления о том, что гений должен отказаться от семьи, чтобы быть свободным. Какое там «свободным»! Бесконечные обязанности, хлопоты, конфликты с начальством школы... Сейчас это кажется непостижимым, когда окидываешь взглядом все созданное им. Он писал свою музыку ночами, портил себе глаза, записывая ноты при свечах (а в юности даже при лунном свете). Под конец жизни он ослеп и последние сочинения диктовал. Он прожил шестьдесят пять лет. Почему-то всегда кажется, что больше... Сколько же может вместить в себя человеческая жизнь?

Бах растил своих детей помощниками. Потомственная принадлежность к цеху музыкантов продолжила себя. И жена Анна Магдалена, и дети помогают ему как профессионалы. Читаем в музеях: «Из мастерской Рубенса», «Школа Ван Дейка». Не было ли чего-то похожего и в «музыкальном цехе» баховского семейства?

Есть одна замечательная особенность, определяющая, пожалуй, самую существенную сторону характера Баха. Он боролся с житейскими трудностями, чтобы обеспечить свою многочисленную семью, но нисколько не добивался признания как художник. Сочинение музыки не приносило ему славы или материальных благ, и потому оно не было связано ни с чьей волей, кроме его собственной. К этому стремилась душа, и никаких иных целей не было. Бах прожил как бы две параллельно про-

текающие жизни. В одной из них он добивался успеха и терпел неудачи, огорчался или радовался своим земным делам. В другой — был совершенно свободен и счастлив. Эта вторая и основная жизнь запечатлена в его музыке. Она говорит с нами о вечном, истинном и прекрасном.

Бах любил все возрасты человека. Он писал свою музыку для детства, отрочества и юношества. Для малышей — нотная тетрадь Анны Магдалены Бах: сборник детских пьесок назван именем жены. Сыновья подрастали, и возникли «Маленькие прелюдии и фуги», потом двухголосные инвенции, потом трехголосные.

Когда музыкант взрослеет, он открывает для себя великие материки—прелюдии и фуги, партиты, сюиты, итальянский концерт, Гольдберговские вариации... Это пока только клавирное творчество Баха. Но ведь он сумел оставить великое наследие для множества разных инструментов. Для исполнения одних только органных сочинений Баха современному органисту нужно сыграть пятнадцать сольных программ! А если вспомнить все, что написано для разных ансамблей, оркестров, если присоединить ко всему этому еще кантаты, мессы, пассионы, бранденбургские концерты, виолончельные и скрипичные сонаты, магнификат, Рождественскую ораторию... Эта музыка говорит об извечных стихиях жизни. Свет материнства, тяжесть самоотречения, красота естественного человеческого существования, где все закономерно, предопределено, вечно: рождение и смерть, страдание и радость, упорство и мужественность, смирение и нежность.

Крестьяне Питера Брейгеля приплясывают в баховских простонародно-танцевальных фугах. Светящиеся чистотой мажорные прелюдии близки по строю живописи Пьеро делла Франческа. В монументальности пассионов звучит эпическая мощь фресок Джотто.

Музыку Баха можно исполнять на любом инструменте, перекладывая, меняя фактуру, что постоянно делал и сам Бах, но при этом она ничего не теряет. Переходя с одного инструмента на другой, в многочисленных транскрипциях, обработках музыка Баха сохраняет свой смысл, свою духовную глубину.

Баховское творчество — явление сверхвременное, оно вырастает с каждым следующим столетием...

* * *

Было бы неверно сказать, что современники не ценили Баха. Сын Филипп Эмануэль называет его «великим» и, вспоминая детские годы, свидетельствует, что ни один крупный музыкант, посетивший Лейпциг, не миновал их дома. Известность Баха как специалиста во многих сферах «музыкальных наук» была значительной и многогранной. Но вряд ли кто-нибудь из современников Баха догадывался, что его музыке уготована столь долгая жизнь. Большинство баховских сочинений не было известно. После его смерти попытка Филиппа Эмануэля напечатать «Искусство фуги» оказалась явно неудачной: никто не хотел покупать ноты, и сын был вынужден продать на слом медные доски с выгравированным текстом последнего сочинения отца.

Более пятидесяти лет после смерти Баха казалось, что мир окончательно забыл его музыку. Но вот пришли иные времена. В 1802 году музыкальный директор города Геттингена Иоганн Николаус Форкель выпускает тоненькую книжечку. Помимо бережно собранных автором сведений, полученных от сыновей Баха, в ней произнесено то, что еще не говорилось никем. «Произведения, которые оставил нам Бах,— бесценное национальное сокровище; ни у одного народа нет ничего подобного»,— пишет Форкель, обращаясь к немцам. Биограф Баха не переоценил значения его творчества. Он просто сказал об этом первый, в самом начале XIX столетия.

Баховский ренессанс, начатый книгой Форкеля, медленно разрастался по вехам.

В 1829 году двадцатилетний Феликс Мендельсон-Бартольди руководит исполнением «Страстей по Матфею» в Берлине. Прошло ровно сто лет с того дня, когда они исполнялись под управлением самого Баха.

В 1850 году основано Баховское общество, посвятившее себя изучению и изданию всех произведений великого мастера. Это гигантский труд, который лег на плечи музыкантов, воодушевленных открытием баховской музыки. У основания общества стояли крупные музыкальные деятели: кантор церкви святого Фомы в Лейпциге Хауптман, биограф Моцарта Отто Ян, органист Беккер, композитор Роберт Шуман. История их деятельности словно входит в посмертную биографию Баха и преодолевает барьеры на пути сближения великой музыки с человечеством, так долго не хотевшим ее понять. В 1885 году в Эйзенахе по инициативе Листа открывается памятник Баху. В 1900 году выходит последний том полного собрания сочинений.

* * *

Альберт Швейцер, врач, музыкант, миссионер, философ, один из самых выдающихся людей XX столетия, посвящает Баху монументальную монографию—быть может, лучшее из всего, что написано о нем. По инициативе Мендельсона, основателя Лейпцигской консерватории, баховские сочинения стали обязательными в программах консерваторского обучения. Сегодня они необходимы на всех уровнях музыкального образования. Более того, входят в большинство международных конкурсных программ. Основан и существует международный конкурс имени Баха. Во второй половине нашего века появился великий интерпретатор Баха — Глен Гульд. Его глубокое и своеобразное проникновение в «Баховскую вселенную» стало этапом в познании бесконечно раскрывающейся для нас музыки.

Заканчивая размышления о том, что, в сущности, не имеет конца, вспомним слова Альберта Швейцера: искусство Баха «изображает не душевные переживания, не борьбу и стремление к цели, но ту реальность в жизни, что стоит над жизнью... Всякое эстетическое объяснение остается лишь на поверхности. То, что захватывающе притягивает в нем,— это не форма и не строение отдельных пьес, но отражающееся в нем миросозерцание».

ГЛАВНЫЙ БОТАНИЧЕСКИЙ

Ольга НИКИТИНА

«Ваш сад — как красивая музыка, живопись или балет. Это и наука и искусство. Розы, которые вы выращиваете в Ботаническом саду, приносят радость каждый день».

Так оценил работу Главного Ботанического сада АН СССР председатель Международного общества садоводческой науки Х. Тюкей.

Я беседую с человеком, отдавшим сорок лет жизни этому оазису красоты, членом-корреспондентом АН СССР П. И. Лапиным. Закончив войну в звании капитана, Петр Иванович еще до демобилизации был зачислен сотрудником только что организованного в 1945 году Главного Ботанического сада. Немало ученых-ботаников воспитал профессор Лапин, в том числе и теперешнего директора доктора биологических наук Льва Николаевича Андреева. А первым директором был ученый с мировым именем, академик Н. В. Цицин — выдающийся селекционер-генетик, ботаник.

— Нашему саду 14 апреля исполняется 40 лет, он почти ровесник Победы,— рассказывает Петр Иванович Лапин.— А первые ботанические сады появились в Европе около четырех столетий назад. В России при Петре I они назывались аптекарскими огородами, так как их основной задачей было разведение лекарственных растений. Но скоро наряду с лекарственными растениями здесь начали культивировать и выводить цветы, деревья, злаки. В 1706 году создается первый в России Ботанический сад (ныне филиал Ботанического сада МГУ). К 1917 году было всего двадцать ботанических садов, а сейчас — сто двадцать пять.

До беседы с Петром Ивановичем я сделала попытку обойти владения ботаников. У меня это заняло больше недели. Красивые заснеженные аллеи, скрывшиеся подо льдом пруды и озера, в которых летом плавают лебеди, речки, многолетние рощи, заповедные дубравы, дендрарий и, конечно, оранжереи, теплицы, научные лаборатории, где в любое время года ведется напряженная творческая работа. Занимает сад 361 гектар! Более 12 тысяч видов растений, 7 с половиной тысяч сортов, многие из которых выведены сотрудниками этого научного учреждения!

Трудно сказать, когда здесь более людно — зимой или весной, летом или осенью. И поражает, когда среди зимы видишь в оранжереях и теплицах цветущие растения, море цветов... Главный Ботанический сад страны прежде всего крупнейшее научно-исследовательское учреждение, где проводится большая теоретическая и экспериментальная работа по наиболее эффективному использованию растительных ресурсов в народном хозяйстве страны.

Одной из основных задач является интродукция растений.

Кто не любовался голубыми елями, украшающими Красную площадь! А ведь такая ель, очень устойчивая к воздействию городской среды, не растет в нашей стране в естественных условиях. Это интродуцированное растение.

— Есть такое растение редкой красоты,— рассказывает Петр Иванович Лапин,— катальпа. Было предпринято более 70 попыток интродуцировать ее. Множество растений погибало в первую же зиму, некоторые выживали, но вымерзали позже. Наконец, одно из перезимовавших растений прижилось, окрепло, и высота его достигла 12 метров. Помните суровую зиму 1978/79 года, когда все плодовые сады к северу от Москвы погибли, не перезимовал даже орешник? Но наша катальпа цвела и плодоносила. Сумели-таки наши ученые закалить заморскую гостью.

Широк и многообразен круг забот научных сотрудников Ботанического сада — вывод новых сортов, акклиматизация редких растений, передача их в сельское хозяйство, озеленение городов, постоянная связь с другими ботаническими садами страны и мира, непрекращающаяся работа по охране природы...

Недавно в издательстве «Наука» вышла книга «Редкие и исчезающие виды природной флоры СССР, культивируемые в ботанических садах и других интродукционных центрах страны». Это плод огромной, многолетней работы почти всех ботанических садов страны. По предложению П. И. Лапина на титульном листе этой своеобразной «Красной книги» растений были в виде исключения набраны крупным шрифтом фамилии всех 276 авторов. Сейчас к печати готовится расширенное издание этой книги.

По итогам Всесоюзного социалистического соревнования за успешное выполнение научно-исследовательских работ в 1984 году коллектив Главного Ботанического сада АН СССР награжден переходящим Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

М. Савицкий. Род. 1922. ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ ВАСИЛЯ БЫКОВА.

Художественная выставка «Земля и люди».

Художественная выставка «Земля и люди».

Е. Чернышева. Род. 1935. ВЫШНЕВОЛОЦКИЕ НЕВЕСТЫ. 1984.

Юрий БОНДАРЕВ

РОМАН

Рисунки Е. БОНДАРЕВОЙ, А. УСТИНОВИЧА

■

Пляс Пигаль, день и ночь веселящийся район «города городов», куда повел его неутомимый Гричмар, блистал, кипел, переливался, казалось, теми же огнями, теми же названиями баров, ночных кабаре, секс-шопов, секс-фильмов, что видел Крымов и в Гамбурге, и в Брюсселе, и в Сан-Франциско; те же швейцары в непристойно красных ливреях, в аристократически черных цилиндрах, те же испитые, потрепанные физиономии сутенеров, повсюду на углах настойчивой скороговоркой предлагающих зайти на сенсацию и испытать то, чего еще не испытывали, то же многолюдное, тесное движение разноликой и разнокожей толпы, нечистоплотно пряный ветерок духов, перемешанный с горячим запахом жареных каштанов возле кинотеатров, с настоянной сладостью кофе из открытых дверей закусочных, и всюду мимо тротуаров сверкающие отлакированными спинами машины, мчащиеся куда-то в световое небытие, непрекращающийся однотонный шум вперемешку со скрежетом игральных автоматов, и те же опытные голоса у подъездов в переулках, трогание за рукав: «Аллё-о!» — и скромное заглядывание в глаза с полуприглашающим, фальшиво целомудренным киванием молоденьких девиц, иногда почти девочек, похожих на сорбоннских студенток, в простеньких невинных очках, и рядом расширенные зрачки мальчиков-наркоманов, остекленевшие на бескровных лицах, группы гибких и стройных, как лани, негров в белейших майках, шумно поджидающих поблизости от ресторанов предложения богатых туристок-американок, наделенных за границей повышенным воображением, респектабельные мужчины, скользящие равнодушными взглядами по витринам ночных клубов, по фотографиям обнаженных тел в разных позах.

Те же повороты в переулки, где неяркие огни, полумрак, откуда порочно тянет теплой волной пудры, порой банной сыростью с парфюмерной струйкой чего-то солененького, где у стен наполовину темных домов, у каких-то полуоткрытых дверей прохаживались, напрягая икры, пожилые проститутки в телесного цвета колготах, в трико с цветными треугольниками внизу живота, от этого казавшиеся нагими, независимо переговаривались между собой прокуренными голосами, в то же время с притворным безразличием ловили боковым зрением страшноватых, по-клоунски подведенных глаз малейшее внимание проходивших мужчин, и одна, худая, плоскогрудая, мотая длинными волосами, свисающими бронзовыми вензелями на крупные ключицы, окликнула Гричмара с грубоватым смехом:

— Эй, толстяк, я знаю, что ты богатый немец, подымайся ко мне, я сделаю то, что ты хочешь! У меня есть подруга...

— А сколько будет стоить, милочка? — отозвался нарочито ободренно Гричмар и молодецки подмигнул Крымову. — Где твоя подруга, милочка?

— Подымешься в мансарду и ты ее увидишь. Она белокура, как Сафо. И родом с Лесбоса. Ты что-нибудь в этом соображаешь?

— И сколько вы берете франков, милочки?

— Заплатишь за нашу квартиру.

— А сколько?

— Ты не пожалеешь о деньгах, толстяк, после того, что увидишь.

Они говорили по-французски, Крымов не все понимал, его угнетало это жадное вечернее шевеление людей, ищущих торопливых наслаждений на площади и в этих мрачных переулках, где открыто продавалась живая плоть — бедра, ноги, губы, механические движения по выбору покупателя, и было такое же давящее чувство, какое он испытал два года назад в гамбургском магазине, наивно называемом гигиеническим, при виде омерзительно огромной резиновой куклы, имеющей имя Линда, обладающей теплом «нормального женского тела» (что выяснилось из торговой рекламы), которую можно купить за тридцать марок в постоянные любовницы, ибо никакого различия нет. И поразил его в том магазине странный покупатель, некий сухонький тонконогий мужчина лет сорока, топтавшийся около двери. Он зачем-то завязывал на лице до глаз носовой платок и то делал шаг к прилавку, то отступал назад с полоумным взглядом одержимого больным стыдом, необоримой манией и страхом...

А тут, на парижской площади Пигаль, близ темных переулков, все буйствовало бессонным фейерверком неона и электричества, везде текли праздные толпы желающих познать или увидеть предметы удовольствий, стояли ожидающей цепочкой у ярко светившихся окон бара юные проститутки в курточках, и от одной девицы к другой разъезжал в коляске инвалид, полноватый в шее и плечах, в каскетке военного покроя, и подолгу убеждал их в чем-то, с мольбой вскидывая глаза, но они отрицательно перекрещивали указательные пальцы, поворачивались к нему спинами, видимо, не договорившись в цене, а он отъезжал, возбужденный, с рыскающим потным лицом, затем наконец утомленно подкатил к металлическому барьеру, огораживающему тротуар, рывком положил на перила дрожащие кулаки, и Крымову, вероятно, привиделось: по его круглым молодым щекам быстро скатывались злые слезы. Инвалид смотрел через дорогу на багрово подсвеченные витрины нового американского шоу; а там, на другой стороне улицы, пронзительно завывала сирена, увеличивалась, расширялась толпа, загораживая витрины и вход в кабаре. Полицейская машина, вращая голубыми молниями сигналов, круто остановилась возле тротуара, двое полицейских провели кого-то окровавленного сквозь расступавшуюся у подъезда толпу, втолкнули в распахнутую дверцу. Вновь взвыла сирена, машина, стремительно выворачиваясь из скопища автомобилей у обочины, задела боком железный столб с названием улицы, столб скрипнул, закачался, толпа дружно, злорадно захохотала. Полицейская машина, освобождая дорогу грозным ревом сирены, помчалась под вспыхивающими витками реклам, исчезла в хаосе огней, газовых светов, в потоке автомобилей.

В тот вечер Крымова не отпускало состояние какой-то непоправимо совершающейся вокруг тупой бессмысленности, он пил больше обычного, молча слушал Гричмара и просидел в баре до трех часов ночи в тщетной надежде освободиться от того больного, тягостного, что не прекращалось за стенами бара, на ночных улицах Парижа.

«О чем я думаю! Протопоп Аввакум, пляс Пигаль, девицы в студенческих курточках, плачущий инвалид в коляске... И четыре тысячи, и неумолимо сжатый рот Молочкова? Какая связь? Где? Варианты и вариации. Так или приблизительно так было уже в Древнем Риме. И может быть, было всегда, всю историю? Нет, даже после войны такого крайнего ощущения безумия не было. Что делать? Куда движется все?»

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Он поймал левую машину и всю дорогу до дачи не мог избавиться от навязчиво повторяющейся липкой мысли: «Почему в зрачках у него было плоское торжество?»

Таня читала в гамаке, мотала ногой, раскачивая себя; поодаль, должно быть, опасаясь помешать ей, ходил по тропинке Анатолий Петрович Стишов, на солнце меж яблонь были хорошо заметны его светлый костюм, серебристая седина, нерушимая тщательность косого пробора, и едва Крымов открыл калитку, Стишов повернул навстречу торопливыми шагами.

— Приехал час назад, жду тебя, — заговорил он против обыкновения обеспокоенно. — Мне надо тебе кое-что сказать. Займу у тебя двадцать минут. Я сегодня был у следователя, который ведет дело...

— Минуту, Толя. Не будем спешить.

Крымов прервал его и, принимая обычный шутливо-иронический вид, подошел к Тане, а она, сияя темно-серыми глазами, соскочила с гамака, звучно чмокнула его в щеку.

— Привет, папа́.

— Здравствуй, коза-дереза, не скучала?

Она засмеялась.

— Дорогой родитель, мне приказано накормить тебя. Мама, как говорится, на пленэре. Будет ждать закат. А я ждала тебя. И не пошла на пляж, хотя жених и невеста меня усиленно приглашали. Докладываю, что сегодня чудесная окрошка. Где будешь обедать, на террасе или в саду?

«Вот оно, единственное, родственное, верное, что не предаст никогда...» — подумал он и ощутил, как толкнулись слезы в горле, испугавшие его неожиданностью.

— Что-то не хочется, милая Танюша, — сказал Крымов и поцеловал ее в макушку с новой нежностью к голосу дочери, с ее светлым, подстриженным под мальчика волосам, пахнущим солнцем. — Знаешь, я пообедал на студии. Потерплю до ужина. Если можно, принеси нам боржом или что там найдется в холодильнике ко мне в кабинет. Есть, капитан?

— Есть, командир, — отозвалась Таня с озорным согласием, вступая в принятую между ними игру, но сейчас же встревоженно спросила: — Сегодня не было «холодной войны»? Ты сегодня не очень устал, папа?

— Нет, — ответил он охотно, — не так чтоб уж очень и не очень чтоб уж так. А что, дочь?

— Дай мне руку, я быстро все узнаю по линиям на ладони. Хочешь познать себя? Я пробовала рассмотреть картину жизни у Анатолия Петровича, но там все как у черепахи на панцире. Путаница.

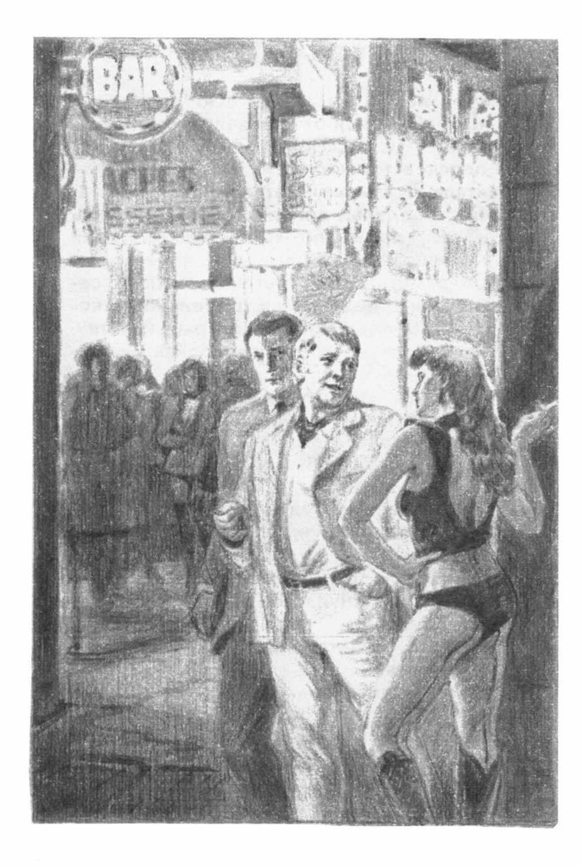
— Такова моя жизнь, Татьяна Вячеславовна, — сказал Стишов, элегантно поклонившись.

— Руку? Узнаешь картину жизни по линиям? Это интересно, — проговорил Крымов превесело. — Но, может быть, потом? Ну хорошо, ясновидец, узнавай.

Она взяла его руку, строго сосредоточилась, свела на переносице ровные брови, с минуту помолчала, посмотрела на свою розовую ла-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—12.

дошку, на его ладонь и, тряхнув волосами, заговорила таинственно:

— Ты добрый и я. Передалось в генах. Ты будешь жить семьдесят восемь лет. А я семьдесят пять.

— Танюша, не пугай.

— Ты слушай, пожалуйста, у тебя интересные линии. Жена тебя любит, а ты ее меньше, вот даже как. И дети совсем разные.

— Чепуха, а?

— А ты слушай и молчи. Женская половина в семье тебя любит. Но дети, я сказала, совсем разные, один в лес, другой по грибы. По грибы — это я. А вообще судьба у тебя счастливая. Вот и все. И вообще — все будет хорошо. Только всех дураков надо посадить на космический корабль и отправить на необитаемую планету.

— Это рационализаторское предложение, Танюша, надо учесть. Очень любопытно. А где ты ясновидению научилась? — спросил Крымов легкомысленным тоном продолжающейся игры, в то же время предчувствуя что-то серьезное, намеренное в действиях дочери.

— Сегодня утром на пляже,— ответила Таня небрежно.— Одна женщина умная научила. Кстати, твоя зрительница и почитательница. Она, между прочим, просила тебе передать: «Пусть Вячеслав Андреевич не обращает внимания на всех длинноухих лицемеров, которыми сейчас хоть пруд пруди». Передаю тебе. Это все-таки голос масс, учти. А я с ними, папа. Ох, как я ненавижу всех дурацких клеветников!

И Крымов, внезапно охваченный сладкой мукой отцовского чувства, терпкой догадкой, что она, его дочь, ведя прежнюю веселую роль, одновременно неумело, по-детски отрицала неладное, хотела ему помочь, глядел, не говоря ни слова, на ее поднятое, независимое, готовое к защите лицо и с судорогой в горле легонько и благодарно потрепал ее мягкие волосы на затылке.

— Спасибо, милая.

Она сказала дрожащими губами:

— Ты не веришь мне? Я колдунья и ясновидящая. Вот посмотришь.

— Спасибо, Танюша. Я верю, верю в твое ясновидение. Так ты принесешь нам чего-нибудь холодного? Ну что ж, пошли ко мне наверх.— Он кивнул терпеливо ждавшему Стишову, на ходу снял пиджак, освобождаясь от его тесноты, перекинул через руку.— Ты образованный человек, Толя, поэтому скажи мне, когда спадет жара?

— Я хотел бы тебя обрадовать, Вячеслав, но я не метеоролог и бессилен в данном вопросе.

— Как жаль, что мы бываем бессильны, бессильны.

Он был разбит, опустошен всем этим днем, и, как только поднялись в мансарду, непереборимое желание овладело им — вот сейчас упасть в кресло, наслаждаясь дуновением сквознячков (окна и дверь на балкон были настежь открыты), или лечь на обманчиво затененный листвой пол возле тахты, молчать, курить, смотреть в потолок на водянистое колебание солнечной сети и не думать ни о чем. Это было чувство тихого, притупленного беспокойства, и, чтобы заглушить подспудное глухое посасывание тоски, он швырнул пиджак на тахту (не хватало сил повесить его в шкаф), сказал: «А, ладно!» — отбросил крышку маленького бара, встроенного между книжными полками, налил в два фужера коньяку и вроде бы безмятежно взглянул на Стишова, со скрещенными на груди руками в задумчивости стоявшего у дверей мансарды.

— Что, спрашивается, стоишь, как Наполеон на Поклонной горе? Делегации не будет, ключей не вручат, никто побежденным себя не признает. В победе — половина поражения.

— В чьей победе?

— В ничьей. Победы нет ни у кого. Пока есть бог и дьявол,— сказал Крымов и протянул фужер с коньяком.— По-моему, Толя, каждый современный зашифрованный Наполеон даже спит еженощно, скрестив руки на груди. Тебя к узурпаторам не причисляю. Ты не способен держать власть. Но как ты думаешь, мой директор картины Молочков спит со скрещенными на груди руками?

— Я за рулем, и ты знаешь, что терпеть не могу алкоголя,— отказался Стишов и поставил фужер на полочку бара.— В жару и тебе не советую. Нагрузка на сердце.

— Невероятная дисциплинированность. Приветствую умеренность и сдержанность. Сократ был велик. Твое здоровье, Толя.

Он выпил, с облегчением крякнул и повалился в кресло, весь вытянулся, мечтая о долгожданном покое — вот так удобно и расслабленно полежать в кресле, погрузиться в тишину и плыть в успокаивающем забытьи бездумности. Но Стишов в ожидании стоял перед креслом, освещенный полным летним днем из сада, и этот раздробленный листвой свет, отражаясь в его голубых навыкате глазах, казался неярким, зимним.

— Толя,— сказал Крымов,— у тебя декабрь в глазах. Какова причина, дружище?

Стишов сердито вздернул плечи.

— Я поражен, Вячеслав, непонятной низостью людей, если уж говорить прямо.

— Чем-чем? Низостью?

— Именно, именно! Поражен их низостью, их жалкой робостью и, если хочешь, злой недобротой! Что случилось? Они недавно улыбались от счастья общения с тобой, объяснялись в любви, лезли лобызаться, плакали на твоих картинах!..

— Что и кого ты имеешь в виду?

— Не удивляйся, Вячеслав, и изволь послушать меня,— продолжал так же сердито Стишов.— Сегодня я наконец не выдержал студийных слухов, до изумления идиотских, и поехал в четыре часа на эту знаменитую Петровку, к твоему следователю Олегу Григорьевичу Токареву... Позвонил и поехал. И прости, знаю, что ты утром был там, но разговор у тебя не состоялся по каким-то причинам. Знаю все, как видишь. А дело вот в чем. Дело в том, что следователь, в общем-то человек без предвзятости, твой доброжелатель, добавлю к тому же, поставлен не в облегчающее положение, как он сам сказал...

— Объясни, что сие значит?

— Я зол и вообще целый день сегодня не в своей тарелке,— сказал Стишов и резковато махнул рукой, отчего золотисто взблеснула запонка на чистейшей накрахмаленной манжете.— Я приехал к нему раздраженный, с единственным вопросом: когда наконец почтенная Фемида кончит подозревать уважаемого человека в том, в чем он не виноват? Я был вне себя. И ты знаешь, что он мне ответил? Он сказал: «К сожалению, удивлен невнятной позицией студии и некоторых коллег, лишенных всякой личной позиции, готовых согласиться с любым предположением в случившейся ужасной трагедии. И «да», и «нет», и «возможно», и «невозможно». И «все может быть»... Да что это за ничтожества! Что за патентованные негодяи! — воскликнул Стишов и, расстегнув верхнюю пуговицу пиджака, заходил по кабинету.— Он не имел права называть фамилии и говорить подробности, но я, в общем, догадываюсь, кто эти лишенные позиции коллеги! Тебе не могут простить...

— Чего именно?

— Одни тебе не могут простить таланта, другие независимости!

— К дьяволу независимость! — не согласился Крымов.— Кто на земле из нас независим? Пожалуйста, не преувеличивай. Нет человека независимого. Даже те, кто управляет миром, зависимы.

— Я не преувеличиваю, Вячеслав, а преуменьшаю! — возразил Стишов страстно.— Хочешь пример? Изволь. Этот кретин Балабанов боится тебя, хотя тайно расположен к гадостям. Он знал, что ты его пошлешь к святым, а ему во что бы то ни стало надо было ублаготворить знаменитого американца, с которым возможна совместная постановка и приятная поездка в Америку. И он направил меня к тебе, чтобы я уговорил своего строптивого друга. Ты им нужен как витрина. Но тем не менее они от тебя с огорчением и рыданиями отделались бы. Легче жить с посредственностями. И представь — у следователя уже лежит анонимка, не имеющая никакого отношения к делу, а все же — крашеное яичко к христову дню. Тебя обвиняют в аполитичности при разговоре с Гричмаром, как сказал мне следователь. А так как на встрече присутствовали двое — твой директор Молочков и я,— то анонимку написал один из двоих...

— Не совсем так,— усмехнулся Крымов.— Нас было четверо. Поэтому донос мог написать и я, опомнившись, отрезвев и раскаявшись, или Гричмар, чуточку хватив в баре аэропорта, перед отлетом позаботившись о моей нравственности и заблудшей душе.

— У тебя еще хватает сил иронизировать, Вячеслав,— выговорил Стишов, и его тонкое стоическое лицо римского патриция побледнело, стало печальным.— Да, Вячеслав, на старости лет я не в первый раз прихожу к прискорбному выводу. Можно ли за дверью своего дома оставаться самим собою? Вряд ли, Вячеслав, вряд ли. Нельзя сохранить невинность. Угождай расхожим вкусам, улыбайся бездарным критикам — и ты мил всем, талантище, молодец, чуть-чуть не дотянул до великого! А я брезгую, боюсь взбешенных лисиц и глупцов... Ах, разве не мерзость! — воскликнул Стишов, подходя к бару, и было смешно и грустно видеть, как он, высокий, благородно седой, моложаво изящный холостяк, взял не без брезгливости двумя пальцами фужер с коньяком, понюхал его, водя из стороны в сторону носом (так нюхают нечто грубое, малоароматичное), сказал с язвительным сожалением: — Если бы я умел, то напился бы, как в субботу наш слесарь-водопроводчик из домоуправления, и тогда было бы восхитительно материться и смотреть на белый свет!

— Ты не умеешь, Толя, ни того, ни другого,— сказал Крымов.— Не твое амплуа. Пить в меру и ругаться не в меру могу я. Как бывший полковой разведчик. Тебе не к лицу. Никто не поймет. Ты в другой традиции. В дворянской. Голубых кровей.

— Поймут! — возразил разгоряченно Стишов и так стукнул фужером о подставку бара, что выплеснулся коньяк.— Поймут! — повторил он и слегка сконфуженно вытер ладони аккуратно свернутым носовым платком.— Надо тебе пойти, куда надо, Вячеслав, и разорвать паутину нечестивых пауков! Иначе она задушить может!..

— Куда пойти? Жаловаться на кого? Сетовать на коллег по работе? Я не знаю, с кем разговаривал следователь. На Балабанова? В десятки раз у него больше так называемых аргументов, чем у меня: молодая актриса погибла при неизвестных обстоятельствах, поэтому ведется следствие, а сам режиссер Крымов — человек довольно избалованный, испорченный славой,— возомнил, что ему дозволено все. К тому же жаловаться — признак слабости, Толя.

— Ах, что ты там натворил с Балабановым? — застонал Стишов и схватился за голову.— Вся студия о небывалом скандале говорит! И действительно в его кабинете сидел ортодокс Пескарев, чиновник с фрейдовскими комплексами? Представляю, как он доложит начальству, какими сочными разрисует красками! И ты что — в самом деле хотел отвесить пощечину Балабанову? Какие у тебя ветхозаветные кава-

лергардские манеры! На худой конец, лучше уж было бы бросить перчатку.

«Значит, было. Неужели было?»

— Нету их нонеча, белых перчаток-то кавалергардских. А случись такое лет тридцать назад, с превеликим удовольствием прикоснулся бы к его нежному личику без размышлений. Жаль, давно растерял солдатскую прыткость. Значит, скандал? Прекрасно! А мне казалось — все произошло в моем трусливом воображении.

— Ты самоубийца, Вячеслав, чудовище и драчливый мальчишка! Ты с завязанными глазами ищешь край пропасти!

— Опять не вполне так, Толя. Ну вообрази: я пришел к высочайшему кинематографическому начальству. Толстощекий наш отец бежит по кабинету навстречу, весь нетерпение, весь излучение восторга: «А-а, вы ко мне, какой гость, какой гость, не часто вы меня балуете!» Радостное трясение руки, чуть ли не сладостное лобызание, чай с сушками, счастливое блистание глаз, чуткие расспросы, обещания: «Конечно, конечно, все утрясем! Если не помогать талантам, зачем нам здесь, чиновникам, сидеть?» И — ни чер-та! Пальцем не пошевелит. Такова современная форма выживания. Все проверено, Толя.

— Повторяю: ты задира и самоубийца! Ты как будто нарочно хочешь своей гибели!.. Я умоляю тебя! Смирись! Я прошу тебя! Я умоляю! — вскричал вдруг Стишов и просительно сложил руки на груди.— Ты хочешь безвинно пострадать?

— С чем смириться?

— Не вступай ни с кем в конфликты, Вячеслав, я прошу тебя.

— Представь, что многое от меня не зависит, Толя.

На лестнице в мансарду послышались взбегающие шаги, и, спросив на пороге: «Папа, можно?» — вошла в кабинет Таня, с лукавым подозрением тряхнула волосами в сторону Крымова, затем Стишова, поставила на откинутую подставку бара графин, заискрившийся розоватой жидкостью, сказала:

— Я вижу, у вас секреты. Папа, это сок моего производства. Размятая малина в колодезной воде. Потрясающе! Нужно пить и мечтать о чем-нибудь. Я сейчас налью.

Она щедро, до краев наполнила чистые фужеры, подала сок обоим и, босая, на цыпочках сделала шутливый реверанс:

— Если я не нужна, то я пошла на пляж поиграть в волейбол и покупаться. Возражений существенных, папа, нет? Обед на кухне.

Она поцеловала отца в висок и вышла, легко ступая загорелыми ногами, а он еще чувствовал прикосновение ее детских губ, как прохладу ветерка, родной плоти, и не сразу расслышал голос Стишова, поперхнувшегося глотком ледяного сока:

— Ты абсолютно невиновен, а кому-то надо замутить чистую воду: а может быть, Крымов и виновен!

— Наверное, виновен, Толя, наверное.

— О чем ты говоришь, безумец!

— Слезинка ребенка... помнишь? Поэтому мы все виноваты. За слезинку ребенка, без вины пролитую. Мы все, кто еще способен чувствовать. Иначе никто ничего не стоит.

— При чем здесь Федор Михайлович, скажи на милость? Я замечаю, в тебе сентиментальность появилась!

— Поверь, Толя, нам не хватает парковых скамеек, чтобы подумать об изруганной практицистами сентиментальности.

Они оба, знавшие друг друга не первый год и понимавшие друг друга с полуслова, сейчас видели — или хотели видеть — одно и то же в разных плоскостях, может быть, потому, что в преизбытке встревоженный Стишов как бы изменил своей привычной манере на редкость воспитанного человека распространять вокруг себя уют приятного общения, что порой так нужно было Крымову, как покойная гавань после бурного плавания на съемках. Стишов не мстил судьбе за много лет, прожитых без семьи (он развелся с женой в молодости), без детей, с единственной прочной привязанностью к матери, женщине мудрой, всю жизнь посвятившей сыну и, к сожалению, умершей лет десять назад. Всегда безупречно выбритый, подчеркнуто опрятный, причесанный (седые волосы отливали серебристым глянцем), он даже дома, в кабинете, среди сплошных стеллажей, забитых книгами, был безукоризненно элегантным, нося модные, молодящие его сорочки. И, по мнению Крымова, эти его сорочки, галстуки, светлого тона приталенные пиджаки, стройно подтягивающие его высокую, спортивную фигуру, и узкие отглаженные брюки были явным выражением его упорного желания держаться в нужной форме, неустанно и последовательно бороться с серьезно наступающим возрастом. Любя полуостроту более, чем остроту, он сторонился резкостей, не мог, как ни чудаковато это выглядело, убить и комара на своей руке (он предупредительно смахивал его носовым платком, убежденный во всеобщей мировой связи всех живых существ), но Крымова подчас крайне изумляло другое: непоколебимая преданность Стишова кинематографу, стоическая верность искусству, которое он ставил выше жизни.

— При чем здесь Федор Михайлович? — повторил Стишов с недоумением, отвергая в несогласии и любимого Достоевского.— Слезинка — архаизм. Реально — слезы. А уж если так, то я хочу тебе сказать другое. Где современные боги? Где кумиры и гении, которым хотелось бы подражать? Нет серьезных школ, никто не хочет авторитетов в искусстве, ибо всякий считает себя первым. Писать, как Толстой? Старо. Как Репин? Скучновато, консервативно. Снимать, как Эйзенштейн? Надоел старик. Вот поэтому раздерганность, куча мала, пиршество многих, не достойных входить в сад искусства, которые усиленно сочиняют сценарии, шустро снимают и без конца возятся, завидуют, толкаются в теплом безветрии. И все же есть у нас некоторое количество людей, в том числе и один мой друг, которые могут украсить любой кинематограф мира, но...

Стишов пригубил фужер и, словно обжигаясь, допил холодный сок, белая холеная рука его дрожала (этого не замечал раньше Крымов), и дрожала золотистая запонка на белоснежной манжете.

— Почему люди поклоняются талантам и хотят унизить их одновременно? И этот трагический несчастный случай, в котором что-то ищут... и в чем-то подозревают тебя. В чем? Слезинка, слезы... Уму непостижимо! Жуткое дело. Умоляю тебя, не вздумай говорить о какой-то мифической своей вине следователю, запутаешь все и не будешь ни на секунду понят. Ты как-то упрекал меня в том, что я считаю искусство параллельной жизнью, выше реальности. Но ты-то, ты, бывший командир взвода разведки, вся грудь в орденах, ты-то, суровый реалист, не окажись современным донкихотом... рыцарем печального образа от вселенского чувства!

Крымов помолчал, вдавился затылком в теплую обшивку кресла.

— На страшном суде,— сказал он в раздумье и лукаво подмигнул,— человечество в свое оправдание представит эту великую книгу. Нам всем не хватает и донкихотства. Понимаешь? Снова Федор Михайлович...

Он закрыл глаза, и опять внезапная судорога сладким удушьем прошла по его горлу, как давеча при встрече с Таней, и, с трудом пересиливая себя, страшась этих приступов недомогания, он повторил шепотом:

— Понимаешь ли ты меня, Толя?

— Снова Достоевский, милый дружище? Но ты сильный человек, сильнее меня в тысячу раз...

— Это не Достоевский. Это наша жизнь.

Стишов в замешательстве притронулся ледяными пальцами к руке Крымова, спросил неуверенно:

— Что с тобой, Вячеслав? Ты стал какой-то... неземной... недосягаемый для меня. Я действительно перестаю, что ли, понимать. Разве мы можем взять на себя все несовершенство мира?

— Несовершенство мира... Я не о том,— глухо проговорил Крымов с закрытыми глазами и стиснул зубы.— У меня сердце разрывается,— сказал он хрипло,— как вспомню холодок ее мокрых волос на щеке, когда вез ее в больницу. И что ужасно — машину трясло, и ее голова сползала мне на грудь, как будто просила о спасении... И ты знаешь, какая мелькала у меня тогда страшная мысль? Что я везу свою Таню и что это конец моей жизни. Можно было сойти с ума. Поверь, у нас ничего не было. И не могло быть. Да нет, это какое-то другое чувство, выше, чем жалость.

— Поясни, пожалуйста,— попросил Стишов.

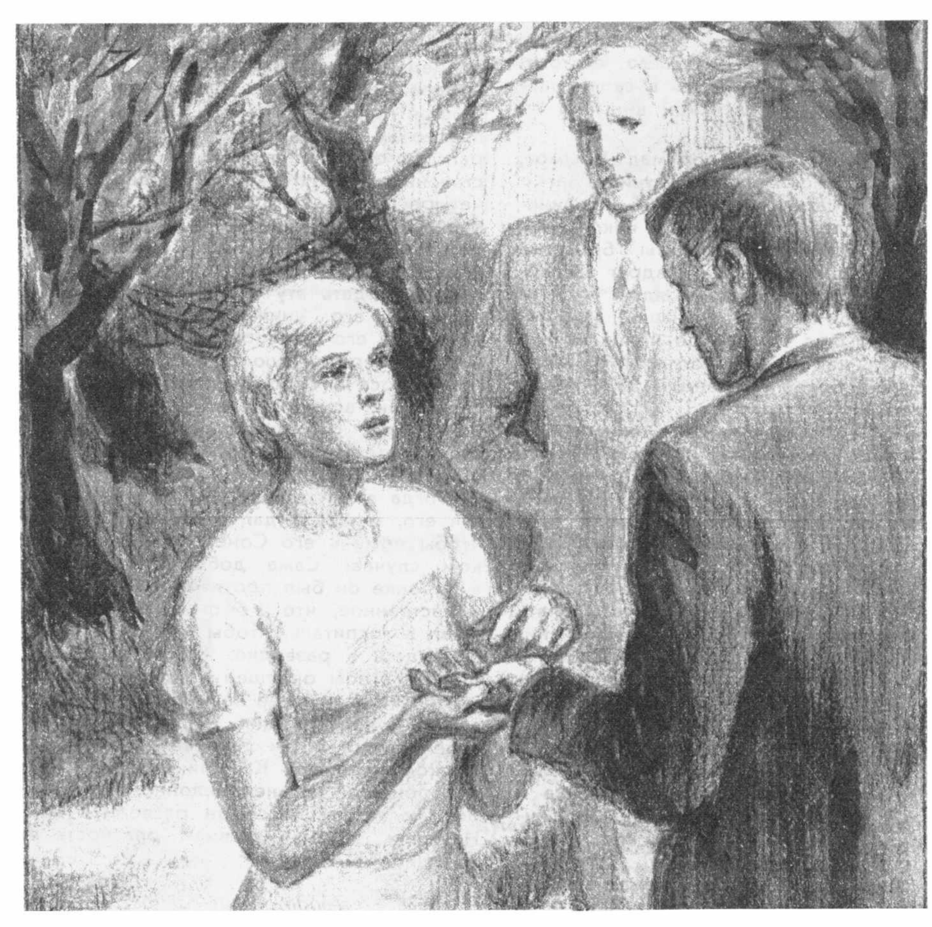
— Прости за некоторую цветистость и пошловатость, других слов сейчас не найду. Такие, как Ирина, талантливы, как талантлив цветок, но они слабы, беспомощны, их ломает ветер...

— И тебе хотелось помочь?

— Я не смог. Боюсь, Толя, что произошел не несчастный случай.

— Что ты хочешь сказать?

— Ничего не хочу. Что-то сил нет, Толя. Был какой-то сумасшедший день сегодня... Впрочем, как все последние дни.— Он попытался

улыбнуться глазами.— Пей сок, приготовленный Таней, а я выпью коньяку. Это посущественней. Лень вставать. Налей мне.

— Не много ли ты в последнее время? Как я заметил, ты не отставал и от известного в этом смысле Гричмара,— упрекнул Стишов и, наливая коньяк, задержал руку, беспокойно взглянул на Крымова, кивнувшего с понимающе-ироническим согласием.

— А бог его знает, Толя, пью и не пьянею. Удивляюсь сам. Это от «пере». От перенапряжения, от переутомления. И от прочей перечепухи. У меня почти не было перерыва между картинами, не отдыхал, сплю скверно. Выспаться бы, как медведю, суток трое, и все пришло бы в порядок.

И, будто забыв про коньяк, он в изнеможении усталости вытянулся, полулежа в кресле, скрестил руки на груди, сказал шепотом:

— Ты уж не сетуй на меня, смертельно хочу спать. Представляешь, как спал Наполеон после каждой выигранной битвы? А если он их проигрывал? Что ж, тем более...

— Для чего ты играешь передо мной расчудесное самосозерцание стороннего летописца? Пусть ты не любишь ныть, но я тебе не чужой...— проговорил с сердитой обидой Стишов и нервно заходил по кабинету, по рассохшимся, попискивающим половицам.— О русская интеллигенция со своей вечной виной перед всем миром!

— Ну, это слишком глобально, Толя.

— Именно глобально, чересчур! Я старше тебя на десять лет, прожил жизнь и в буче боевой, кипучей повидал все,— заговорил Стишов.— Поэтому позволю себе действовать самостоятельно до тех пор, пока тебя не оставят в покое. Я не только твой друг, но и твой зритель. Считай — поклонник.

Крымов сказал полусерьезно:

— Спасибо, Толя. Здесь ты вряд ли сможешь чем помочь. Все будет зависеть от меня. Кроме того, я оптимист и надеюсь, что со временем встречусь со всеми оппонентами в царстве теней и поговорю по душам, если здесь не удастся.

— Разумеется. Особенно если ты будешь искать по образцу русской интеллигенции вину в себе и заявишь о ней следователю и всей студии под бурные аплодисменты умилившихся признанию.

— Вот видишь, как ты сердито начал шутить, а упрекал меня. Каково?

— Я не шучу, Вячеслав. Я просто зол. Понимаешь ли ты, что тебя могут замотать и выжать, как лимон? Все эти шутки с юриспруденцией дорого стоят. Прими седуксен и выспись, мой друг. Я позвоню вечером или завтра утром. Выспись, выспись, ради всего святого! Надеюсь, тридцать лет назад ты в своей разведке не чувствовал вселенской вины? Я не прощаюсь!

«Таким я его не знал,— подумал Крымов, слушая быстрые шаги вниз по лестнице, затем скрип песка на садовой дорожке.— Рафинированный интеллигент, аккуратист, никогда не влезающий ни в какие конфликты, брезгующий неосторожным словом,— и вдруг заговорил с каким-то непривычным ядом и гневом — неужели он так предан нашей дружбе? Почему же я был с ним не до конца искренен и ерничал, как самый последний идиот? Есть ли у меня более преданный друг среди моих коллег?»

Он услышал в раскрытые окна оживленные голоса из сада, стук калитки и нехотя встал, вышел на балкон, окруженный светоносным воздухом погожего дня, разогретой зеленью, медовым жаром текущего снизу запаха цветов, особенно разомлевших в томительные послеобеденные часы, и, на миг ощутив всю прелесть лета, подумал растроганно: «Да, да, прекрасна жизнь! Кто заставляет нас делать ее суетной, ничтожной?» И тотчас увидел внизу, за калиткой, Стишова возле стоявшей у обочины машины и рядом нелепо рослого Валентина, голого до пояса, в клетчатой каскетке, и его невесту Людмилу, тоненькую тростинку, в огромных противосолнечных очках, с распущенными по плечам кофейными волосами. Они, видно, возвращались с пляжа и встретили Стишова. Он что-то сказал Людмиле, выказывая светскую учтивость, поцеловал ей руку, и она вошла в калитку, покачивая узенькими бедрами, кокетливо помахивая панамой, как веером. Мужчины остались одни за калиткой. Стишов взял под локоть Валентина, повел его по дороге, и хотя Крымов не мог услышать, о чем они говорили, он тайно подосадовал: «Как неприятно предполагать, что разговор идет о тебе».

И он вернулся в кабинет, принуждая себя думать о невесте сына, которая не очень стеснительно вживалась в их семью, вызывая страх у Ольги, считавшей, что девочка из ателье не пара Валентину по многим причинам.

«А может быть, иногда ошибка является спасением и благом, а благо ошибкой? Все мы одиноки и слепы в своих ошибках. Благо, благо... Белые лебеди в голубых озерах, нежные лотосы и ангельски белые одежды, как в буддийском раю? Я не верю в райское блаженство... Тогда во что я верю? В то, что вне искусства нет для меня места в мире. Это единственное. Знаю, что истинное приподнято над жизнью вместе с ощущением присутствия смерти... но я еще никогда не достигал этого в той мере, как хотел. Я знаю: изменились человеческие чувства. Не предал ли человек самого себя? Это я хочу понять».

Он усмехнулся, взглядывая на книжные полки, отыскивая глазами тома Льва Толстого, где стояли и его любимые дневники (его евангелие в ночи бессонницы), где каждая фраза, как горькой солью, была пропитана самобичеванием, презрением к собственной слабости, где душевные муки великого человека подчас были связаны с мелочами быта, которые приносили ему не меньше страдания, чем события глобальные. Но это был он, Толстой, с его одержимостью, раскаянием, идеями опрощения, любви, братства, тем, что после войны хотелось понять Крымову, но что было выше сил понять, отчего неудержимо и безжалостно во всем мире начало таять, утрачиваться нечто существенное, важное, оставляя лишь слова, как памятники былой искренности и доброты.

«Если я хочу верить в искусство, то, значит, и в доброту, иначе есть ли смысл жить? — внушал он себе с душным чувством бессилия.— Кто же они, мои так называемые оппоненты, мои соотечественники, мои братья, значит, мои единомышленники? Боязнь страуса пристально посмотреть вокруг и на себя в зеркало. Боязнь правды... А дальше, дальше что?»

И, повторяя вслух «а дальше что?», Крымов подошел к письменному столу, за который уже давно не работал, заваленному папками, письмами, еще не раскрытыми журналами, от этого беспорядка сиротливо запущенному, выдвинул нижний ящик и достал оттуда конверт с деньгами (они держались дома для непредвиденных расходов). Это была часть гонорара за последнюю картину, и он пересчитал деньги: полторы тысячи. «О как жаль, как жаль, просто не повезло...» Он бросил купюры обратно в стол, не сомневаясь, что если бы по стечению обстоятельств в конверте оказалось четыре тысячи, то отдал бы их завтра Молочкову с условием, что у Гулина тем не менее развязаны руки для любых писем. И Крымов удивился тому, что хотелось сделать немедленно — отдать эту мистическую дань Молочкову за его униженность, рабскую льстивость, за его цепкость в жизни — цепкость, ниточкой протянутую от воронки на нейтральной полосе в сорок четвертом году до той случайной встречи у автоматов с газированной водой, счастливой встречи, вытащившей его к естественной жизни, к деятельной, но больной Соне, любимой им до преклонения.

«Тогда я выстрелил ему в руку, чтобы спасти его, теперь я дал бы ему четыре тысячи, чтобы помочь его Соне... Так кто же я в таком случае? Сама добродетель? Нет, тогда в воронке он был противен мне, но это было единственное, что я мог сделать, чтобы он ушел в госпиталь, чтобы больше его никогда не видеть в разведке. А сейчас? Дать ему деньги, чтобы он ушел из съемочной группы и чтобы его никогда не видеть?.. Что-то вроде взятки и компенсации. Но почему трижды в своей жизни я так серьезно думаю об этом жалком человеке? Как унизительно рыдал он в воронке и как непреклонно был сжат его рот, когда на шоссе он развернул машину! Неужели в нем — главная опасность всему? Смешно, конечно...»

Продолжение следует.

В КОРПУНКТ ПРИШЛО ПИСЬМО

Дорогие читатели!

В огоньковской почте последнего времени много писем, начинающихся словами: «Огромная благодарность за искреннюю заботу и поддержку, в которой порой нуждаемся мы, ветераны войны...» «Очень правильно делает журнал, что публикует подборки ответов местных руководителей на наши жалобы в рубрике «Письмо не напечатано. Меры приняты...» «Любимой стала рубрика «Читатель — журнал — читатель». Она помогает выйти на ваши страницы небольшим читательским сообщениям об интересных людях, примечательных событиях, проблемах небольших городов и поселков...».

Редакция очень рада во всем помогать вам, нашим читателям, выслушивать советы, предложения, пожелания, публиковать остропроблемные письма, рассказы о людях и свершениях наших дней. И здесь вы всегда найдете поддержку собственных корреспондентов «Огонька».

Готовясь открыть новую рубрику, «В корпункт пришло письмо», мы приглашаем читателей обращаться к нашим собкорам непосредственно на местах по следующим адресам:

Калиничев Станислав Сергеевич — г. Киев, 252053, ул. Артема, д. 9, кв. 7;

Костыря Вячеслав Афанасьевич — г. Ташкент, 700143, селение Луначарское, ул. Луначарского, д. 282;

Кузнецов Владимир Афанасьевич — г. Хабаровск, 680063, ул. П. Комарова, д. 2, кв. 29;

Лушин Юрий Васильевич — г. Алма-Ата, 480013, ул. К. Байсеитовой, д. 49, кв. 32;

Месхи Ия Семеновна — г. Тбилиси, 380060, ул. Кутузова-Сабурталинская, кор. 1, кв. 42;

Петриченко Олег Тимофеевич — г. Ленинград, 196236, ул. Варшавская, д. 37, кор. 1, кв. 352;

Храброва Нина Сергеевна — г. Таллин, 200001, ул. Сакала, д. 12, кв. 5;

Щербаков Александр Данилович — г. Минск, 220113, ул. Я. Коласа, д. 67, кв. 3;

Щукин Михаил Николаевич — г. Новосибирск, 630004, Вокзальная магистраль, д. 11, кв. 185;

Шерипов Супьянбек Амалатбекович — г. Грозный, пр. Революции, д. 15, кв. 9.

В. А. Тяк. Фото Б. Кузьмина

ОБРАЗ ЖИВОГО

По твердому насту в сумерках зимнего леса измученный лось пытается уйти от волчьей стаи. Вот-вот завершится еще одна лесная драма... Но нет: застыли фигуры, снег висит в воздухе, злобные зубы никогда не коснутся шеи лося... Созданная искусными руками диорама постоянно привлекает внимание посетителей Костромского историко-архитектурного музея-заповедника, где в уютных залах «прописалась» почти вся природа области.

Рената Алексеевна Попова, заведующая отделом природы, с любовью и знанием дела представляет экспозицию:

— Во многом мы ориентируемся на школьников. Разрабатываем темы в соответствии с учебной программой, стараемся привлечь, заинтересовать ребят, привить им любовь к родным местам.

Здесь юные костромичи могут познакомиться с растительным и животным миром своего края, увидеть птиц и зверей, деревья и травы, занесенные в «Красную книгу», узнать много интересного о новоселах костромских лесов — оленях.

Особая гордость музея — превосходно выполненные чучела животных, полные движения диорамы, рисунки. И стар и млад подолгу останавливается, рассматривая сценки из чащобного быта. Большая заслуга в создании такой естественной атмосферы принадлежит таксидермисту музея Владимиру Андреевичу Тяку.

Он охотник с детства. Маленьким мальчиком брал его в лес дядя — профессиональный охотник. За тридцать лет работы таксидермистом В. А. Тяк в совершенстве овладел этим мастерством. Оказалось, что для создания «живого» образа зверя или птицы необходимо много знать: их повадки, привычные места обитания, навыки, причем в различное время года. И, конечно, необходимо беззаветно любить родную природу. Иначе никак не создать такое произведение прикладного искусства (думаю, что чучела животных и птиц работы Владимира Андреевича достойны этого определения), которое бы заинтересовало людей, далеких от природы, и побудило бы их защищать все живое.

И. МИХЕЕВА

БЕЗМОЛВНЫЙ ТАНЕЦ БЕРЕЗ

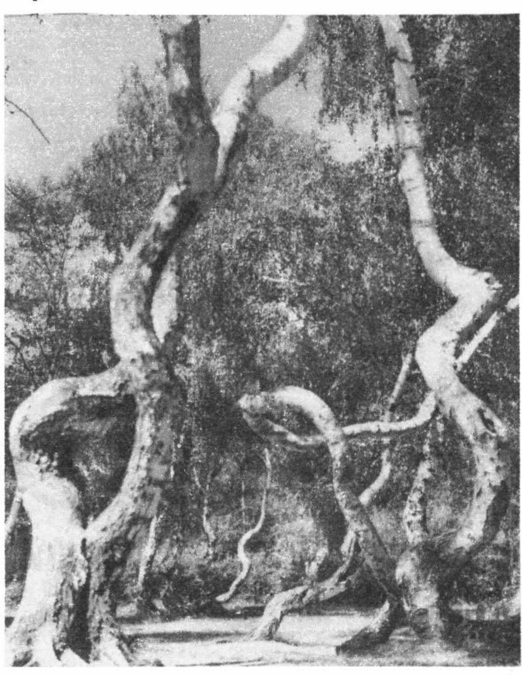
Едва я вошел в березовый лес, смутное беспокойство охватило меня. Будто выкрученные по чьей-то злой воле, извивались стволы. Деревья походили на гигантских одеревеневших змей, зачарованных едва уловимой музыкой волшебника-заклинателя. Подумалось: отчего они стали такими? Какие невзгоды выпали на их долю?..

Чем дольше я смотрел на странные деревья, тем яснее открывался смысл их танца. Он был высок и трагичен, в нем была жажда жизни. Я представил себе, как десятки лет на тонкие, неокрепшие березовые прутики обрушивались стихии. Как гнул их к земле ветер, как тяжко давил тяжелый снег, как черно-белые веточки долго не могли выпрямиться после зимней спячки... И так год за годом. Но весна заставляла тянуться вверх, и, извиваясь стволами, березы упрямо цеплялись за жизнь, чтобы люди потом назвали их танцующими.

Так ли это было? Не знаю. Безмолвен танец берез.

Ю. ЛУШИН, фото автора

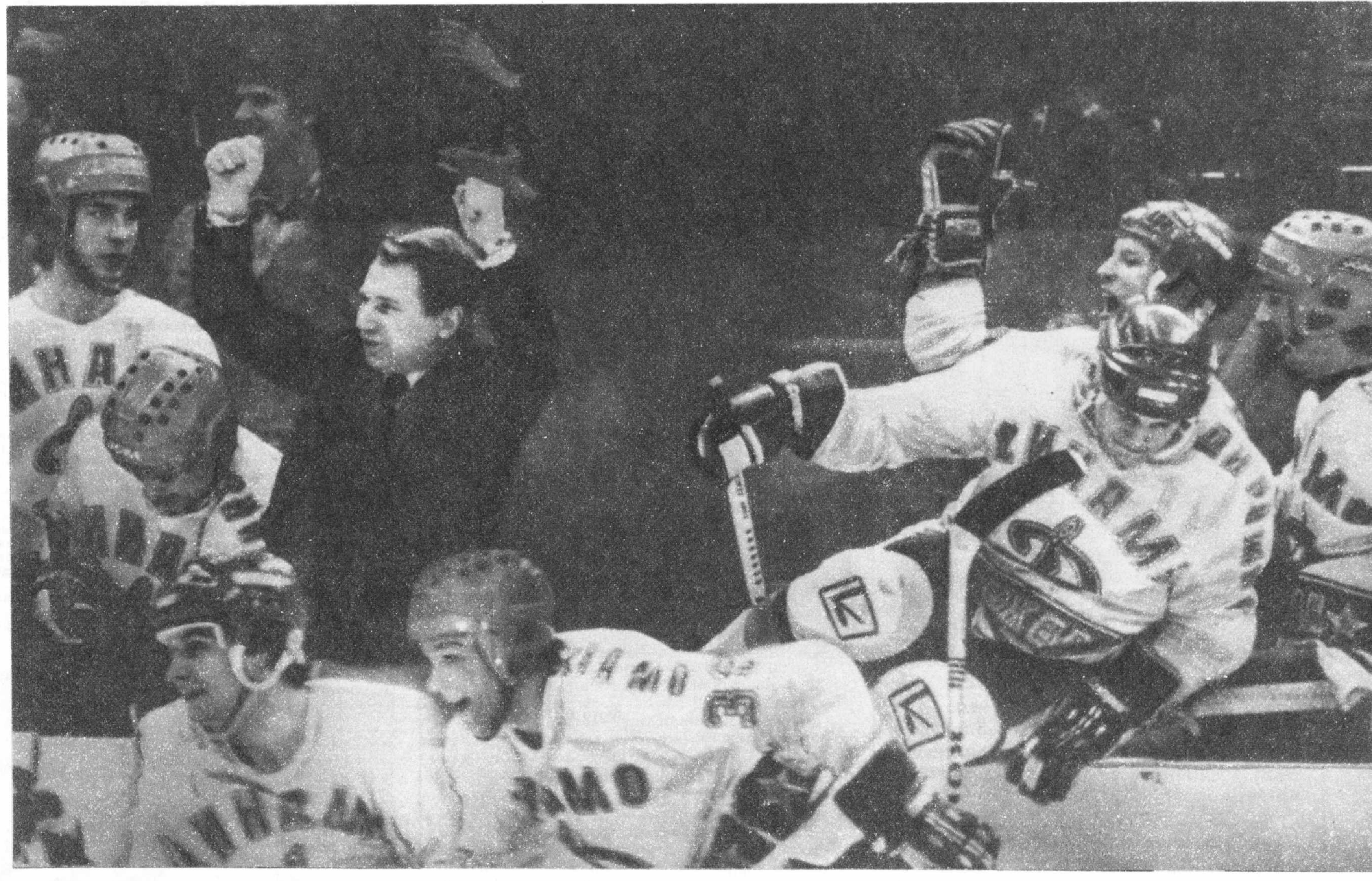
Кокчетавская обл., Боровое.

Гость редакции

В журнале «Огонек» побывала главный редактор издательств «Ойленшпигель Ферлаг» и «Дас нойе Берлин» (ГДР) Зиглинде Йорн. Она ознакомилась с работой редакции, планами на будущее, рассказала о деятельности возглавляемых ею коллективов. Были обсуждены вопросы творческого сотрудничества между «Огоньком» и берлинскими издательствами.

Юрий Моисеев и его команда.

ВТОРОЕ ЗНАКОМСТВО

Вл. ДВОРЦОВ

Фото А. БОЧИНИНА

На наших глазах с поистине хоккейной быстротой сменяются поколения на ледяном поле. Один за другим исчезают из прославленных команд те, кто, казалось, навсегда обеспечил себе место в тренерских заявках. Разве могли мы себе представить, что место Третьяка займет в воротах ЦСКА кто-то другой? Что не увидим в составе динамовской команды Мальцева? А как нелегко было примириться с исчезновением лучшей армейской тройки — Харламова, Петрова, Михайлова или с уходом из спартаковской команды Старшинова и братьев Майоровых!

Не перечислить всех имен из когорты славных, которых неумолимое время вывело из игры и продолжает выводить. К ним принадлежал и армейский нападающий Юрий Моисеев. Уже давно передал он свою клюшку молодому игроку, а мы до сих пор не забыли словно раскаленного нимба его шевелюры (тогда еще команды играли без шлемов), да и весь он был раскален игрой, весь принадлежал ей.

И вот снова перед нами на первом плане Юрий Моисеев. И что из того, что теперь его место по другую сторону барьера, что теперь он занимает позицию не нападающего, а тренера, от перемены этих мест сумма черт, определяющая характер хоккейного бойца Моисеева, не изменяется.

...Весной 1983 года разрыв между ЦСКА и серебряным призером «Спартаком» составил 12 очков, на следующий год он увеличился более чем вдвое. Что же будет дальше? Неужели монополия единственного клуба установилась навсегда? Ход нынешнего, всесоюзного первенства развеял эти опасения. Лидером чемпионата стала команда московского «Динамо».

Что же случилось с динамовцами? Команда в нынешнем сезоне играет почти в том же составе, что и год назад, добавились лишь нападающий Зубрильчев (из клуба первой лиги харьковского «Динамо» — дочерней команды москвичей), форвард Попугаев, приглашенный из «Ижстали», да защитник Попихин, на некоторое время уезжавший на подмогу рижским одноклубникам. Зато по качеству игра динамовцев неузнаваема, а по психологическому настрою это вообще совершенно иной коллектив!

Связаны столь чудесные изменения в первую очередь с деятельностью Юрия Ивановича Моисеева, ранее много лет ассистировавшего наставнику ЦСКА В. Тихонову.

Как Моисеев оказался в «Динамо»? В 1977 году В. Тихонов, ранее трудившийся вторым тренером в московском «Динамо» под руководством А. Чернышева, а затем возглавивший команду рижан, был откомандирован в ЦСКА. Долг, как известно, платежом красен, и прошлым летом армейцы передали динамовцам своего второго тренера.

Юрию Моисееву нелегко было прощаться с командой ЦСКА, но уж очень соблазнительно испытать свои силы.

— Расстался я с армейцами дружески,— рассказывал мне Юрий Моисеев,— но я не скрывал, что приложу все силы, чтобы динамовцы составили достойную им конкуренцию.

С Моисеевым мы знакомы почти четверть века, с тех пор как невысокий, шустрый, с неизменной улыбкой крайний форвард появился в ЦСКА в сезоне 1962—1963 годов. Начинал играть в хоккей Юрий Моисеев в Пензе 12-летним школьником в «Спартаке», куда его привел, как это часто бывает, старший брат. Моисеев выступал за пензенский «Труд», потом его пригласили в новокузнецкий «Металлург». И вот что интересно: Пенза вырастила не одного Моисеева, и новый тренер московского «Динамо» встречает сейчас в «Динамо» и в других командах высшей лиги целую плеяду своих земляков: братьев Голиковых, Первухина, Светлова, Яшина, Кожевникова, А. и Л. Герасимовых, Шундрова.

Более четырехсот матчей сыграл Моисеев в ЦСКА и забросил около двухсот шайб. В его «копилке» золотые медали Олимпиады, чемпионатов мира и Европы, восемь высших наград первенства СССР. Когда пришло время расставаться с большим спортом, Моисеев пошел трудиться тренером в детско-юношескую школу армейцев и, только проработав здесь два сезона и убедившись, что тренерское дело ему по плечу, возглавил команду мастеров спортивного клуба армии в Куйбышеве.

Работать на периферии и быть замеченным в столице — это непросто. Но Моисеев был замечен и стал ассистентом старшего тренера ЦСКА К. Локтева. Так Моисеев вернулся в Москву не форвар-

дом-спортсменом, а тренером и, плодотворно сотрудничая с В. Тихоновым, нашел подход к таким корифеям игры и отнюдь не паймальчикам, как Петров и Третьяк, Михайлов и Харламов, Фетисов и Макаров. В олимпийском году, когда Тихонов много времени должен был уделять сборной страны, он много работал, примеривался к роли «старшего», и это в «Динамо» ему очень пригодилось.

Динамовцы — постоянные призеры чемпионатов СССР, однако побеждали в первенствах страны всего два раза и очень давно — в первом чемпионате в 1947 году, а во второй и в последний раз в 1954 году. Так что цель, которую поставил перед собой и перед игроками новый тренер, была очень непростая.

— Правомерно ли было сразу нацеливать динамовцев на «золото», может быть, следовало подниматься по ступенькам? — спросил я Ю. Моисеева.

— Да, правомерно,— ответил тренер без секунды промедления, подчеркивая этим, что вопрос решен им раз и навсегда.— Мне надо было сразу поставить перед динамовцами задачу добиваться абсолютного успеха в первенстве страны. Такой нацеленности им никогда не хватало.

И вот с приходом нового старшего тренера совершенно изменился климат, в команде появилась на тренировках та игровая страсть, которая была в новинку динамовцам. Не собираюсь рассказывать обо всех тренировочных таинствах динамовцев, однако об одном упомяну. Небольшое пространство ледовой площадки ограничено уложенным на лед водопроводным шлангом, и внутри этого «пятачка» динамовцы в полнейшей тесноте, в обстановке, максимально приближенной к игровой, азартно соревнуются в обводке. Эффективности атак Моисеев придает особое значение. Даже самой лучшей обороной, справедливо считает он, матча не выиграть. Но, чтобы удачно атаковать, нужно иметь... хороших защитников. Организации игры в защите уделено много внимания. Мышкин, Билялетдинов, Первухин и их товарищи ныне защищаются и самоотверженно, и грамотно.

О самоотверженности Моисеев часто говорит с хоккеистами. Без нее нынче никак нельзя. В «Динамо» летом и осенью подготовке к жесткой, контактной игре уделялось особое внимание.

Динамовцы начали нынешний чемпионат с трех побед (прошлой осенью они на старте потерпели подряд четыре поражения). Уже в первых играх динамовцы так стремительно перемещались по льду, что трудно было уследить за ними. В свое время вот так же перемещался их старший тренер, и создавалось впечатление, что на площадке сразу пять Моисеевых.

Соперники динамовцев не успевают разобраться в мгновенно возникающих угрозах, как оказываются на лопатках. Динамовцы победили «Химик», «Крылья Советов», рижских одноклубников. А когда четвертый матч в Ленинграде динамовцы проиграли, Моисеев проигрыш использовал для тщательного анализа недостатков, и это помогло команде одержать серию побед, в том числе и над ЦСКА.

Матч первого круга армейцы проводили не только без Третьяка, но и в отсутствие нескольких ведущих игроков: Фетисова, Быкова, Герасимова. Тем не менее чемпионы повели в счете. Однако тренер динамовцев сумел снять волнение команды, и динамовцы не только отыграли две шайбы, но вышли вперед и победы не упустили.

Выиграть у армейцев во встрече второго круга, с одной стороны, было легче — такого волнения на скамейке бело-голубых, как в октябре, уже не чувствовалось, но с другой — гораздо сложнее: хоккеисты ЦСКА проигрывать два раза подряд одной и той же команде давно отвыкли. Почти все армейцы к ноябрю залечили травмы, отсутствовал только Фетисов. И опять динамовцы начали матч неудачно, и опять завершили его победой.

«Сумма скоростей у команд, в общем, равна,— рассуждали, намечая план третьей встречи, Ю. Моисеев и его помощники В. Давыдов и И. Тузик,— в мастерстве ЦСКА повыше, однако многие из армейцев не всегда выдерживают жесткую силовую опеку». Динамовцам была поставлена задача — плотно опекать соперников, не давать им играть по свободному льду. Такая тактика уравняла силы команд, а в стремлении к победе динамовцы превзошли соперников. В результате — ничья.

После четвертой игры соперников я попросил Ю. Моисеева ответить на несколько вопросов.

— В чем отличие «хоккея-85» от хоккея того времени, когда вы сами играли?

— Отличия разительные! Теперь разрешается силовая борьба по всей площадке, и игра стала более контактной. Резко возросли требования к скорости выполнения технических приемов. Еще выше должна быть у классных хоккеистов физическая подготовка. Детальнее и тоньше теперь разрабатываются тактические планы буквально на каждый матч.

— Какие изменения произошли в функциях тренера?

— В принципе они остались теми же, что и, скажем, двадцать лет назад,— так тренировать команду, чтобы она побеждала. Но в содержании самой этой работы изменений множество. Ныне тренер прежде всего должен обладать не только большой суммой практических знаний, но теоретически быть выше своих весьма образованных в хоккее и вообще подопечных. Иначе он для них не авторитетен. А не завоевав авторитет у команды, делать там тренеру нечего.

— В чем стилевое отличие «Динамо» и ЦСКА?

— У армейцев, почти постоянных чемпионов страны, лучший на сегодняшний день подбор хоккеистов, что позволяет им играть с бóльшим, чем у всех других клубов, акцентом на атаку. Это их сила, но есть и слабости. Сами чемпионы об этих уязвимых местах знают и не случайно с нами в матче третьего круга уделили максимальное внимание обороне. Да и вратарь у нас сейчас посильнее. А нам очень хотелось бы перенять у первой пятерки армейцев их умение блестяще реализовать численное большинство.

— Что нужно сделать, чтобы динамовцы закрепились в роли лидера?

— Надо много и творчески тренироваться, постепенно укреплять состав классными молодыми хоккеистами, с чемпионским характером. Условия для занятий у нас в «Динамо» сейчас отличные, есть на примете и юные таланты. Хоть мы и проиграли четвертый матч, можем поспорить с армейцами за первое место. Но вообще я хотел бы, чтобы на роль лидера претендовало не две, а несколько команд.

Нам остается только согласиться с Юрием Моисеевым. Сейчас же, когда известны и результаты двух заключительных встреч армейцев и динамовцев, говорим уверенно: обе эти команды стали подлинными лидерами советского хоккея.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Соединение военных кораблей. 5. Документ, удостоверяющий личность. 7. Маршал Советского Союза. 10. Защитный головной убор. 11. Литературовед, академик, лауреат Ленинской премии. 13. Река в Швейцарии. 14. Порт в Краснодарском крае. 15. Южное плодовое дерево. 17. Действующее лицо трагедии Шекспира «Гамлет». 18. Один из героев романа М. А. Шолохова «Поднятая целина». 21. Хлопчатобумажная ткань. 22. Вид тюленя, ценный пушной зверь. 24. Глубокая речная долина. 25. Чертеж местности. 26. Польский скрипач и композитор XIX века. 28. Помещение в пассажирском вагоне. 29. Народный художник СССР, основоположник литовской советской скульптуры. 30. Рулевое колесо на судне, самолете. 31. Марка советского легкового автомобиля.

По вертикали: 1. Кинорежиссер и оператор документальных фильмов, народный артист СССР. 2. Остров на границе Баренцева и Карского морей. 3. Французский живописец и график XVIII и XIX веков. 5. Промысловая морская рыба. 6. Областной центр в Казахстане. 8. Русский путешественник, академик, исследователь Камчатки. 9. Одно из объяснений обстоятельства, факта. 11. Композитор, Герой Социалистического Труда. 12. Поэт-декабрист. 16. Короткая мужская одежда без рукавов. 19. Драма Б. А. Лавренева. 20. Стержень для чистки ствола стрелкового оружия. 22. Приемная телевизионная трубка. 23. Старинный головной убор русских женщин. 27. Деталь машины в виде полого цилиндра.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали: 7. Монисто. 8. Алфавит. 9. Молотьба. 10. Интерьер. 13. Шпангоут. 14. Система. 16. Область. 18. Акселерометр. 19. Лексикология. 22. Поленов. 25. Стрелка. 27. Аванпорт. 28. Кармалюк. 29. Спарринг. 30. Бионика. 31. Нарцисс.

По вертикали: 1. Городки. 2. Киловатт. 3. Горбуша. 4. Магнето. 5. Мадригал. 6. Сидерит. 11. Вабальниннас. 12. Доброскlонов. 15. Мукачево. 17. Баталист. 20. Перемена. 21. Чемерица. 23. Ожрагис. 24. Васюган. 25. Степень. 26. Капнист.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Народный артист СССР Иван Семенович Козловский. (См. в номере материал «Длинны дороги войны...».) Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Лабораторный корпус * В отделе физиологии и иммунитета растений (слева направо): старший инженер Р. А. Латыпов, старший научный сотрудник Ю. М. Плотникова и директор Ботанического сада член-корреспондент АН СССР профессор Л. Н. Андреев * Старший инженер отдела дендрологии Е. В. Голосова * Такие живые ковры с весны до поздней осени разбросаны в этом оазисе природы средь большого города * Цветет антуриум * Фрагмент коллекций кактусов. (См. в номере материал «Главный Ботанический».) Фото В. ОПАЛИНА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 01.03.85. Подписано к печати 19.03.85. А 00342. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 510 000 экз. Изд. № 855. Заказ № 314.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Знай самые мудрые из полярных дельфинов-белух, погнавшихся стылым декабрьским днем за косяком рыбы в чукотской бухте Провидения, какой бедой для них и их сородичей обернется это преследование, они бы наверняка «уговорили» стадо повернуть назад. Но уж слишком соблазнительным лакомством, а может быть, и просто хлебом насущным была сайка, увлекшая белух на предательское мелководье.

Пронзительно-холодные нагонные ветры в считанные сутки закупорили тяжелыми льдами выход из этой части бухты на многие километры. Огромное стадо белух (позже специалисты определят, что в нем было не менее двух, а по некоторым данным даже около трех тысяч животных) оказалось в западне. Звери, иные весом в полторы тонны, не могли пробивать крепнущие час от часу льды ударами спины. А жизнь каждого требовала: хотя бы один вдох свежего воздуха в минуту, от силы — в полторы...

Представим: почти пустынное побережье, два небольших поселка рыбаков и зверобоев. До ближайшего из этих поселков от места пленения животных около двух десятков километров. Тундровое бездорожье. Мороз. Метели.

Но каждое утро к обнаруженным зверобоем совхоза «Заря коммунизма» Василием Пелячайвыном беспомощным пленникам шли от поселков тракторно-вездеходно-санные поезда с мороженой рыбой и десятками добровольцев-спасателей. На вооружении — ломы, пешни, кирки. Но лед по краям полыней поддавался туго. Он все больше и больше стягивал неумолимой петлей проруби.

Местным спасателям стало ясно, что, как бы самоотверженно ни пытались они вызволить белух из западни, им не удастся поддержать две оставшиеся полыньи. А к ним жадно, не боясь людей, тесня друг друга, тянулись сотни и сотни ревущих (казалось, взывающих и молящих о помощи) животных. Появились первые жертвы ледового плена. По счастью, в конце концов их оказалось всего несколько десятков (вспомним — от трех тысяч).

На помощь пришли вертолетчики, подразделения Минрыбпрома СССР и мощный ледокол «Москва». В богатую биографию ледокола, который первым обеспечил круглогодичную навигацию в этом районе, тяжелейший поход по проливу Сенявина через льды толщиной от полутора до четырех (!) метров к гибнущему стаду «братьев наших меньших» впишется особой строкой. Двое суток потребовалось полярному богатырю, чтобы пробиться к пленникам стихии, а потом через двадцатикилометровый канал вывести все стадо в просторы Берингова моря. А это тоже было непросто: опасались, что звери не пойдут по каналу.

Сотни наших соотечественников в труднейших условиях зимней Арктики показали пример активной охраны природы — такой ранимой и беззащитной, и вся страна благодарит их за это. Драма со счастливым исходом имела широкий резонанс за рубежом. Международная организация охраны окружающей среды «Гринпис» направила Советскому правительству благодарственную телеграмму.

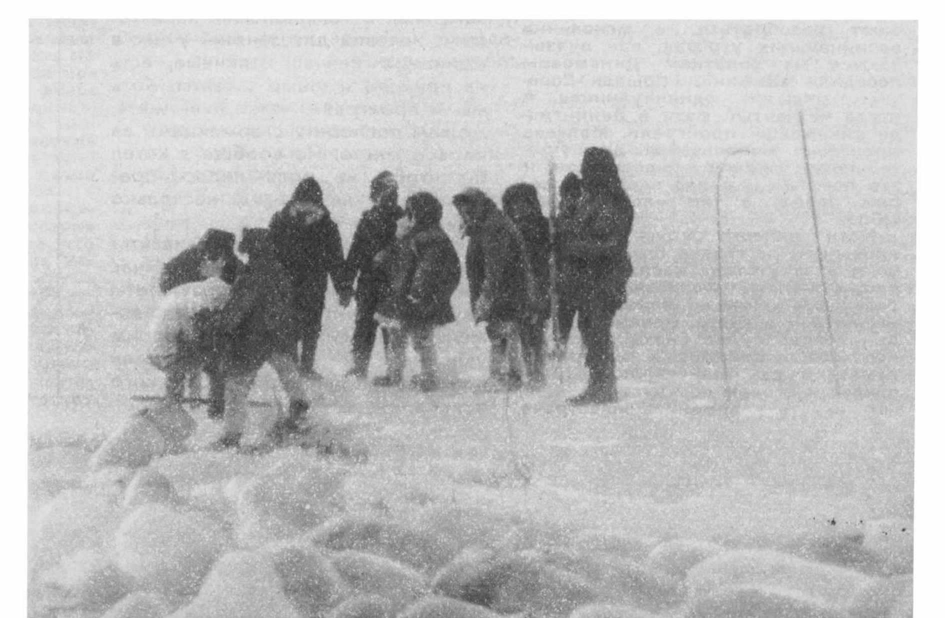
А. ГРИГОРЬЕВ

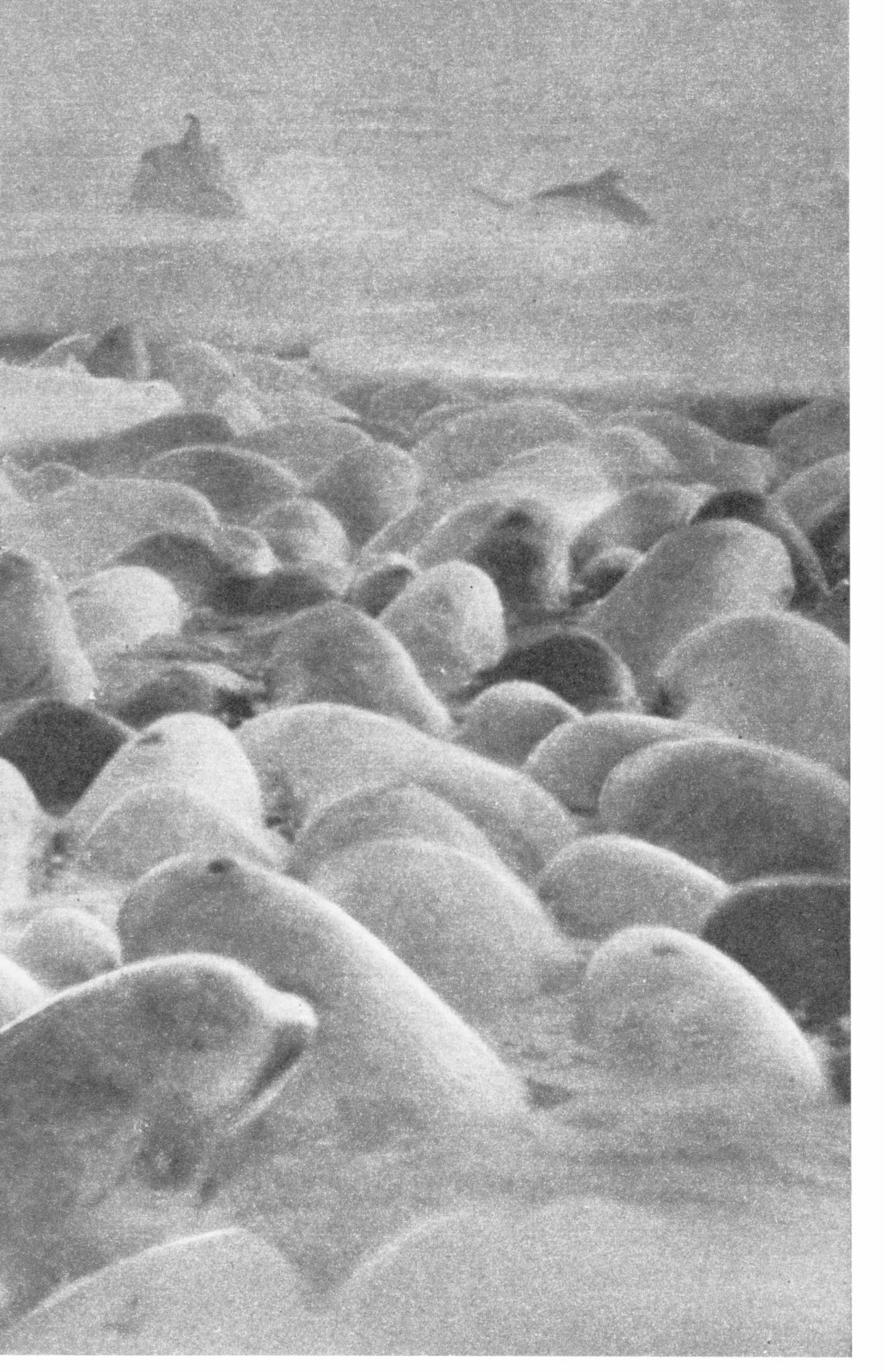

Фото Ю. САЛЬНИКОВА (ТАСС)

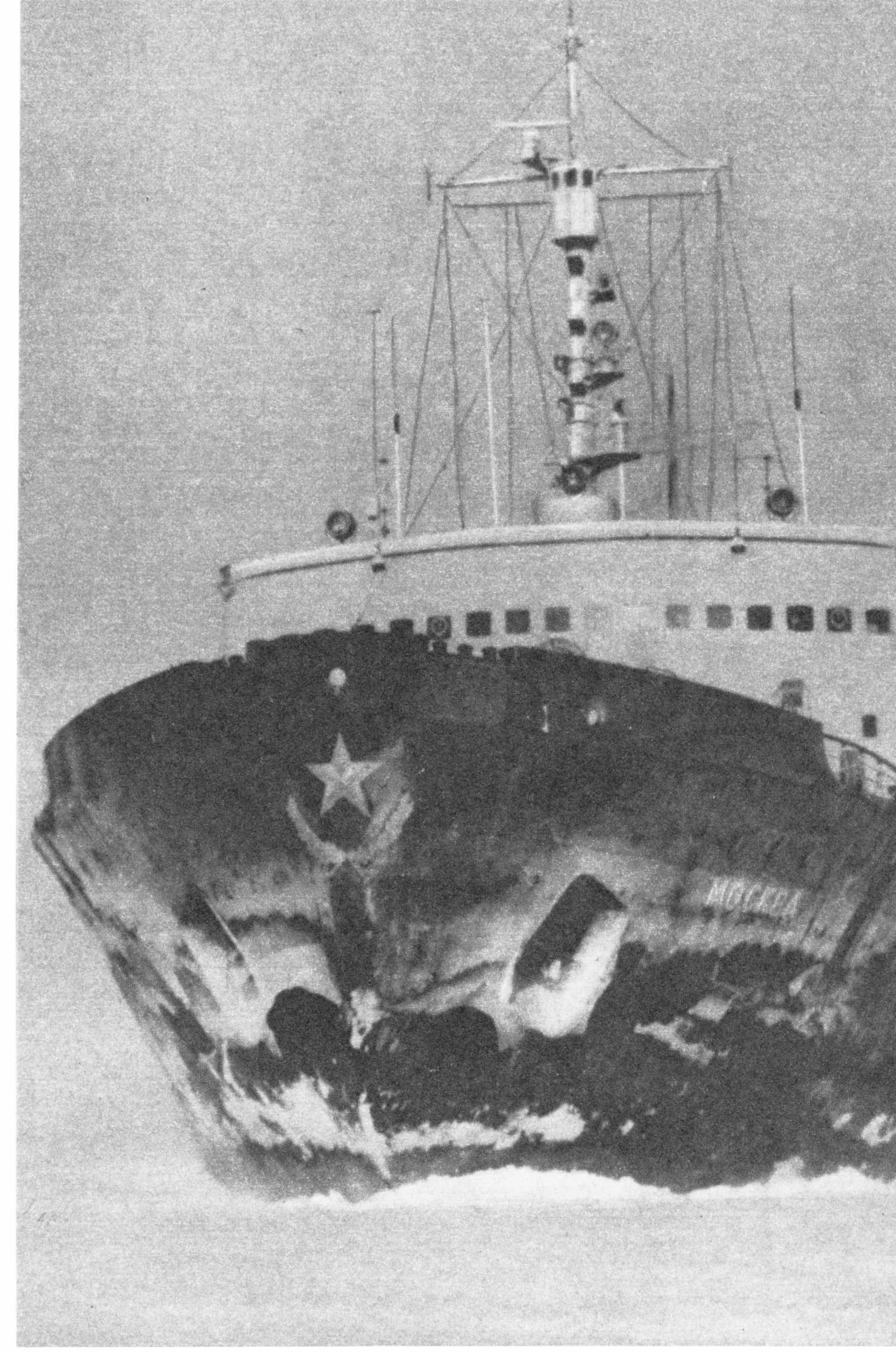

К глотку воздуха — белухи в полынье.

Слабым — помощь на месте.

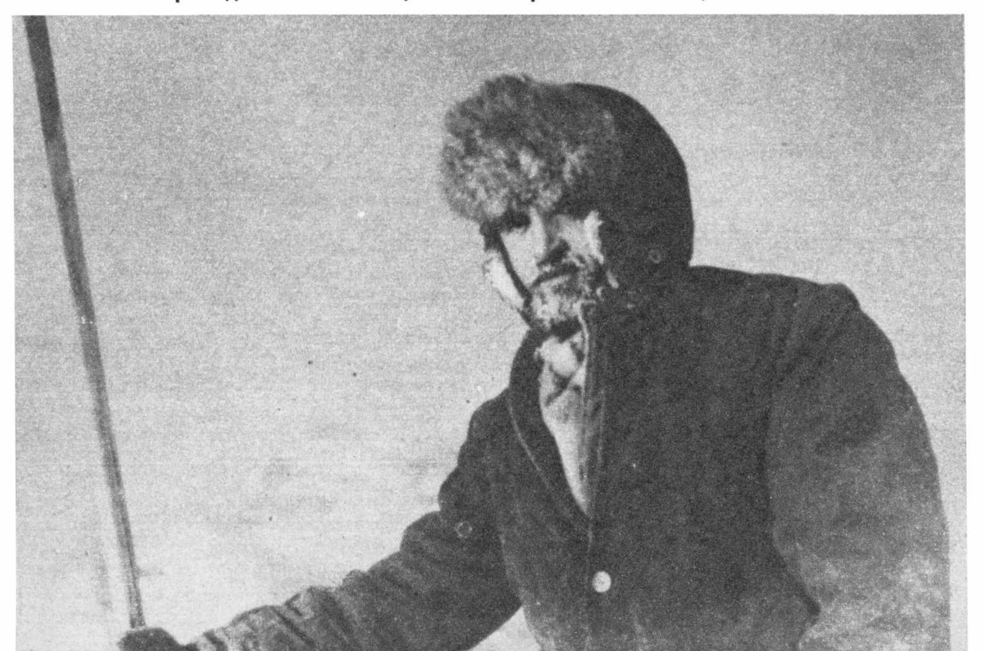

Ледокол «Москва» на пути к пленникам белой стихии.

ЕХ ТЫСЯЧ БЕЛУХ

Активно руководил операцией по спасению животных начальник Провиденской инспекции «Охотскрыбвода» Г. Парамонов.

Старший ихтиолог Ю. Клименко.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663